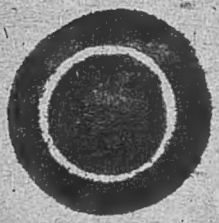
Тхоржевский С.И.
ДБ
400
Т92
"Народные волнения при первых Романовых"
Пг., 1924.

С. И. Тхоржевский.



ДБ
400
Т92

НАРОДНЫЕ ВОЛНЕНИЯ

при первых Романовых

5749

Пров. 1936

5 экз

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
647771

Петрооблит № 8361 Тираж 3000.

Типография «Сеятель» Е. В. Высоцкого. Птгр., Вознесенский пр. 53.

Наследие Смуты.

В течение пятнадцати лет—с 1598 по 1613 г.—Московское государство находилось, как говорили впоследствии, «в смуте». На престоле сидели «вчерашние рабы», иногда оказывалось одновременно несколько претендентов на царскую власть, оспаривавших ее друг у друга с оружием в руках, а одно время—нечто дотоле невиданное и неслыханное!—государство оставалось вовсе без государя... Но в конце концов сторонники политической и социальной реставрации победили—и Смута, повидимому, кончилась, когда был избран новый царь: «безгосударное» время миновало. Но никакая реставрация не бывает простым восстановлением старого; многое безвозвратно рушится и многое приходится строить совершенно заново. Современники хорошо чувствовали и понимали значительность разрушений и серьезность положения. Когда в марте 1613 г. послы от Земского Собора явились в Кострому, в Ипатьевский монастырь, бить челом избранному на царство «всей землей» шестнадцатилетнему Михаилу Федоровичу Романову, просить его «умилиться над остатками рода христианского», собрать их во единство и принять «под свою государеву паству»,—Михаил и мать его,

инокиня Марфа «с великим гневом и плачем» сначала отказали. Марфа говорила очень резко и язвительно: она упрекала московских всяких чинов людей в том, что они изменяли последовательно Годунову, Лжедмитрию, Шуйскому,—как можно согласиться быть государем у таких людей? Указана была и другая причина отказа—страна разорена, сокровища царские, с давних лет собранные, вывезены литовскими людьми; дворцовые села, черные волости, пригороды и посады розданы в поместья дворянам и детям боярским. Марфа заставила упрашивать себя несколько часов, причем послы смиренно сознавались в грехах всех людей Московского государства.

Можно сомневаться в искренности сопротивления энергичной и бойкой на язык «старицы» избранию на царство ее сына (у царя Михаила собственной воли никогда не было). Но ее упреки были справедливы, а изображение состояния страны вполне отвечало действительности. Новая династия получила в наследство все основные недуги старого (до-смутного) режима, но с подорванными хозяйственными силами и без былой привычной покорности и терпеливости населения. Социально-экономический строй Московской Руси не потерпел существенных изменений; напротив, все основные его черты получили еще более резкое выражение и логическое завершение: процесс прикрепления различных «чинов» московских людей к службе и тяглу и создания специфических московских типов государевых «холопов» и «сирот», нача-

вшись задолго до Смуты, после нее стал развиваться ускоренным темпом. Те противоречия интересов различных общественных слоев, которые обострились во время Смуты, отнюдь не были разрешены, но пережили ее. Конечно, Смутное время не прошло бесследно: оно ослабило верхушку господствующего класса — родовитое боярство, оно нанесло жестокий удар развитию производительных сил страны, оно, наконец, глубже втянуло ее в тяжелую борьбу с соседними государствами — Польшей и Швецией.

Первое обстоятельство давно обратило на себя внимание (быть может, больше, чем заслуживало) со стороны историков; но гораздо важнее были последние два обстоятельства, которые отягчали бремя повинностей, лежавших на населении, и усилили его недовольство, ставшее длительным «шатостным» настроением. Старый, давно назревавший социальный кризис не был разрешен, но сделался хроническим недугом. Смута является исходным пунктом социального развития Московской Руси 17 века; в ней уже наметились основные характерные черты тех народных движений, которые постоянно волновали Россию при первых Романовых — и даже значительно позже, и в 18 столетии. Поэтому, прежде чем обратиться непосредственно к ним, надо вкратце познакомиться с социальной борьбой во время Смуты, выяснить, какие общественные слои и за что боролись между собой.

1.

Борьба общественных классов в Смутное время.

Смутное время принято теперь делить *) на три периода: первый — когда шла борьба династическая, за престол, второй — когда она перешла в открытое междоусобие, и третий — когда на первый план выступил момент национальный.

Смута открывается появлением первого Самозванца, принявшего имя покойного царевича Дмитрия Ивановича; он был порождением и орудием московской боярской интриги, направленной против выскочки, севшего на царский трон, — Бориса Годунова. С помощью поляков и казаков, а также примкнувшего к нему населения городов южной окраины Московского государства («поля»), он завладел престолом; но менее чем через год, в мае 1606 г., он был убит, опять-таки по проискам той же боярской среды, и на его место был «выкрикнут» кучкой сторонников один из виднейших вождей московского боярства, князь Василий Шуйский. Однако, с первых же дней правления царя Василия стал распро-

*) См. труды академика С. Ф. Платонова, в частности его последний популярный очерк «Смутное Время» (П. 1923 г.).

Для экономии места и для того, чтобы не загромождать изложения, в настоящем очерке опущены ссылки на источники во всех тех случаях, когда речь идет о фактах, хорошо известных всем специалистам. Точно также, из литературы приведены только некоторые важнейшие исторические труды — в них можно найти дальнейшие литературные указания.

страняться слух, что царь Дмитрий не убит в Москве 17 мая, но жив; и еще до появления нового самозванного Дмитрия, во имя его стали образовываться вооруженные отряды, во главе которых стал казак, бывший холоп Иван Болотников, к которому стекались кроме украинских посадских и мелкого служилого люда (стрельцов и казаков) также масса «боярских людей», холопов, и крестьян, которые, по словам летописца, разоряли дома своих бояр, грабили их имущество, а жен и дочерей брали себе. Так начался второй период смуты, период борьбы по преимуществу социальной, когда самозванцы появлялись, как грибы после дождя, будучи игрушкой в руках отрядов казачьей вольницы — те же станицы, которые провозглашали своих «царевичей», затем, когда проходила в них надобность, вешали их. В Тушине, под Москвой, где расположился лагерем, в «таборах», наиболее удачливый из них, известный в истории под именем «Тушинского вора», образовалась пестрая смесь польских авантюристов, казаков и «перелётов» из Москвы из всех слоев населения, начиная с титулованного боярства и опытных приказных дельцов, дьяков.—Но затем, осенью 1609 года, на сцену выступает польский король Сигизмунд, понадеявшийся с небольшим войском завоевать Московское государство: наступает третий период Смуты. В тушинском лагере происходит раскол: большая часть войска (поляки и часть казаков) переходит к королю, а сам «вор» еще до их отъезда бежит на юг, поближе к

украинным городам и казачьему полю, в Калугу. Бесцеремонное поведение польского «рыцарства», считавшего русскую землю своей законной добычей, вызывает национальное чувство, и многие города, после того как царя Василия свергли с престола Ляпунов и его сообщники, стали целовать крест Тушинскому вору, как единственному объединителю русских, как представителю национальной власти. Но и вор в декабре 1610 г. погиб от руки одного из своих приближенных, татарина кн. Урусова, а Москва присягает королевичу Владиславу и занимается польским отрядом. Однако, борьба под национальными лозунгами продолжается. После нескольких неудачных попыток одному из ополчений, имевшему исходный пункт в Нижнем Новгороде, удалось объединить под властью своих предводителей Московское государство и, в союзе с остатками тушинцев, заставить поляков оставить Москву и выбрать, наконец, нового царя. Этот момент — февраль 1613 г.— принято считать концом Смуты.

Сейчас Смута интересует нас, как выражение социального кризиса, как то скрытая, то открытая борьба, которая велась различными общественными слоями, имевшими противоположные интересы. Победителями оказались сторонники старого социального строя; но кто были побежденные, и чего они добивались?

Первым вождем социальных низов, который, по выражению С. Ф. Платонова, поставил целью дви

жения общественный переворот, был знаменитый Болотников. К сожалению, мы имеем очень мало сведений о его личности и еще меньше — о его программе. Иван Исаевич Болотников был некогда холопом князя Телятевского и бежал от своего господина в степь к казакам (повидимому, на Дон); затем он попал в плен к туркам — вероятно, во время одного из казачьих набегов на «бусурман», — и, как невольник, работал некоторое время гребцом на галере. Отсюда ему удалось бежать, и через Венецию он прибыл в Польшу, откуда его и направили в Путивль, к верному сподвижнику первого Лжедмитрия («всей крови заводчику») кн. Гр. Шаховскому *). «Будучи высокого роста и имея силу, — говорит о Болотникове голландец Масса, бывший в то время в Москве, — он отличался во время войны удальством, храбростью и отвагой, и мятежники выбрали его главным атаманом своего войска»; в других местах своего сочинения Масса называет Болотникова неустрашимым витязем, героем (helt); таким же рисует его другой, сравнительно достоверный, автор-современник Буссов. И действительно, он обнаружил талант полководца, не раз разбивая царские войска.

*) Рассказ голландца Геркмана о посещении Болотниковым дома Марины в Ярославле и беседе его с нею, послужившей, будто, поводом поднятого им движения — совершенно не внушает доверия. См. «Сказание Массы и Геркмана о Смутном времени» (изд. Археограф. Комиссии), стр. 298 — 299.

и успешно выдерживая осаду в Калуге и Туле. Когда царю Василию удалось, наконец, запрудив р. Упу, вызвать наводнение и этим принудить осажденных в Туле мятежников к сдаче, Болотников, по словам иностранцев (Буссова и Геркмана), явился к царю и предложил служить ему так же верно, как он служил до тех пор названному царю Дмитрию, который его не поддержал. Царь, будто бы, обещал ему помилование, но «сдержал свое слово так свято, как только можно ожидать от подобных людей», говорит Буссов, — его сослали в Каргополь и там... утопили.

Какова же была его программа? О ней мы знаем только со слов одного современника, сторонника царя Василия и, следовательно, заклятого врага мятежников — патриарха Гермогена. В грамоте, писанной 30 ноября 1606 г., увещая православных христиан стать за своего законного царя, патриарх пишет, что «воры», стоя под Москвой, посылают в города «проклятые свои листы и велят боярским холопам побивати своих бояр, и жены и вотчины и поместья им сулят, и шпыням и безымянником вором велят гостей и всех торговых людей побивати и животы их грабити, и призывают их воров к себе и хотят им давати боярство и воеводство и окольничество и дьячество» *). Если патриарх Гермоген не из-

*) Грамота напечана в Актах Археографич. Экспедиции, т. II № 57; ср. там же № 58.

вращал смысл прокламаций Болотникова, то приходится признать, что это движение, будучи несомненно социальным, классовым, являясь выражением классовой вражды к сильным и богатым, не стремилось, однако, к общественному перевороту в точном смысле слова: должны были сохраниться привилегированное землевладение — вотчины и поместья (разумеется, с прикрепленными к ним рабочими руками — крестьянами), и служебная иерархия — боярство, воеводство, окольничество и дьячество; словом, никакого *нового* общественного устройства мятежники не имели в виду, и дело должно было ограничиться только перемещением, так сказать, жителей нижнего этажа в верхний, и обратно.

Но, конечно, одного свидетельства патриарха Гермогена недостаточно — в социальной борьбе во все века не стеснялись извращать слова своих противников. У нас остается один путь для его проверки (так как сам Болотников быстро промелькнул на исторической арене — в течение всего одного года, оставив о себе очень слабые и смутные сведения): надо посмотреть, как действовали те его друзья и единомышленники, которые его пережили и успели оставить после себя больше документальных сведений.

Болотников был инспирирован, повидимому, кн. Г. Шаховским; одновременно и рядом с ним появляется среди восставших знаменитый впоследствии тушинский «боярин и воевода» Иван Мартынович За-

руцкий *). Болотникова поддерживали также многие знатные лица из тех, которые были близки первому Самозванцу; князь Шаховской был не единственным титулованным среди мятежников — тут мы видим и князей: Масальского, Телятевского, Татева. Не следует придавать слишком большого значения тому обстоятельству, что Болотников был по происхождению холоп — ведь этому не придал значения сам его бывший господин, кн. А. А. Телятевский, сражавшийся под его начальством!**). Для восставших это был, прежде всего, опытный вождь, получивший военное воспитание у казаков, побывавший во многих дальних и неведомых странах. К нему постоянно приходили подкрепления с юга: в той же самой «прежде погибшей» Украине, где жители, по выражению современника, еще во времена Расстриги попробовали («лакнуша») крови христианской, появился сначала «казаческий товарищ» — «вор Петрушка», провозгласивший себя царевичем Петром Федоровичем. Это был такой же «витязь», как и

*) Современная польская «Historya Dmitri falszywego» говорит, что во главе бунта против Шуйского стали Болотников и Заруцкий,—помещая их, таким образом, рядом; но, по Буссову, Заруцкий занимал при Болотникове подчиненное положение и был послан им из Тулы звать на помощь второго Лжедмитрия.

**) «Новый Летописец» в двух местах изображает Болотникова посылающим Телятевского с отрядом против царских войск. Полное Собрание Русских Летописей, т. XIV, ч. 1, стр. 74 и 75.

Болотников, сражался рядом с ним и вместе с ним погиб, повешен после взятия Тулы; зато князь Шаховской, благодаря титулу, отделался ссылкой и впоследствии снова «воровал» в тушинском стане. В это время на Украине (в Стародубе) появился уже другой «злобесный и кроволакательный пес», принявший имя царя Дмитрия Ивановича. Не оснований предполагать, чтобы программа последнего, известного в истории под именем Тушинского вора, существенно отличалась от болотниковской: это было, в сущности, одно движение, с тем же составом участников, вожди которого очень часто бывали игрушкой в руках своих подчиненных. Поэтому, мне кажется, не следует выделять движение Болотникова и придавать ему особое значение. О программе Болотникова и о том, насколько верно передал ее патриах Гермоген, можно судить по словам и действиям Петрушки и Тушинского вора и его соратников.

Второй Лжедмитрий пользовался, несомненно, популярностью среди своего войска: когда он, опасаясь поляков, бежал из Тушина в Калугу, казаки, несмотря на уговоры своего вождя Заруцкого, решили итти за ним — и множество их погибло от руки поляков, отправленных за ними в погоню; когда вор был убит татарином кн. Урусовым, казаки устроили татарский погром — все татары, оказавшиеся в Калуге, были перебиты; когда весной 1612 г. донские казаки в московских таборах услышали, что в Пскове объявился опять Дмитрий, тот самый, кото-

рого убил в Калуге Урусов, они присягнули на его имя надеясь иметь больше своеволия, как говорит поляк — современник. Итак, Тушинский вор был удобным царем для казаков, и его программа не могла итти вразрез с их стремлениями.

Но прежде чем переходить к программе движения, надо ознакомиться с составом его участников. Главной силой Тушинского вора были казаки с Дона, Волги, Днепра и даже далеких Терека и Яика *). «Казаки,—писал Масса,—люди различных племен, из земли московской, татарской, турецкой, польской, литовской, корельской и немецкой, по большей части—москвитяне; говорят преимущественно по московски, хотя между собой они употребляют особое наречие, которое они называют otvernitza (?). [В казаки] по большей части поступают люди, убежавшие от своих господ, холопы, негодяи, воры и им подобные. Они преимущественно селятся в татарских степях, близ рек Волги, Дона и Днепра и переходят с места на место». В конце 16 века центром скопления этих подвижных станиц стал Дон (если не считать более старого центра

*) Этих «вольных» казаков, живших за пределами Московского государства отдельными отрядами («станицами»), подчинявшихся только своим атаманам и служивших московскому правительству, так сказать, по вольному найму, когда они находили это выгодным,—надо отличать от тех казаков, которые были низшим слоем служилых людей, т. е., служили в городах московского государства «по прибору», на жалованьи, с назначенными головами и сотниками.

украинского казачества в Запорожьи), а главным поприщем их подвигов, служивших источником существования—с одной стороны Азов и прилегающие местности, и с другой стороны Волга. Их грабежи, в особенности на Волге, причиняли много неприятностей московскому правительству, которое принимало суровые меры для их искоренения. Еще Грозный в 70-х годах посылал из Казани и Астрахани ратных людей, воров волжских и донских казаков перевешать—и действительно некоторые атаманы были пойманы и казнены в Москве в присутствии послов ногайского князя Уруса, который много страдал от них и жаловался царю *). Большое экономическое и политическое значение придавалось московским правительством сношениям с Персией—особенно с тех пор, как в ней стал править один из замечательнейших государей того времени, шах Аббас Великий. Сношения эти велись Волгой и Каспийским морем—и тут волжские («вольские») казаки были грозой купцов, причиняя ущерб и денежным интересам и политическим видам Москвы. Волжские караваны сопровождались отрядами стрельцов для обереганья; но это не устраняло грабежей, и, напр., в 1588 г. царь Федор Иванович заплатил персидскому послу Анди-бею за его «рухлядь», которую погромили волжские казаки, «вдвадцатеро», а казаков вольских

*) Соответствующие выписки из «Ногайских дел» опубликованы в объемистом труде А. Карпова (ценном именно в этом отношении), «Уральцы» Ч. I (Уральск, 1911), стр. 49 и 51.

велел казнить больше четырехсот человек. Возникали также конфликты с донскими казаками из-за грабежа турок и татар. Так, в начале 90-х годов 16 в. донцы отказались исполнить царское требование отдать турецких пленных без выкупа: если у нас не станут полоняников окупать, заявили казаки, то нам на Дону чем жить? Очень не понравилась также донцам попытка навязать им московского дворянина Петра Хрущова в качестве «головы»: они отказались его принять, заявив, что рады служить со своими головами, а не с Петром *). Угрозу послать на них Доном большую рать и «поставить город на Раздорах»—правительство не в состоянии было осуществить и оставляло безнаказанным их самовольство. Неудивительно, что зато там, где оно могло, в московских пределах, правительство жестоко расправлялось с казаками. Одна позднейшая грамота на Дон (1625 г.) напоминает казакам, какая им неволя была при прежних государях московских, напоследок при царе Борисе, когда «невольно было вам не токмо к Москве приехать, и в украинные городы к родимцом своим притти, и купити, и продать везде заказано. А сверх того во всех городах вас имали и в тюрьмы сажали и иных многих казнили, вешали и в воду сажали». Подобные массовые казни должны были ожесточить

*) Этот самый П. Хрущов был послан через несколько лет Годуновым уговаривать донцов не приставать к первому самозванцу, но казаки схватили его и отправили в Польшу со своей делегацией к Лжедмитрию.

казачью вольницу против правительства царя Бориса и подготовить почву для Самозванца. Особое ожесточение казаков в этот момент подтверждается и словами иностранца Массы, что в описываемое время казаки взбунтовались против Московии и начали грабить всех купцов, ведших торговлю в Персии, Армении, Шемахе и по берегам Каспийского моря, и даже убивали многих без всякой причины. Этим настроением воспользовался первый Самозванец, который послал из Польши несколько гонцов к казакам, и те собрались со своими атаманами в числе 8000 чел., чтобы обсудить полученные известия. В результате, казаки дали основную массу войск различных самозванцев, их боевое ядро, сплачивавшее вокруг себя приставших к мятежу людей, иногда впервые бравших в руки саблю и пищаль. По признанию противников в воровских отрядах казаки были «лучшими их промышленниками». В бою на р. Восьме, где войска Петрушки были разбиты, царские войска встретили упорное сопротивление со стороны казаков, которые в количестве 1700 человек засели на буераке и сделали себе городок, где отбивались два дня; на третий день городок был взят и оставшиеся в живых мятежники — казнены. Не встречая пощады, казаки и сами ее не давали противникам.

По своему происхождению, вольное казачество не было однородным ни в национальном, ни в социальном отношении. Очень много среди них было малороссов черкас) и татар. Любопытно, что [illegible] из просла-

С. И. Тхоржевский.

ИСКЛЮЧЕНА ИЗ БИБЛИОТЕКИ
ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

вленных казачьих атаманов, герой войны против царя Бориса, защитник Кром, — носил прозвище Корелы *).

В социальном отношении тут было много бывших холопов, были крестьяне и посадские, были, наконец, и служилые люди (в частности, прочные связи с донским казачеством во второй половине 16 века имели, повидимому, рязанские дворяне и дети боярские, жившие в верховьях Дона и часто уходившие в казаки). Живя «казачеством», т. е., главным образом, грабежом, вся эта пестрая масса быстро отвыкала от мирного производительного труда и проникалась одним духом воинов-добычников; бывшие крестьяне и холопы могли сохранять ненависть к классу землевладельцев и душевладельцев, но никакого иного типа производственных отношений, никакого иного экономического строя они не знали и не представляли себе. А так как они вовсе не желали возвращаться к земледельческому или ремесленному труду, то естественно тяготели к «службе», вознаграждаемой вотчинами и поместьями; неудивительно, что крестьяне и посадские скоро убеждались, что с казаками им не по пути.

Первый самозванец, благодаря казачьей военной силе севший на трон самой абсолютной монархии Европы того времени, трон Ивана III и Грозного,

*) Масса говорит, что это был «шелудивый маленький человек, покрытый рубцами, родом из Курляндии»; но Корелой именовался нынешний Кексгольм.

оказал казакам все признаки своего благоволения. Когда, после смерти царя Бориса, московские бояре решили принести Самозванцу повинную и послали к нему в Тулу князей И. М. Воротынского и А. А. Телятевского,—в Тулу одновременно явились с Дону казаки, смага Чертенский с товарищами. Самозванец, говорит летописец, обрадовался им и пустил их к руке прежде, нежели московских бояр, которым пришлось испытать и другое унижение: «яко же бо лютые звери яряхуся на человека, тако и сии воры козаки лаяху и позоряху бояр». По иностранным сведениям, атамана Корелу Самозванец оставил при себе в Москве, но тот не пожелал быть вельможей и предпочел ежедневные пирушки. Позднее, при царе Василии, русскому послу, отправлявшемуся в Персию, было велено говорить шаху, что когда был на московском государстве вор Гришка Отрепьев, он «вольским и донским казаком во всяком воровстве повольность дал, и воры вольские и донские казаки по его воровскому злому умыслу на Волге торговых и всяких людей грабили, живя на Волге во многих местах». Хотя повольность, данная Расстригой донским и волжским казакам, едва ли шла так далеко, как это изображено в дипломатическом наказе царя Василия, но несомненно, что кратковременное царствование Самозванца должно было быть для них временем славы и влияния. Неудивительно, что имя царя Дмитрия стало тем знаменем, которое с неизменным успехом собирало вокруг себя толпу казаков,

готовых всегда, в случае надобности, выдвинуть нового самозванца.

Какие мотивы влекли казачью вольницу за всеми этими самозванцами, очень хорошо рисуется показанием самого вора Петрушки (он же — Илья или Илейка Муромец, — знаменательное имя!), взятого в плен вместе с Болотниковым в Туле. Родился он в Муроме от внебрачного сожития, рано осиротел и снискивал себе пропитание сначала в качестве сидельца в лавке, торгуя яблоками и горшками, потом стал ходить рабочим на судах по Волге, побывал в Москве и несколько раз — в Астрахани и на Терке. Зимой 1605—1606 г. он оказался на Терке в качестве «товарища» одного казака; тут-то среди казаков стали вестись разговоры о политике и строиться различные планы. Сначала у них возникла мысль использовать происходившую тогда турецко-персидскую войну (кончившуюся тем, что турки были оттеснены от берегов Каспийского моря): стали казаки думать всем войском, чтобы итти на Кур-реку, на море, «громить турских людей на судех, а буде де и там добычи не будет, и им де было казаком к Кизылбашскому шах-Аббасу служить». Однако, пример первого Лжедмитрия, только что воцарившегося в Москве, указывал и другие, более заманчивые возможности. Среди казаков стали поговаривать: «Государь де нас хотел пожаловати, да лихи де бояре, переводят де жалованье бояре, да не дадут жалованья»; и набралось триста человек, которые

тайно сговорились итти на Волгу громить торговые суда, а для того, чтобы придать своему походу более законный и даже импозантный вид и замаскировать его грабительские цели, порешили выбрать когонибудь из своей среды и назвать его царевичем Петром, сыном покойного царя Федора Ивановича. Выбор пал на Илейку, т. к. другой кандидат, сын астраханского стрельца Митька, отговорился тем, что он на Москве не бывал и никого там не знает. Слухи о готовящемся предприятии дошли до местного воеводы Головина, который попытался было задержать Илейку, но тот скрылся в казачий городок на р. Быстрой; казаки его не выдали и всем войском отправились в Астрахань. В Астрахань их не пустили, опасаясь грабежа; и отсюда они пошли вверх Волгой к царю Дмитрию — в Самаре их встретил посланный от Самозванца с приказанием спешить к Москве. Но уже в Свияжске они узнали, «что на Москве Гришку Растригу убили миром всем», тогда они повернули назад и с Волги перешли на Дон. Сюда к ним явился гонец из Путивля от князя Гр. Шаховского и всех путивльцев, с предложением итти на-спех в Путивль, т. к. царь Дмитрий жив и идет из Литвы со многими людьми *). Петрушка явился в Путивль с терскими, волжскими и дон-

*) Показание «Петрушки» напечатано в Актах Археограф. экспедиции, т. II, № 81 и недавно перепечатано во II томе «Архива Строева» (Русская Историческая Б-ка, т. XXXV; II. 1917), № 69.

скими казаками; позднее к нему пришли черкасы из Запорожья. В Путивле, Цареве-Борисове и др. городах южной окраины мятежники-казаки и местные жители — отчасти еще до прихода Петрушки — убили много бояр, воевод и дворян (среди них — ряд титулованных, князей), которых, по словам летописца, «многими муками мучили, иных с башни метаху, иных с мосту в ров, иных вверх ногами вешаху, иных по стенам распинаху, руки и ноги гвоздием прибивше, из пищалей расстреляху».

Петрушка кончил свою карьеру одновременно с Болотниковым, множество его приверженцев, взятых в плен царем Василием, было утоплено,—по словам современника, эта казнь не прекращалась в течение двух лет. Но многие из них уцелели и, по всей вероятности, примкнули ко второму Лжедмитрию, знаменитому Тушинскому вору. Отдельные казачьи станицы, выдвигавшие собственных царевичей, скоро уверовали в счастливую звезду последнего и предали ему своих первоначальных избранников, истинное происхождение которых, по словам летописца, не было ни для кого тайной: «иной боярский человек, а иной мужик пахотной». Под Брянском самозванец предал смерти вора Федьку, которого привезли казаки с Дона; под Астраханью появились сразу три вора: Август («царя Иоанна сын»), Осиновик и Лавер (или Лаврентий—сын Федора Ивановича). Осиновика казаки сами повесили на Волге, а с двумя другими пришли в Тушино, где «вор» их пожаловал,

а своих соперников, Августа и Лавра, велел повесить в Тушине на московской дороге.

Посмотрим теперь, кто окружал тушинского царя Дмитрия и какова была его политика. Лучшую часть его войска составляли отряды польских авантюристов, во главе с «гетманом», князем Ружинским — блестящим аристократом, который в Польше, за отсутствием войн и «рокошей», уже около полугода «оставался без дела», по выражению его соотечественника Маскевича, тоже принявшего участие в московской смуте, и привел с собой собственное войско в 4000 чел. (по другим сведениям—1000 чел.). Цели их были совершенно ясны: они приехали за добычей. Главари их думали, может быть, о крупных политических и административных постах в будущем, но масса стремилась прежде всего взять что можно с местного населения—всякими поборами и простым грабежом. Совершенно самостоятельно действовали отряды Сапеги, племянника канцлера, изящного рыцаря, получившего итальянское воспитание, и Лисовского, польского изгнанника, лишенного прав; но в войске Сапеги было много и русских, а у Лисовского даже главным образом—донские казаки. В Тушинском лагере, далее, мы видим многих представителей родовитых фамилий: с одной стороны—противников Годунова, примкнувших к первому Лжедмитрию, и с другой стороны—неприятелей Василия Шуйского. Первое место среди них занимал «нареченный» патриарх Филарет, в мире—боярин Федор

Никитич Романов, отец будущего царя, насильно постриженный Годуновым. В Тушино переехали из Москвы многие родственники и свойственники Романовых: князь А. Ю. Сицкий, князь Д. М. Черкасский, И. И. Годунов, Салтыковы. Высшую администрацию у вора составляли старые московские приказные дельцы, вроде дьяков Б. Сутупова, П. Третьякова, И. Чичерина, И. Грамотина и др. Тогда многие переезжали из Москвы в Тушино и обратно, заслужив меткое название перелётов; многие откровенно расчитывали, в случае нужды, на заступничество своих родственников и приятелей, находившихся в другом лагере. Разумеется, они служили не даром, и вор их жаловал, как издавна жаловали московские цари своих верных холопов, вотчинами и поместьями. Того же добивались и многочисленные мелкие служилые люди, старые и новые.

Самым легким способом получить вотчину или поместье—было бить челом о земле того землевладельца, который был «в измене», т. е. служил противной стороне. Мы имеем несколько десятков грамот, выданных от имени царя Дмитрия Ивановича в 1609—1610 г.г. на вотчины и поместья в Арзамасском уезде. Почти всем жалуются в поместье (пожалованья в вотчину составляют исключение) земли, бывшие владельцы которых «изменили», отъехали к Москве или к королевичу Владиславу. Среди новопожалованных мы видим, прежде всего, ряд

местных дворян и детей боярских, спешащих завладеть землей соседей; одни татарские мурзы получают поместья других мурз. Крестьяне же обычно играют при этом пассивную роль—их делят между собой различные владельцы, переводят из одного двора в другой; тушинские приказные пишут в своих грамотах, что крестьяне обязаны нового своего помещика «слушать и пашню его пахать и доход помещиков платить». Словом, тут перед нами перемещение лиц, но не общественных классов. Более крупные пожалованья достаются близким к «царю» лицам: стряпчий И. А. Киреев, спальник К. Я. Кошелев, коморник Н. И. Стрыжевский получают здесь в свои руки поместья сразу нескольких человек *).

Казаки бывали скромнее: в грамотах, которые выдавались руководителям подмосковного ополчения (после распадения Тушина) в 1611—1612 г.г., есть несколько пожалований казакам, которым дается кабак на откуп, или велено быть в кабацких и таможенных головах, или, наконец, просто, освобождается от государственного обложения двор бывшего посадского человека, потому что ему быть вперед в казаках. Таковы были материальные достижения казаков за их службу—«за кровь и за раны». Вожди их получали гораздо больше: так, близкие подчиненные Заруцкого получили не только кабак на

*) С. Б. Веселовский, «Арзамасские Поместные Акты» (М. 1915 г.), №№ 242—279.

откуп, но и поместья (напр., один из людей Заруцкого, С. Касьянов, завладел арзамасским поместьем татарского головы Кушникова). самого Заруцкого летописец обвиняет в том, что он «поимал себе городы и волости многие», в то время как ратные люди под Москвою помирали с голоду» *).

Таким образом, в социальной политике Тушинского вора не было решительно ничего революционного: основной устой экономического строя — обязательный труд крестьянина на служилого человека, помещика или вотчинника—принципиально не только не отвергался, но, напротив, признавался незыблемым. Правда, масса лиц лишилась своих поместий, отданных другим... Но так же действовал и царь Василий, признаваемый оплотом консервативных слоев населения; в частности, жестоко пострадали землевладельцы южной окраины—царь Василий велел татарам и черемисе «Украинных и Северских городов и уездов всяких людей воевать и в полон имать и живот их грабить за их измену и воровство». Для того, чтобы избавить свою землю от разорения, надо было выхлопотать особую охранную грамоту,

*) «Новый Летописец» (П. С. Р. Л., т. XIV, ч. I, стр. 112). Интересно отметить, что то же обвинение высказывается в грамоте Пожарского от 7 апреля 1612 г., причем упоминается, кому раздавались земли: Заруцкий «многие грады и дворцовые села и черные волости и монастырские вотчины] поимал и советникам своим, дворяном и детем боярским, и атаманом и казаком роздал». Акты Арх. Экспед. т. II, № 203.

в которой объявлялось, что царь пожаловал такого-то верного ему помещика «поместья его воевать, и крестьян бити и грабити, и животины имати, и хлеба травити и толочити, и никакого насильства чинити, и кормов сильно имати не велели». В итоге, часто больше всего страдали крестьяне, согласно пословице: паны дерутся, а у хлопов чубы трещат.

Программа Лжедмитрия II изложена в его грамоте суздальцам 23 октября 1608 г., где он хвалит их за то, что они ему, «добили челом», и дает благой совет: жить в тишине и покое, друг друга не бить и не грабить. Затем следует обещание, как только он будет на престоле своих прародителей на Москве, пожаловать всяких служилых людей своим царским жалованьем, деньгами и сукном; «а дворянских и детей боярских детей их велим поместным окладом и денежным жалованьем верстать и в поместном окладе и денежном жалованьи и прибавку учинить; а вас, богомольцев наших, и посадских черных людей, и наших дворцовых сел и деревень и боярским и княженецким и дворянским и детей боярских прикащиком и старостом и целовальником и крестьяном и всему миру, за вашу службу и радение, велим дать свое царское жалованье, тарханные грамоты, что с вас наших царских податей никоторых имати не велим». Тут нет ни слова о каких-нибудь социальных преобразованиях: сохраняется вся иерархическая лестница московских «чинов»; служилым людям «по отечеству» (дворянам и детям бояр-

ским) обещается обеспечение их детей поместным окладом, о котором нет речи для стоящих ниже служилых людей «по прибору»; наконец, крестьяне остаются в прежнем социальном положении под боярскими приказчиками, и им (а также черным посадским людям) дается только одно, правда, существенное, но зато заведомо неосуществимое, явно демагогическое обещание: полное освобождение от государственного обложения.

Ратные люди Тушинского вора скоро научили крестьянское население, что означает реально власть «царя Дмитрия». Особенно отличилось польское рыцарство; в этом отношении очень характерна та «ассекурация», которая была дана рыцарству Сапеги королем Сигизмундом в декабре 1610 г. для того, чтобы привлечь его на свою сторону. Дело в том, что рыцари отнеслись к московскому походу Сигизмунда сначала очень враждебно, увидев в нем соперника, покушающегося на то, что они считали своей законной добычей; поэтому Сигизмунд поспешил послать им грамоту, обещая в ней рыцарству, которое «зашло в эти страны по жажде к славе и рыцарской отваге», заслуженное им жалованье, когда король утвердится на русском престоле; если же, в течение полугода после этого король не сможет выплатить жалованья, то рыцарству «вольно пребывать и удовлетворять свои нужды в Рязанских и Северских землях, пока не получит полного удовлетворения жалованьем». Жажда к славе и ры-

царской отваге воинов Сапеги дорого обходилась русскому крестьянству: мы имеем ряд жалоб на действия отрядов Сапеги со стороны высокопоставленных тушинцев, приближенных царя Дмитрия — думного дьяка П. Третьякова, Ив. Чичерина, Л. Плещеева, князя Троекурова, — новопожалованные вотчины и поместья которых разорялись этими рыцарями. В конце 1608 г. дворцовые крестьяне села Иркова подали царю Дмитрию жалобу на государевых ратных «загонных» людей, которые поимали их имущество, скот и платье, отняли хлеб и варят из него себе пиво, жен и дочерей позорят.

Неудивительно, что скоро начались крестьянские восстания—так, в начале 1609 г. «мужики» дворцовых сел Ярополчской волости изменили Самозванцу и целовали крест царю Василию; усмирять их были посланы владимирцы и юрьевцы, дворяне и дети боярские. Заодно с крестьянами стали действовать посадские люди. Весной 1609 г. в Соли Галицкой произошло характерное расслоение населения: посадские сохранили верность царю Василию, а дети боярские, галичане и костромичи, изменили и пришли на Кострому вместе с литовскими людьми и казаками. В переписке Тушинского вора и его воевод постоянно встречаются указания на действия «изменников-мужиков»—поморских, вологодских, белозерских, поволжских городов и др. Дворяне и дети боярские в войсках Тушинского вора сражались против мужиков бок-о-бок то с поляками, то с каза-

ками: в росписи переяславцам, убитым и раненым в отряде Сапеги во время осады Троицкого монастыря, числится несколько десятков дворян и детей боярских. Когда нижегородцы разбили (в январе 1609 г.) тушинцев на Муромской дороге, они повесили взятых в плен неприятельских предводителей: с одной стороны—воеводу князя С. Вяземского, с другой—атамана Тимоху Таскаева; «черные люди» собирались по городам и по волостям в отряды, с посадскими людьми и крестьянами во главе, и, убивая литовских людей, пленных (русских) дворян отсылали в Нижний. Именно мужики Поморья и Замосковных городов, посадские люди и черные и дворцовые крестьяне—местная мелкая буржуазия—были главной силой, поднявшейся против Тушина. Напротив, служилые люди, от низших до самых высших, оправдали современную московскую поговорку, что каждый из них, велик и мал, живет государевым жалованьем, и готов был служить любому государю, от которого надеялся получить «больше прежнего почесть, дары и имения» *).

Таким образом, было бы неправильно упрощенное представление, что за царя Василия были социаль-

*) Грамота Лжедмитрия II суздальцам—в Актах Исторических, т. II, № 100. О разорении от ратных людей—там же №№ 89, 119—121, 123—125, 161 и др.; о движениях крестьян и посадских против Тушина—№№ 151, 155, 171, 172, 177, 195 и др. «Ассекурация» кор. Сигизмунда—Рус. Ист. Библиотека, т. I, стр. 219—220.

ные «верхи», а за Тушинского вора—«низы»; неправильно уже потому, что никакой принципиальной разницы в их программах не было. Во всяком случае, никакой программы социальных преобразований ни у кого мы не находим: политика и тех и других двигалась в привычных рамках установившегося социально-крепостнического строя. Стихийное недовольство широких масс, вызванное их бедственным материальным положением, могло на первых порах толкнуть их к Самозванцу. Но жизнь еще не выработала нового определенного типа социальных отношений, и Самозванец пошел старыми путями. Трудовое население сел и посадов скоро решило, что старая власть была все-таки лучше, т. к. при ней было, по крайней мере, меньше грабителей и больше мира. Борьба за мир—вот что объединило посадских и крестьян всего севера и востока Московской Руси. Мир был невыгоден шайкам грабителей, иноземных и русских, да страшил бывших холопов, которые отнюдь не хотели возвращаться к своим прежним господам. Но понемногу казаки, среди которых было больше всего грабителей и бывших холопов, устраивались на государственном жалованьи, денежном и даже поместном, достигали покойных мест кабацких откупщиков и кабацких и таможенных голов. Так подготовлялась почва для компромисса между двумя станами—«земским» и «казачьим»,—которые, наконец, соединились, чтобы изгнать польских рыцарей.

Еще Тушинский вор, после того как испытал измену поляков и бежал в Калугу (став из тушинского—калужским), проникся крайним национализмом. Немец Буссов свидетельствует, что в Калуге вор стал ненавидеть поляков и немцев, насколько прежде любил их, брал обратно розданные им поместья бояр и князей, и однажды только заступничество Марины спасло группу ни в чем неповинных немцев от казни; когда Москва присягнула Владиславу, он будто бы решился избрать своей столицей Астрахань, не желая жить в Москве, осквернённой присутствием нехристей. Трудно сказать, как пошли бы события, не будь убийства вора Урусовым: не стал ли бы он родоначальником новой династии, вместо Романовых? Во всяком случае, после его смерти, когда предприимчивая группа русских тушинцев, во главе с нареченным патриархом Филаретом, отправилась к полякам приглашать королевича Владислава на московский престол, большинство казаков осталось в Калуге с Мариной, которая вскоре после смерти второго мужа родила сына.

Первым вождем национального движения стал беспокойный и честолюбивый рязанский воевода Прокопий Ляпунов, который чувствовал себя самостоятельным государем в Рязанской земле, но жаждал более широкой политической арены. Он сумел привлечь калужских «бояр», во главе с кн. Д. Т. Трубецким, и Заруцкого, стоявшего со своими казаками в Туле; к ним примкнули многие замосковные и по-

морские города. Известно, что это первое подмосковное ополчение скоро распалось из-за внутренних смут между служилыми людьми «по отечеству», дворянами и детьми боярскими, и казачьей вольницей: триумвират Ляпунова, Трубецкого и Заруцкого кончился (летом того же 1611 года) гибелью первого из них, зарубленного казацкими саблями. Но сущность и причина розни в ополчении, погубившей Ляпунова, в литературе освещена, пожалуй, несовсем точно, недостаточно. Было уже отмечено, что Ляпунову был очень хорошо знаком, еще со времени его союза с Болотниковым, характер казачьего движения *). Можно сказать больше: рязанское дворянство еще до Смуты имело постоянные сношения с Донским казачеством и хорошо его знало; в частности, еще при царе Борисе (в 1603 г.) брат самого Ляпунова, Захар, был уличен в том, что продавал донским казакам «заповедные товары»—вино и вооружение, и был за это бит кнутом. Еще до соединения с Трубецким и Заруцким, Ляпунов из Рязани звал к себе казаков с поля; позднее, от имени всего триумвирата, этот призыв был повторен, с обещанием дать жалованье, порох и свинец, а также с гарантией для казаков из бывших холопов: «а которые боярские люди (т. е. холопы), и крепостные и старинные, и те бы шли безо всякого сумнения и боязни—всем им воля и

*) С. Ф. Платонов. Очерки по истории Смуты (3-е изд., П. 1910), стр. 467.

жалованье будет, как и иным казакам, и грамоты им от бояр и воевод и ото всей земли приговору своего дадут». Это обещанье не было нарушено и значительно позднее правительством царя Михаила Федоровича в новоучрежденный Казачий Приказ был дан государев именной приказ и боярский приговор: «в прошлых годах которые были в казаках стрельцы и пушкари и посадские и боярские всяких чинов люди, а похотят из казачества своею волею в старые чины, кто в котором чину до казачества был, и тем всяких чинов людям велено, по их челобитью, учинити воля, кто куда похочет. И по приказам об их посыланы памяти, а по городом к воеводам государевы грамоты, чтоб их нигде насильством не неволили ни в чем» *).

Мы не видим разницы в политике первого подмосковного ополчения и правительства первого царя Романова. Ляпунов погубил себя вовсе не тем, что заключил союз с казачеством; ведь именно этот союз победил поляков и посадил на московский престол основателя новой династии, правившей Россией 300 лет.

---

*) Акты Исторические, т. III, № 92 (1), а также «Христоматия по истории русс. права» Владимирского-Буданова, ч. III (изд. 4-е, 1908), стр. 94. Обращаю внимание, что среди «чинов», в которые предоставлено было возвращаться казакам, нет крестьян. Нет оснований думать, что закон для них делал исключение—скорее, о них забыли упомянуть, т. к. случаи выхода в казаки из крестьян были сравнительно редки.

Напротив, причина гибели Ляпунова заключается в том, что он не учел соотношения сил и попытался третировать своего союзника, который был сильнее его.

Известный приговор ополчения 30 июня 1611 г. написан от имени исключительно служилых людей, начиная от «царевичей» (татарских) и бояр, и кончая атаманами и казаками, — в нем нет ни слова об участии представителей «мужиков»; да и содержание его посвящено охране интересов исключительно служилых людей, главным образом — малопоместных и беспоместных и разоренных войной дворян и детей боярских, на удовлетворение которых должны были пойти те вотчины и поместья, которые «розняли бояры по себе без земского приговору». Последнее постановление должно было сильно задеть тушинских и калужских бояр, начиная с самих Д. Т. Трубецкого и Заруцкого. Очень характерна предпоследняя статья приговора, касающаяся крестьян: «А которые дворяне и дети боярские в нынешнее смутное время и в разоренье вывозили у своей же братьи у дворян и у детей боярских крестьян и людей, и которые, от них выбежав, живут по посадам, и про то по их челобитью сыскивати, а по сыску крестьян и людей отдавать назад старым помещиком». Тут любопытно, во-первых, то, что на первом месте поставлен вывоз крестьян, в котором они выступают пассивно, а во вторых — что побег предполагается только в посады: ничего не говорится

о возможности побега крестьянина к другому землевладельцу (эти случаи, повидимому, покрываются понятием более обычного явления — вывоза), а также в казаки.

Тут приходится повторить то же, что говорилось выше: или крестьяне, бежавшие в казаки, возврату не подлежали, или вообще такого явления, как массового, не было. Можно думать, что верны оба эти предположения: в казаки шли массами боярские холопы, служилая мелкота — стрельцы, пушкари, посадская беднота, но крестьяне, имевшие свое пашенное хозяйство, по общему правилу, брались за оружие только тогда, когда становились невмоготу «панские», «казачьи» и прочие «кормы», и складывали его при первой возможности; но те, которые сделались по своей воле окончательно казаками, возврату не подлежали. Казакам было предоставлено право «верстаться поместными и денежными окладами и служить с городы», подобно провинциальному дворянству. Определенно против казаков было направлено одно постановление 30 июня: запрещение им самостоятельно взимать «кормы» с населения, за которыми должны были посылаться дворяне *).

Ляпунов неосторожно задел сразу и верхи тушинцев, и всю казачью массу; и кроме того, благодаря своему резкому характеру, он очевидно на-

*) Я пользовался текстом приговора 30 июня 1611 г., напечатанным у Карамзина в прим. 793 к т. XII.

жил себе много врагов и среди родовитого дворянства: летописец говорил, что Ляпунов не по своей мере вознесся — делал позор и бесчестье не только детям боярским, но и самим боярам, и заставлял приходить к себе на поклоненье и ждать себя у своей избы многое время; к казакам же он был жесток. Опытному интригану Заруцкому легко было отделаться от своего соперника (Трубецкой не имел энергии своих товарищей и стушевывался перед ними), воспользовавшись негодованием казаков на одну жестокую расправу с их товарищами.

После смерти Ляпунова служилые люди «по отечеству», испытывая от казаков «гонение и теснение великое», отъехали от Москвы по своим городам. Однако, казаки и незначительная часть дворянского войска остались под Москвой, продолжая осаду засевших в ней поляков. И когда в Нижнем Новгороде, по инициативе посадского мира, сознавшего, что без установления порядка и спокойствия во всей Руси не может быть спокойного и экономически обеспеченного житья, и в Нижнем образовалось новое ополчение, которое, медленно подвигаясь к Москве кружным путем через Ярославль, увеличивалось и крепло — оно, в конце концов, не смогло все-таки обойтись без помощи казаков, хотя Пожарский и другие вожди его боялись этой помощи и охотно обошлись бы без нее. Только помощь казаков, которых уговорил А. Палицын, дала возможность Пожарскому отбить гетмана Ходкевича и взять

приступом в октябре 1612 г. Китай-город. «Казацкие же атаманы, а не московские воеводы отбили от Волоколамска короля Сигизмунда, направлявшегося к Москве, чтобы воротить ее в польские руки, и заставили его вернуться домой. Дворянское ополчение здесь еще раз показало в Смуту свою малопригодность к делу, которое было его сословным ремеслом и государственной обязанностью» *). Неудивительно, что вожди нижегородского ополчения, заняв первоначально резко враждебную казачеству позицию, понемногу смягчали ее и понижали тон. Состав ополчения все время пополнялся казачьими станицами, которые получали за это хорошее денежное жалованье. Относительное боевое значение и сила отрядов черных людей, мужиков, все уменьшались. Под Москвою же был возобновлен тот союз дворянства с казачеством, который заключил Ляпунов. Неугомонный рязанский воевода ошибся только в том, что слишком круто приступил к обузданию своего союзника. Приговор 30 июня 1611 г. о сведении казаков с «приставств» не был повторен вторым подмосковным ополчением: мы имеем грамоты, выданные от имени Трубецкого и Пожарского казачьим атаманам, по челобитью **их** станиц, о сборе кормов и шуб самими казаками, а не особо назначенными дворянами, как постановило ляпуновское ополчение **). Когда

*) Ключевский.

**) Напр., «Архив Строева», т. II, №№ 144 и 145; ср. Акты Археогр. Эксп., т. II, № 216.

дело дошло до избрания нового царя, казаки оказались силой, если не решающей, то, во всяком случае, такой, с которой приходилось считаться. Преданье говорит, что имя молодого Романова на избирательном соборе первым назвал один донской атаман; поляки впоследствии утверждали, что царя Михаила посадили на Московское Государство одни казаки донцы — и действительно, на престоле сел если не их излюбленный тушинский «царик», то зато сын их тушинского патриарха. Когда он очутился на троне, то вокруг него оказался прежний хорошо спевшийся кружок дельцов, в свое время устраивавших администрацию царика в таборах. Конечно, молодой Романов имел, кроме того, родство с угасшей династией и принадлежал к популярному и очень богатому боярскому роду — и поэтому был вполне приемлем и для дворянства. «Кандидатура М. Ф. Романова имела тот смысл, что мирила в самом щекотливом пункте две еще не вполне примиренные общественные силы и давала им возможность дальнейшей солидарной работы» *).

Все это не согласуется с традиционным положением, что Смута кончилась победой средних классов над казачеством, «государства» над «анархией». Напротив, все делается понятным, если мы отбросим соловьевскую схему борьбы двух начал, общественного и противообщественного, борьбы, окончившейся

*) С. Ф. Платонов.

победой первого. Свободное от предвзятых взглядов наблюдение показывает, что исход Смуты был несколько иной: к моменту избрания нового царя хозяевами положения оказались те, у кого было в руках победоносное оружие, т. е. соединенное ополченье Трубецкого и Пожарского, в котором казаки представляли собой силу отнюдь не меньшую, чем дворянско-посадское войско (в котором основным боевым ядром были дворяне и дети боярские с западной траницы — разоренные поляками смоляне, дорогобужане и вязьмичи). Недаром тушинский боярин кн. Д. Т. Трубецкой писался воеводой на первом месте, а кн. Пожарский — на втором. Любопытно, что согласно «докладной выписке о вотчинах и поместьях» 1613 г. кн. Трубецкой был самым богатым землевладельцем (за исключением, может быть, кн. Ф. И Мстиславского) в государстве. Казачество отнюдь не было побеждено «земщиной» (между прочим — последний термин постоянно употреблялся историками но отсутствует в источниках); а затем, нельзя без оговорок признать его врагом тогдашнего московского социального строя. Конечно, среди казаков было много беглых боярских холопов; но, прожив некоторое время «казачеством» и несколько лет воюя бок-о-бок с польскими рыцарями («товарищами», как шляхтичи называли друг друга, в отличие от сопровождавшей их челяди, «пахоликов») и московскими дворянами и детьми боярскими, они проявили стихийную тягу к постоянному и обеспеченному госу-

дарственному жалованью. Многие из них и добились поместий и денежного жалованья, другие — теплых местечек таможенных голов и кабацких откупщиков. Те земельные пожалованья, которые делались в Тушине, были по большей части утверждены правительством первого Романова; по документам иногда можно проследить, как бывший казак начинает именоваться уже дворянином или сыном боярским *). В результате, множество черных и дворцовых волостей пошли в раздачу новоиспеченным помещикам — компромисс между ратными людьми, между двумя частями подмосковного ополчения, был заключен за счет крестьянства, которое в массе не воевало и, вообще, держалось пассивно.

2.

Ликвидация Смуты — судьба Заруцкого.

Избранием царя Михаила Федоровича Смута далеко еще не была ликвидирована. В разных частях страны хозяйничали «воровские» шайки казаков, чер-

*) См. материалы, изданные Л. М. Сухотиным в «Чтениях в О-ве Истории и Древностей» за 1912 г. кн. 2 (в частности, отдел V, № 79). — Очень важные данные содержит постановление земского собора 1621 г. о разборе дворян и детей боярских во всех городах: здесь помещики из атаманов и казаков указаны в 17 городах — и не только южных, как Воронеж, Елец, Ливны и др., но и таких, как Кашин и Дмитров. «Собрание Гос. Грамот и Договоров», т. III, № 57.

кас и польских и литовских людей. Слишком много накопилось людей, отвыкших от мирного труда, привыкших саблей добывать себе «славу» и хлеб! Часть их сразу получила службу, будучи послана под Смоленск против поляков и под Новгород против шведов. Но не все пожелали воевать с таким серьезным противником и с такой малой надеждой на добычу; да и не все могли быть приняты на службу, т. к. им надо было платить денежное жалованье, а государева казна была пуста. Вопрос о том, как и откуда добыть денег на жалованье ратным людям, которые беспрестанно били челом о нем, — был основным в политике первых лет царствования Михаила Федоровича. В декабре 1613 г. крупная шайка, численностью около 1000 человек, по преимуществу — черкас, объявилась далеко на севере, под Архангельском, который едва удалось отстоять гарнизону. Ранней весной 1614 г. во многих селах и волостях Замосковья и Поморья еще стояли воровские казаки, русские и черкасы (последние в большом количестве приходили во все время Смуты в Русь из Запорожья), разоряя и муча население. Им писали «обращение», где обычно напоминались «прежняя их служба и раденье» и предлагалось от воровства отстать и итти «промышлять» над немецкими (т. е. шведами) и литовскими людьми, за что обещалась награда *).

*) См., напр., Акты Москов. Государства, т. I № 64 — писано 30 марта 1614 г.

Но до тех пор, пока был жив и оставался на свободе признанный вождь казачества, знаменитый тушинский «боярин и воевода» Иван Мартынович Заруцкий, державший при себе Марину с маленьким сыном («воренком» или «выблядком», как он назывался на выразительном языке московской дипломатии), — эти шайки представляли политическую опасность, и правительство первого Романова не могло чувствовать себя прочным. Из Вологды, Углича, Галича, из Унженского края шли известия, что воровские казаки и черкасы говорят меж себя, что им итти к Заруцкому. Масса в письме от 2 августа 1614 г. говорит, что Заруцкий посылал в Астрахань звать к себе казаков, стоявших в эту зиму под Новгородом и Смоленском; находившиеся под Новгородом обещались весной итти к нему, по Волге или сухим путем, даже если бы для исполнения своего намерения им пришлось употребить силу. Против Заруцкого правительство мобилизовало крупные силы: с конной ратью, сухим путем на Алатырь и дальше на юг, были посланы воеводы кн. Ю. Я. Сулешов и Н. П. Барятинский; в плавной рати, по Волге, пошли воеводы кн. И. Н. Одоевский с товарищами. К казакам было велено писать грамоты с увещанием, напоминать им их правую службу и раденье, как они Москву от польских и литовских людей очистили, и многие их братья и товарищи за православную христианскую веру погибли *).

*) Собр. Гос. Грамот и Договоров, т. III № 11.

В бурные исторические эпохи, когда события внезапно выносят на гребне волны общественного движения целый ряд лиц, которые затем так же быстро низвергаются и исчезают, как появились — бывают часто люди, которые довольно долго держатся на исторической арене, как бы концентрируя в своей личности особенности переживаемого момента, отражая в своей изменчивой судьбе прихотливый ход истории. О них редко можно сказать, что они «делали» историю; очень часто, наоборот, они бывали игрушкой в руках выдвинувшей их массы. Но, не желая — или не будучи в состоянии — отказаться от роли вождей, они становились как бы символами известных общественных течений; и самая, весьма обычная, внутренняя их незначительность облегчает историку понимание и анализ выдвинувшей их обстановки.

Одним из таких «героев» Смутного времени, судьба которого чрезвычайно показательна для его эпохи,— был И. М. Заруцкий, который появился одновременно (и рядом) с Болотниковым, когда обнаружилась социальная сущность Смуты как борьбы общественных классов, и гибель его совпала с агонией Смуты. Это был малоросс (черкашенин), родом из Тарнополя. Начало его биографии напоминает того же Болотникова: он был уведен в плен турками, бежал из неволи к донским казакам, у которых сделался атаманом. По словам Буссова, Болотников, сидя в осажденной Туле, послал в

Стародуб поляка Ив. Март. Заруцкого разведать, «что случилось с тем, кто называл себя Дмитрием, и будет ли он в Россию или нет». Тушинский вор явился слишком поздно для Болотникова; зато звезда Заруцкого при нем высоко взошла, так как он предводительствовал в таборах донскими казаками — единственным серьезным противовесом здесь отрядам польских авантюристов, которые, как известно, презирали и третировали своего «царика», которому шли добывать московский престол. Но, поставленный волею судеб во главе русских, Заруцкий все время, тайно или явно, тяготел к полякам — недаром некоторые современники считали его поляком. Польское воспитание, а еще больше — ремесло кондотьера естественно влекли его в ту сторону, где условия были привычны и более благоприятны для его профессии. Когда вмешательство Сигизмунда вызвало раскол в тушинском лагере, Заруцкий убеждал донских казаков итти к королю, или, по крайней мере, не итти за вором в Калугу, — но безуспешно. Но теми русскими, донцами и пехотой, которые ушли из таборов вместе с поляками, командовал Заруцкий. Однако, он не долго служил королю — скоро мы снова видим его у вора в Калуге; по польским сведениям, он обиделся на гетмана Жолкевского, под командой которого храбро сражался при Клушине, за то, что тот поручил начальство над всеми бывшими в его войске русскими не ему, а молодому Салтыкову как человеку родо-

витому. Но теперь уже несомненно он чувствовал себя у «царя Дмитрия» значительно хуже — к нему было меньше доверия, или, может быть, точнее, больше недоверия (ибо трудно говорить о доверии среди этой компании). И после убийства самозванца и татарского погрома, устроенного подчиненными ему казаками, Заруцкий сделал попытку бежать от них; но, по словам свидетелей, двух романовских татар, «его изымали миром и из острогу не пустили» — тут сказалось то чувство военной толпы, которое побуждает ее в минуты опасности крепче держать своих вождей, наблюдать за ними, чтобы они не убежали и чтобы разделили со своими подчиненными общую участь. Но в это время выступил Ляпунов с призывом к единому национальному фронту для очищения московского государства от польских и литовских людей — и для остатков тушинского лагеря открылась возможность выступить в качестве освободителей родины. Выше было уже сказано о гибели Ляпунова и распадении первого ополчения.

Заруцкий остался без соперников—таковым нельзя считать довольно ловко «приспособлявшегося», но не энергичного кн. Д. Т. Трубецкого,—но положение его было очень щекотливое, трудное. С одной стороны, он с этих пор (и до своей гибели) находился в связи с Мариной, которая отнюдь не думала отказываться от своих прав на Московский престол, если не для себя, то хоть для своего сына; мысль поса-

дить на престол «воренка» жила сре и казаков подмосковного ополчения еще в начале 1613 года. С другой стороны, очутившись, по инициативе Ляпунова, во главе движения с национальными лозунгами, он должен был считаться с предубеждением масс, особенно черных людей, к полякам и к «Маринке», которую считали виновницей их появления в России — в городах жители целовали крест «проклятого паньина Маринкина сына на царство не хотеть». Поэтому он держался политики выжидания, действуя от имени правительства всей земли и не выдвигая открыто кандидатуру воренка. Но усиливающееся могущество нижегородского ополчения заставило его торопиться и сделать шаг, от которого он скоро должен был отказаться: он целовал крест со всем своим войском (принудив к тому и дворян во главе с кн. Трубецким) вновь появившемуся в Пскове «царю Дмитрию».

Трудно сказать, каковы были расчеты Заруцкого и Марины: не думала ли она, быв женою двух самозванцев, стать женою третьего, признав его все тем же постоянно воскресающим Дмитрием? Но уже в июле 1612 г. Пожарский рассылал грамоты, что в таборах под Москвой сознали свое воровство, отказались от самозванца и от имени Трубецкого и Заруцкого прислали ему «повинную грамоту за своими руками». Заруцкий, однако, не мог примириться с этим торжеством нижегородско-ярославского ополчения, которое отодвигало его самого на второй

план, а еще ниже — Марину. И он вновь заводит сношения с поляками. Но Пожарский подходит все ближе, силы его все растут за счет подмосковных таборов, откуда казаки переходят к нему станица за станицей, почуяв там силу и, главное, деньги (доставляемые посадским торгово-промышленным населением). Поляки изнурены долгой осадой в Москве и слишком малочисленны, чтобы быть надежным союзником. И Заруцкий бросает таборы и уводит верных ему казаков на юг, к казацкому полю. Он сначала направился в Коломну, где взял с собой Марину с сыном, а оттуда — в Рязанскую украину. С собой он увел, по словам летописца, почти половину войска, около 2000 человек; но его отряд все время таял — казачьи атаманы со своими станицами один за другим оставляли его и возвращались под Москву, к Трубецкому и Пожарскому, где их охотно принимали и награждали. Когда он, наконец, достиг Астрахани, у него оставалось всего несколько сот человек. Впрочем, по дороге он удачно отбивался от противников, в частности, под Воронежем.

Почему он избрал именно Астрахань? К тому было несколько причин. Во-первых, в Астрахани сходились пути волжских, донских, терских и яицких казаков; она была центром степного океана, царства вольных казачьих «войск» — неудивительно, что здесь появлялись в таком количестве самозванные царевичи различных наименований. Астрахань восстала против царя Василия Шуйского, как только

туда дошла весть, что царь Дмитрий остался жив после переворота 17 мая 1606 г.; во главе мятежа стал там воевода князь И. Д. Хворостинин. Посланное к Астрахани царское войско с воеводой Ф. И. Шереметевым не только не сумело взять город, но само очутилось в положении осажденного на острове Балчике (под Астраханью): астраханцы приступали к построенному Шереметевым острогу, многих брали в плен, и в лагере начались болезни (цынга), от которых многие погибли; простояв в Балчике два года, Шереметев получил, наконец, летом 1608 г. от царя Василия приказание итти на север, против Тушинского вора. Таким образом, Астрахань казалась крепким оплотом, верным имени царя Дмитрия.

Во-вторых, Астрахань находилась в постоянной связи с Персией, которой восходящая звезда победителя турок, Аббаса Великого, придала столько славы и веры в ее могущество. Ведя упорную борьбу с вечным врагом Персии—Турцией, шах Аббас нуждался в союзниках и поэтому был крайне любезен в своих сношениях с царем Федором Ивановичем и Борисом Годуновым. Когда началась смута и Астрахань фактически оторвалось от московского государства, Аббас писал в Астрахань, к воеводе кн. Хворостинину, о свободном взаимном приезде для торговли, а также с обещанием всяческой поддержки. Наконец, мысль о персидской помощи должна была поддерживаться тем обстоятельством, что духовником

Марины состоял августинец Николай Мело, прибывший в Московию из Персии, где у него, повидимому, образовались знакомства и связи при шахском дворе. Как мы уже видели, об Астрахани, как своей резиденции, первый заговорил—очевидно, под влиянием Марины — Тушинский вор (когда он уже стал калужским). Затем, в начале 1612 года, когда нижегородское ополчение двигалось к Ярославлю, в Казани (державшей сторону Пожарского) был задержан кизылбашский (персидский) посол со «смутными грамотами» от Марины. Одновременно Марина послала из Коломны в Астрахань астраханского сотника Есипова со смутными грамотами. Словом, Астрахань давно уже привлекала внимание участников Смуты и не случайно была избрана Заруцким в качестве последнего оплота в борьбе с московским правительством: самое географическое положение—казачье окружение и возможность иноземной поддержки — делало ее удобной базой для военных действий. Очагом восстаний Астрахань бывала еще не раз впоследствии— Заруцкий как бы указывает дорогу Разину.

Ближайший исход борьбы, поднятой Заруцким против правительства новоизбранного царя, должен был определиться позицией тех сил, на которые он расчитывал: казачества и Персии.

Казачество необычайно выросло численно за время Смуты. Кто только не называл себя казаком! Какая-нибудь станица, вышедшая на службу к тому или

другому вору с берегов Дона, понемногу теряла в бурной походной жизни своих прежних членов, которые замещались новыми: беглыми холопами, стрельцами и пушкарями, а также посадскими и крестьянами, которым, быть может, иногда ничего другого не оставалось после разоренья от тех же казаков. Мы имеем одну челобитную Тушинскому вору (1609 г.) „донских и донецких казаков Богдановы станицы Уразова" (прозвище атамана указывает на татарское происхождение), где сообщается, что они вышли с Дону в количестве 220 человек, из которых ныне осталось 90, да прибыло из иных станиц 50 человек—просят жалованья на всех 140 чел., так как они наги и босы, без оружия и лошадей *).

Но известная часть казаков осталась на старых местах в низовьях Дона и сделалась тем ядром, которое положило основу своеобразного разбойничьего государства, которое под именем «Донского Войска» просуществовало весь 17 век. Тот самый атаман Смага Чертенский, он же Смага Степанов, который в 1605 г., после смерти Бориса Годунова, когда все шли на поклон к Самозванцу, приехал с донцами в Тулу и был допущен к царской руке прежде московских бояр,—в 1613 и 1614 г.г. стоит во главе низового донского казачества рядом с Епихой Радиловым и некоторыми другими атаманами; к ним обратилось мос-

*) Акты Исторические, т. II, № 239.

ковское правительство с увещательной грамотой, уговаривая не приставать к Заруцкому и подкрепляя эти уговоры деньгами, сукном, свинцом, селитрой и хлебными запасами *). Царское посольство было встречено с почетом; впрочем, была и оппозиция — мы знаем из донесений московских послов, что казаки устроили суд над двумя своими товарищами, которые заявили, чтоим «руки Заруцкого не избыть, быть под его рукою». Епиха Радилов произнес речь, где говорил, что они довольно ходили по горло в крови христианской—пора им покаяться, и служить государю царю Михаилу Федоровичу. Слова Радилова возбудили сочувствие—казаки «проклинали и лаяли» Маринку и ее сына.

Таким образом, Донское казачество—центр и оплот всего русского вольного казачества — З а р у ц к о г о н е п о д д е р ж а л о. Правда, оно не обнаружило также и желания оказать какую-нибудь реальную помощь московским воеводам п р о т и в Заруцкого. Изъявляя на словах полную готовность итти под Астрахань, казаки под разными предлогами все от-

*) Имен этих атаманов во время Смуты мы не встречаем— между тем, едва ли фигура Смаги Чертенского, который в 1605 г., очевидно, считался главным или одним из главных донских атаманов, осталась бы незамеченной современниками. Ясно, что часть казаков к этому времени имела настолько обеспеченные «промыслы» в низовьях Дона, настолько приросла к этим местам, что подвиги их собратьев на севере, в пределах собственно «Руси» их не прельщали.

кладывали это и, в конце концов, не послали ни одного человека. Но все же, если тут был нейтралитет, то доброжелательный по отношению к Романову, от которого они получали льстивые грамоты и осязательные доказательства царского благоволенья. Правда, донцы на первый раз уже сочли нужным указать Москве на их недостаточность; но от Заруцкого в данный момент нельзя было ожидать и этого. И с того момента, как выяснилась отрицательная позиция донского казачества, для Заруцкого отпала всякая возможность нового похода на Москву.

Правда, его поддержали волжские казаки. Волга была их кормилицей; караваны судов, ходившие по ней, доставляли им добычу. Перед Смутой именно они вызвали против себя, главным образом, усиленные репрессии правительства, которое начало ставить по Волге свои города, бывшие военными караульными постами; наибольшее значение среди них приобрел Царицын, построенный в 1587 г. там, где Волга ближе всего подходит к казачьему гнезду, Дону. Поэтому здесь мы не видим прочных казачьих поселений, городков, подобных донским: не будучи в состоянии искоренить на Волге казачьи разбои, правительство располагало, все-таки, достаточными средствами, чтобы не допустить образования на ней разбойничьих городков. Но за время Смуты положение несколько изменилось: власти центра, власти московской, здесь в течение нескольких лет не существовало — и в 1613—1614 г.г. мы видим на нижней Волге, между

Царицыным и Астраханью, ряд казачьих городков, из которых казаки иногда съезжаются в один для общего совета, образуя, таким образом, некоторую единую организацию, «войско». Здесь-то и была получена грамота от донских казаков, адресованная «великому и славному рыцарскому Вольскому и Терскому и Яицкому войску, и всех рек преславутых (т. е. славных, знаменитых) атаманом и казаком и всему великому войску»—с увещанием верно служить московскому правительству. В этом пышном обращении характерно, во 1-х, выражение «рыцарское», указывающее на польско-запорожское влияние, имевшее большое значение в истории русского казачества вообще, и в период Смуты — в особенности; во 2-х, адрес слишком широк и неопределенен — очевидно, «волжское войско» было весьма зыбким новообразованием, вожди которого на Дону не были известны. Волжские казаки съехались прочитать донскую грамоту, и большинство согласилось с ней; исключение составил самый нижний городок (находившийся в 250 верстах от Астрахани), с атаманом Верзигою во главе, числом около 250 человек. Однако Заруцкий продолжал агитацию среди них, и в результате шесть волжских атаманов (кроме Верзиги) оказались на его стороне, а четыре (с пятьюстами казаков) — «прямили» государю.

Различие в позиции донских и волжских казаков по отношению к Заруцкому объясняется неодинаковым политическим и экономическим значением низовий Дона

и Волги для московского правительства: для него экономическое значение низовий Дона, лежавших за пределами его непосредственной власти и земледельческой колонизации, было ничтожно — зато военная сила донского казачества и его разбойничьи подвиги на Черном и Азовском морях высоко ценились в борьбе с крымскими татарами и турками; напротив, Волга была очень важным торговым путем в восточные страны, из которых главная—Персия—была в постоянном политическом союзе и довольно развитых торговых сношениях с Москвой,— поэтому казаки на Волге могли быть для нее только вредны. И волжские казаки должны были прекрасно сознавать, что как только московское правительство окрепнет, оно первым делом уничтожит их городки, появившиеся во время Смуты. Вот почему они поддержали Заруцкого, несмотря на враждебную позицию донского казачества и его, вообще, незавидное положение. Перед Пасхой 1614 г., на вербной неделе, в Астрахань пришло 560 волжских казаков — вместе с остатками старых казаков Заруцкого, примкнувшими к нему астраханскими стрельцами и дворней Марины составилось около 1000 человек. Этого было слишком недостаточно даже для обороны. Заруцкому приходилось искать других союзников.

Таковыми могли оказаться, во-первых, ногайские татары, кочевавшие по обеим сторонам Волги. В руки Заруцкого попали те татарские заложники (аманаты), которые по заведенному порядку сидели

в Астрахани в особых дворах. Переговоры Заруцкого с ногайским князем Иштереком, повидимому, шли успешно — по крайней мере, слухи о готовящемся набеге нескольких десятков тысяч татар упорно повторялись воеводами Самары и ряда украинных городов к западу от нее. Но татары были страшны как грабители, хороши как разведчики, но не годились для настоящего боя с серьезным противником; Заруцкий слишком хорошо их знал, чтобы не понимать, что с таким войском нечего и думать о завоевании Москвы. И как утопающий хватается за соломинку, так он обратился за помощью к Персии.

Для этого у него был удобный предлог: выше указывалось, что шах Аббас уже давно предлагал астраханцам обращаться к нему, что бы им ни понадобилось. Послами к Аббасу поехали от Заруцкого два казанца, дети боярские Ив. Хохлов и Як. Гладков, а также персидский купец Муртоза. Им велено было просить у шаха хлеба, денежной казны, а также ратных людей, якобы для того, чтобы очистить русскую землю от литовских людей. Несмотря на то, что астраханский воевода кн. И. Д. Хворостинин (повидимому, принявший первоначально Заруцкого, как союзника, но потом начавший против него интригу, за что поплатился жизнью), тайно послал шаху с Муртозою грамоту, чтобы Заруцкому шах не верил, Аббас сначала был склонен поддерживать Заруцкого; по крайней мере, он продолжал переговоры и послал в Астрахань подарки Заруцкому и Маринке. Но ре-

альной помощи от шаха Заруцкий так и не дождался; и когда Астрахань была занята московскими воеводами и возобновились сношения с Москвой, Аббас объявил себя верным другом царя *).

Таким образом, Заруцкий не нашел помощи против Москвы ни на Дону, ни в Персии. Татары были столь же слабым, сколь ненадежным союзником. Но самым уязвимым местом у Заруцкого был недостаток в хлебе и деньгах. Ни Астрахань, ни примкнувший к ней сначала Терек своего хлеба не имели; жители стали страдать от дороговизны. Наконец, в самой Астрахани против Заруцкого вспыхнуло восстание.

Современные документы рисуют причины этого восстания следующим образом: когда в Астрахань на вербной неделе прибыли волжские казаки, они с Заруцким и с Маринкою задумали выслать из Астрахани большинство служилых людей в море, якобы для оберегания судов, а оставшихся в Астрахани жителей побить, — тогда астраханцы восстали и осадили Заруцкого в Кремле (каменном городе), где он засел с своими сторонниками, в количестве около 800 человек. Такое объяснение, однако, удовлетворить

*) Историю сношений Заруцкого с Аббасом можно установить по документам, изданным Н. И. Веселовским в Памятниках дипломатических и торговых сношений Москов. Руси с Персией (см., в частн., т. II стр. 222—235, 293—301, 309—367; т. III, стр. 1—58, где много очень колоритного красочного материала).

нас не может: какой смысл имело для Заруцкого и его сообщников избиение мирного населения Астрахани? Некоторый свет на действительную причину восстания проливает случайное упоминание в одном документе о том, что впоследствии правительство распорядилось отобрать лавки и амбары в гостином дворе, и даже судовой лес, розданные Заруцким «астраханским служилым людем за жалованье» *). Очевидно, Заруцкий не имел других средств жаловать свое войско: денег не было, не было и поместий и вотчин, которые можно было бы, отняв у старых владельцев, раздать новым, предписав крестьянам слушаться их; отсюда ясно происхождение и небезосновательность толков среди посадского населения Астрахани, что казаки хотят захватить его имущество. Еще воевода кн. Хворостинин собирал деньги с купцов, преимущественно персидских, а Заруцкий привел с собой новый контингент лиц, требовавших для себя жалованья. Астраханцы, принявшие Заруцкого если не с сочувствием, то, во всяком случае, без всякого сопротивления, скоро переменили настроенье. Кн. Хворостинин тайно посылал сказать шаху, чтобы он не верил Заруцкому, но Заруцкий проведал об этом и велел его убить. Это убийство должно было усилить страх и недовольство горожан, которые наконец восстали; кроме волжских казаков и дворовых людей Марины, только астраханские

*) Акты Исторические, т. III, № 27.

стрельцы (может быть, те самые, которые получили лавки и корабельный лес в жалованье) оказались на стороне Заруцкого. Помощь восставшим пришла скорее, чем они, может быть, ждали: на Тереке, который все время был заодно с Астраханью, тоже вспыхнуло восстание, и гонец Заруцкого, хотевший предать казни царского воеводу Головина, сам был схвачен и посажен в тюрьму; немедленно был собран и отправлен к Астрахани отряд терских стрельцов и казаков, во главе которых стал казанец, сын боярский Вас. Хохлов — брат того Хохлова, который был посланником Заруцкого в Персии.

Явившись под Астрахань, Хохлов с помощью астраханцев разбил на голову Заруцкого, который с Маринкой и ее сыном спасся в легком судне в море и ушел на другую казачью реку — Яик. Царские воеводы пришли в Астрахань тогда, когда дело было по существу окончено, и звезда Заруцкого закатилась навсегда. На Яик был отправлен отряд стрельцов с предписанием поймать беглецов. Яицкие казаки не приняли никакого участия в событиях. Заруцкий оказался в плену у своих сообщников, волжских казаков (числом около 600, среди которых было много раненых) — два ногайца показали, что «всем владеют казаки, атаман Треня Ус с товарищи, а Ивашке Заруцкому и Маринке ни в чем воли нет». Построенный казаками на острове Медвежьем, на р. Яике, городок 24 июня 1614 г. был окружен стрельцами и служилыми иноземцами, лит-

вой и немцами, а на следующий день казаки выдали Заруцкого и Маринку с сыном. Пленные были приведены под сильным конвоем в Москву; здесь четырехлетний сын Тушинского Вора и Марины был повешен, мать его умерла в темнице, а Заруцкий — посажен на кол.

Когда было покончено с Заруцким, правительство царя Михаила могло больше не опасаться за свою прочность. Правда, внутри государства еще разгуливало гораздо больше казаков, литвы и черкас, чем их было у Заруцкого, но они уже не представляли политической опасности; это уже был простой разбой, тот бандитизм, в который неизбежно вырождается всякое социальное движение, потерявшее надежду и шансы на успех. Во многих волостях и целых уездах казачьи шайки оказывались полными хозяевами: воеводы не смели выйти из города для сбора податей; стрельцы бежали со службы и присоединялись к ним; крестьяне должны были давать им припасы, вымогавшиеся всеми средствами. В феврале 1615 г. крестьяне Каргопольского уезда подали челобитную, где красноречиво изображали разоренье крестьян от казаков, татар и черкас и подводили цифровой итог человеческих жертв: их было 2325 чедовек, и тех людей хоронить было некому. Пусть это—преувеличение: самая возможность писать так в официальных заявлениях показательна. В сен-

тябре 1614 г. состоялся приговор Земского Собора: послать в Ярославль высоких духовных лиц уговаривать казаков, чтоб они от воровства отстали и шли на государеву службу против шведов—в противном случае велено посылать против них войска, „и казаками тех воров не называть, чтоб прямым атаманом и казаком, которые нам служат, тех воров-казаков именем бесчестья не было".

Эта забота о чести казаков показывает, что правительство старалось найти компромиссные и мирные пути к прекращению казачьих разбоев, постоянно обещая прощенье и жалованье отставшим от воровства. Воинственный пыл их оно стремилось направить на внешних врагов—и действительно, в первые годы царствования Михаила Федоровича казаки тысячами сражались с поляками и шведами; в расходной книге Разряда, тогдашнего военного министерства, за 1614—1615 год мы постоянно встречаем крупные денежные выдачи казакам за „Московское очищенье", за сиденье в Тихвине, за „Смоленские и за иные службы". С одной стороны, казаков посылали на литовских людей, с другой стороны наемные литовские люди, а также шотландцы и ирландцы (шкоцкие и эрлянские немцы) направлялись против воровских казаков. Среди воровских атаманов особую известность приобрел Михаил Баловень (или Баловнев). В январе 1615 г. Баловень вместе с другими атаманами явились с повинной к царским воеводам кн. Волконскому и Чемесову в с. Мегру (Бе-

лозерского уезда) и вызвались итти на государеву службу под Новгород, Ладогу и Орешек; казаки говорили, что их ныне собралось в Каргопольском, Белозерском и Новгородском уездах тысяч 30 или 40. Все это «войско» приговорило итти всем на царскую службу, а жен своих, «венчальных и невенчальных», бросить и с собой не брать. Однако, некоторые казаки повезли, с разрешения воевод, своих жен на Белоозеро, очевидно, стараясь укрыть их на время своего похода в безопасное место. Этот мелкий, но любопытный бытовой факт показывает, как понемногу завязывались новые узы, которые должны были превратить бродяг-казаков в оседлых московских подданных, крепких службе или тяглу. Скоро, однако, Волконский и Чемесов встретили неповиновение казаков и доносили, что воровство у них чинится пуще прежнего, приходят на них, воевод, с великим шумом и угрозами, хотят грабить и побить. Вместо Новгорода, казаки повернули к Москве—и летом 1615 г. под Москвой оказался многотысячный казачий стан, выражавший готовность итти на государеву службу, но с угрозой: если государь их не пожалует, итти к прославленному в Смутное время польскому авантюристу Лисовскому, находившемуся в Северской земле. Против них были посланы царские войска, казаки бежали, но были настигнуты и в количестве нескольких тысяч попали в плен. Однако, их простили и послали на службу. О судьбе же Баловня с несколькими товарищами свидетельствует ла-

коническая запись в расходной книге Разряда 123 г.: «августа в 25 день... за 37 веревок, что взяты на воров на казаков, которые взяты на деле под Москвой, на Баловня с товарищи, 18 алтын 3 деньги дано, за веревку по 3 деньги».

Однако, бандитизм далеко еще не был искоренен, большую опасность представляли казаки-дезертиры. Остатки шаек того же Баловня грабили население и в следующем 1616 году—в июне в Москву была прислана партия воровских казаков «Михалкова станицы Баловня", взятая под Калугой *). Особенно страшен был Лисовский,—в отряде которого были, главным образом, литва и черкасы,—обошедший весь центр Московского государства, сжегший ряд городов и благополучно вернувшийся в Литву. Только после Деулинского перемирия с Польшей 1619 г., когда исчезло иноземное вмешательство, исчез и казачий бандитизм.

---

*) См. Приходе-расходные книги Московских приказов, ч. I (М. 1912) «Русск. Истор. Библиотека», т. 28, стр. 366, 540 и 614.

3.

Итоги.

Каковы были итоги Смуты для различных слоев населения?

Прежде всего, они должны были испытать влияние одного общего условия, бывшего важнейшим фактом истории Московского государства в 1-й половине 17 века—разорения страны. Материальные разрушения продолжались и после 1613 года, для некоторых местностей (напр., севера); именно годы 1613—1615 были самыми тяжелыми. Невозможно дать общие статистические цифры, обрисовывающие тот урон, который потерпела экономика страны. Но можно привести некоторые факты, дающие иллюстрацию тогдашнего положения.

Во-первых, несомненна для многих местностей абсолютная убыль населения. Об этом говорят данные приходо-расходной книги приказа Владимирской Четверти 1613—1614 года. Города с уездами (числом 30), ведавшиеся в финансовом отношении Владимирской Четвертью, были расположены в различных частях государства, а потому их положение позволяет до известной степени судить о положении всего государства, исключая, конечно, тех мест, которые вообще не были затронуты смутой—как, напр., Сибирь. Ряд городов был уничтожен: в 1614 г. в великий пост город Орел взяли литовские люди „и посадских и всяких жилецких людей посекли, а острог и дворы пожгли без остатку, взяти податей

не на ком»; Микулин посад и под ним слободка кн. А. Телятевского оказались выжжены. Кропивну выжег и высек в 1613 г. Заруцкий; в Дорогобуже посадских людей осталось только 10 человек—«а уездом владеют казаки, а даны им в приставства»; Чернигов был от литовских людей разорен, жители его жили в Путивле и др. городах; с жителей Путивля в виду их разорения от литовских людей никаких сборов не взимали; Ржева-Пустая была в руках Литвы и при взятии ее обратно русские сожгли ее; в Тарусе—посадские люди были взяты в плен, иные убиты, а другие разбрелись; в Болхове литовские люди сожгли острог, слободы и кабак, многие посадские люди разбрелись. Сократилось и земледелие—в Тверском уезде жители мало пахали, потому что казаки дворян и детей боярских и их людей и крестьян до смерти побивали, жгли и мучили. В селе Кушалине откупные кабацкие и таможенные деньги не могли быть взяты, потому что здесь стояли неотлучно казаки; в Твери не нашлось охотников брать на откуп перевоз на Волге и на Тверце, потому что ратные люди и казаки целовальников и перевозчиков бьют *).

Последние примеры показывают, что и государевы ратные люди, водворявшие законный порядок, были для населения иногда не менее страшны, чем «воры». Яркую картинку рисует челобитная вологодского

*) Русск. Истор. Библиотека, т. 28, стр. 1—68.

Спасо-Прилуцкого монастыря (1614 г.) с жалобой на царских слуг—сибирского царевича Араслана Алеевича и Барай-Мурзу Кутумова, пришедших с татарами и казаками на Вологду будто для обереганья: они насильственно забрали во владеньях монастыря много денег и припасов, причем один крестьянин умер, а многие монастырские служки и крестьяне «с их мученья» лежали по 5—6 недель. Долголетнее господство военщины отнимало у населения плоды производительного труда, а тем самым—и охоту продолжать работу, обогащавшую только грабителей. В Белоозере в 1618 г. казаки правили государевы хлебные деньги—в результате «лучшие» (наиболее состоятельные) посадские люди разбежались, а остальные целый день стояли на правеже, где их били палками, а на ночь воевода метал их в тюрьму. Но тут пришла весть о приходе литовских людей—и недоимщиков пришлось выпустить из тюрьмы, чтобы организовать оборону города. Донося об этом, воевода счел нужным оправдываться: «А покаместь, государь, не было вестей про Литовских людей, и я холоп твой, правил на них твоих государевых всяких доходов нещадно, побивал на смерть»*).

Итак, разоренье было велико и коснулось одинаково и посадов и уездов. Что касается крестьян, то они, бесспорно, больше всех пострадали в Смуту. Но и те же самые лучшие посадские люди, которые

*) Акты Арх. Эксп., т. III, №№ 15 и 98.

дали материальные средства нижегородскому ополчению (что имело огромное, может быть, решающее значение для его победы), в результате, разбегались, спасаясь от налогов, установленных тем правительством, которое, казалось бы, должно было более считаться с их интересами, — обстановка была такова, что вынуждала его искать денег где только можно, прежде всего — для удовлетворения претензий ратных людей.

Умножение числа ратных людей, требовавших жалованья, — это второе важнейшее следствие Смуты.

Верхушка служилого класса, боярство, не сделало в это время моральных завоеваний. Напротив, оно обнаружило отсутствие сильных характеров и организаторских талантов; говоря о том, что после свержения Шуйского бояре передали всю власть в руки литовских воевод, летописец восклицает: «оскудеша бо убо премудрые старцы, изнемогоша чудные советники!» Тем не менее, в материальном отношении большинство не пострадало, а многие выиграли, получив ряд новых вотчин и поместий — так как правительство царя Михаила утвердило дачи царя Василья, а отчасти и те, которые делались в Тушинских таборах. В боярской думе сидели попрежнему представители наиболее знатных фамилий; правда, некоторые роды прекратились, и их место заняли новые, теперь возвысившиеся. Но это явление имеет более генеалогический, чем социологический интерес. В роли боярской группы, того кружка лиц,

которые окружали попрежнему государя, составляя его «думу», — Смута не произвела резких, крутых изменений. Роль эта после Смуты постепенно падала, но самый процесс падения боярства начался гораздо (по крайней мере, на столетие) раньше — еще на царя Василия Ивановича, в первой половине 16 в., жаловались, что он все дела решает «сам-третей у постели», без совета с боярами — и кончился гораздо позже.

Зато класс землевладельцев вообще значительно усилился благодаря приливу новых лиц в число служилых людей и новым массовым раздачам вотчин и поместий. Тут, опять-таки, нельзя привести, к сожалению, общих цифр, которые имели бы ту достоверность, какая требуется современной статистикой. Но остается бесспорным, что много лиц, раньше не имевших права служить за поместное жалованье, теперь его получили: мы встречаем, напр., в 1617 г. вологодского помещика, который раньше «был в казаках»; известный казачий атаман А. Коломна получил поместье в 115 четвертей с 3 крестьянами; в белозерском уезде были испомещены смольняне, вязьмичи, дорогобужане — во внимание к их заслугам и разоренью от поляков, а также казаки. Мы имеем любопытную челобитную «белозерских поместных казачьих атаманишек» (которые в количестве 23-х человек были испомещены в Судской волости) на разоренье от атамана Н. Маматова с шайкой казаков и татар. Так казаки превра-

щались в помещиков, имевших собственных крестьян, бывшие «воры» — в оплот правительства. Эта метаморфоза обошлась правительству не даром: черные и дворцовые земли раздавались целыми волостями, и, по словам ученого, производившего специальное исследование данного вопроса по отношению к Замосковному краю, во второй четверти 17 века черных земель не осталось вовсе в исследуемой области—они перешли к служилому классу *).

Однако, земельные пожалования казакам встр е чаются все же не так часто, как старым вотчинникам и помещикам, в особенности—думных и московских чинов; много казаков устраивается на государевой службе на денежном жалованьи, без поместий. Данные о поместьях и вотчинах 1613 г. наглядно показывает, что бояре умели приобретать во время Смуты и удержать приобретенное. Характерно, что в этом списке значится и «большой дворянин» Казарин Давыдов сын Бегичев: надо сказать, что этот самый Казарин Бегичев, по сообщению «Нового Летописца», был главным заводчиком воровства в стане Трубецкого и Заруцкого; когда там целовали крест новому самозванцу, появившемуся в Пскове,— Бегичев поехал с И. Глазуном-Плещеевым и несколькими казаками в Псков и там отличился: увидев вора, вскричал, что это — «истинный государь наш,

*) Ю. Готье, Замосковный край в XVII в. (М. 1906), стр. 344—345. Почти то же можно сказать о дворцовых землях—см. там же, стр. 321—338.

Калужский!»; напротив, Плещеев и казаки обратились на истинный путь и стали думать, как бы захватить вора. И вот, правительство царя Михаила, правда, отнимает у Бегичева «многие его воровские дачи», но считает нужным вознаградить его за старое поместье в Смоленске (занятом поляками) из казенных земель. Таким образом, при разорении страны, при вероятном абсолютном уменьшении населения количество служилых людей, требовавших жалованья, денежного и земельного, увеличилось; значительно увеличилась и площадь земли, находившейся во владении служилого класса. Ратные люди посадили нового царя («царь избран войском»,—писал 2 августа 1614 г. голландец Масса своему правительству; для него, очевидно, Земский Собор был пустой формальностью)—и сделали это не даром.

Другое следствие Смуты, которое важно подчеркнуть для истории последующих социальных движений, заключается в перемене в области политических идей. Смутное время потребовало от населения политической самодеятельности — оно заставило их вместе с тем так или иначе приспособить старые, унаследованные от отцов понятия к бурному потоку событий, который выбивал мысль из проторенной колеи. Несомненно, идея государства, стоящего независимо от государя, которое может существовать даже когда нет государя,—установилась с полною отчетливостью. Сделала большие успехи также идея о том, что государь может быть избран всей землей

и даже что не может быть государя, которого бы его подданные «не похотели». Пример соседней Польши, с представителями которой так близко пришлось столкнуться многим русским, возбуждал попытки подражанья: те тушинцы, которые предпочли Сигизмунда своему «царику», сознательно стремились к ограничению царской власти в пользу привилегированных сословий. В договоре с королевичем Владиславом было установлено, что новые законы, дополняющие прежний обычай и судебник, должны быть издаваемы государем «с думою бояр и всей земли, чтоб было все праведно». Но, с другой стороны, тот же пример Польши укреплял консервативно-националистические тенденции в тогдашних социально сильных слоях населения.

Русские люди, ориентировавшиеся в событиях, не могли не чувствовать, что сила русского государственного организма заключается как раз в том, чего нет в Польше: в сильной наследственной монархической власти — ведь если бы король Сигизмунд не встречал сопротивленья сейма, не желавшего тратить людей и деньги на «московскую авантюру» (успех которой несомненно усилил бы королевскую власть), он легко бы завладел Москвой! Вековое религиозно-националистическое воспитание, приучавшее ненавидеть всех иноземцев, в особенности тех, кто так явно на поле сражения и в торговых сношениях доказывал свое культурное превосходство, давало свои плоды. Почти инстинктивно стремясь сохранить свою

самобытность, русские начинали принципиально отвергать польское. Поляк Маскевич в своем дневнике передает чрезвычайно характерные разговоры, происходившие в 1611 г. в Москве между русскими и поляками, которые явились к ним туда не то как освободители (от тушинских воров), не то как завоеватели: «В беседах с Москвитянами, наши, выхваляя свою вольность, советовали им соединиться с народом польским и также приобресть свободу. Но русские отвечали: «Вам дорога ваша воля, а нам — неволя. У вас не воля, а своеволие: сильный грабит слабого... У нас, напротив того, самый знатный боярин не властен обидеть последнего простолюдина: по первой жалобе, царь творит суд и расправу. Если же сам государь поступит неправосудно, его власть: как бог, он карает и милует. Нам легче перенесть обиду от царя, чем от своего брата, ибо он владыка всего света» *). Вот какие мысли вынесли москвитяне из столкновения с поляками! Тушинцы — М. Г. Салтыков и его товарищи — показали не только то, что были людьми ловкими и бессовестными, но, с другой стороны, и то, что были немногими русскими, которые возвысились хоть на момент над темным национализмом и, решительно отстаивая, напр., права православной веры и церкви в будущем русском государственном строе, отреклись от национального

*) Дневник Маскевича — в «Сказаниях иностранцев о Дмитрии Самозванце» Устрялова, т. V, стр. 68.

принципа «неволи». Договор, заключенный ими с королем Сигизмундом 4 февраля 1610 г., является проектом настоящей конституции, с царем, ограниченным думою бояр и всей земли; интересна в нем также статья о том, что каждому из народа московского вольно ездить в другие государства христианские, и государь имущества за то отнимать не будет *).

Но эта попытка польской ориентации оказалась кратковременным эпизодом. Русская политическая мысль пошла по старому пути. Михаил Федорович Романов был избран как «прирожденный» государь, и ссылка на родство с угасшей династией имела в глазах московской дипломатии не меньшее значение, чем указание на всенародное («до сущих младенцев») избрание.

В идее царь всегда мыслился, как самодержавный и неограниченный. Земский Собор, орган «всей земли», созывался, потому что он был фактически необходим, а вовсе не юридически-обязателен; и когда царская власть сочла себя достаточно окрепшей, она перестала его созывать — и не нашлось никого, кто бы пожелал и мог бороться за право народного представительства. Смутное время внесло, однако, в отношении царской власти некоторое осложнение в русское политическое мышление: несомненно, что прежнего благоговения к личности царя после

*) В пересмотренном договоре 17 августа 1610 г. московские бояре выпустили эту статью.

Смуты не было — особенно на южной украине, где весь мелкий служилый люд (составлявший главную массу населения) привык «царей заводить», как упрекали его представители впоследствии. В царствование Михаила Федоровича мы не раз встречаем здесь доносы на какого-нибудь казака или стрельца, который говорил на пиру или в кабаке «неподобные слова» про государя, про отца его, патриарха, и мать его, инокиню Марфу («мутит государева матушка — прежние государи за такую смутню собаками травливали»). Но, относясь без особого уважения к царской особе, эти люди не мыслили себе государство в нормальном состоянии без царя, и Смута им представлялась прежде всего как время, когда они были «безгосударны». Политическое недовольство принимало у них форму толков о появлении «царя Дмитрия», за здоровье которого провозглашались тосты (когда уже прошло более 10 лет после избрания Романова!), и в том, что прославляли Тушинского вора *).

В Смуту русские люди выучились презирать личность того или другого царя или «царика» — но продолжали с суеверным почтением относиться к царской власти. «Неподобные слова» о государе (говорившиеся обыкновенно в пьяном виде) были проявлением политического озорства, а не политических убеждений. С другой стороны, феерический успех

*) См. Сборник материалов Н. Новомбергского, Слово и Дело государевы, т. 1 (М. 1911).

первого Самозванца и та роль, которую играли в Смуте многочисленные его подражатели, указали путь для легчайшего совершения политического переворота. В стране, где монарх может сказать: «государство— это я», человек, сумевший сколько-нибудь правдоподобным образом установить свое царское происхождение, вносит страшную смуту в умы и дает легальное основание всем недовольным примкнуть к нему. И с этих пор, в течение всего 17-го века и гораздо позже, самозванщина была необходимой и неизбежной принадлежностью всякого крупного противо-правительственного движения *).

Но этого мало. Смутное время указало на будущее время и ту материальную боевую силу, которая оказывалась необходимой для того, чтобы дать толчок инертной массе социальных низов—казачество. Массы трудящегося населения Московской Руси были крайне угнетены, но дальше случайных вспышек местного значения они не шли—ибо никогда класс, не имеющий ни достаточного куска хлеба, ни классовой организованности, не может совершить политической революции; в лучшем случае, он может оказаться лишь орудием в руках другого класса; и нужна была внешняя, организованная и могущая

*) Ср. выражение Ключевского, что «самозванство становилось стереотипной формой русского политического мышления, в которую отливалось всякое общественное недовольство». «Курс русск. Истории», ч. III, лекция XLII, стр. 46—47.

стать организующей сила. Таковой являлось казачество, жившее за пределами собственно — Руси, на реках, впадающих в южные моря, отделенное пустынными степями от тесных пут московской администрации и управлявшееся совершенно автономно. Эта казачья масса имела свои мотивы, толкавшие ее против московского правительства, не всегда совпадавшие с мотивами низших социальных слоев населения коренных областей государства; но она сообщала первоначальный толчок стихийному движению, давно подготовленному и имевшему самостоятельные и глубокие корни.

Самозванщина и казачество — эти два фактора играли огромную роль в Смутное время и надолго пережили его. Всякое крупное революционное движение было окрашено ими. Корела, Болотников, Заруцкий — через Разина подают руку Пугачеву. Таково было наследие Смуты, принятое династией Романовых.

Мятеж 1648 года и «Соборное Уложение» 1649 года.

Смутное время произвело сильнейшую встряску населения страны, подняв одних в высшие социальные пласты, других повергнув вниз, изменив, быть может, несколько и численное соотношение между этими пластами, но оставив, в общем и целом, социальный строй, всю его архитектуру—в прежнем виде. Это не значит, что остановилось всякое развитие, что в социальной истории Московской Руси после Смуты нет никакого движения. Напротив, мы можем с несомненностью констатировать движение, развивающееся в совершенно определенном направлении, под влиянием и давлением ясно осознанных интересов некоторых социальных групп. Но оно представляет собой процесс окончательного закрепления слагавшихся задолго до того общественных отношений, их фактического заострения и юридической кристаллизации. В «Уложении» царя Алексея Михайловича 1649 года этот процесс находит свое яркое и законченное юридическое выражение; но основные черты его вполне определились еще в предыдущее царствование. «Уложение» стоит в центре

социального развития Московской Руси 17 века не только хронологически, но и по существу: всю первую половину века можно рассматривать как цепь причин и условий, его подготовивших, а вторую— как его логическое развитие и результаты. Самая быстрота издания этого кодекса (особенно замечательная, если мы сравним ее с позднейшими неудачными попытками кодификации вплоть до 19 века) показывает, что оно было хорошо подготовлено предшествующей практикой и было вполне назревшим. И «Уложение» оставалось краеугольным камнем социального строя России не только московской, но и после-петровской — вплоть до реформ Александра II; а в некоторых своих последствиях оно сказывалось и в начале 20 века. В истории России нет другого законодательного памятника, который имел бы подобное значение, который в такой мере и так долго определял бы уклад народной жизни.

Необходимо выяснить, каково было положение различных слоев населения московского государства в это время и каковы были те пункты, в которых сталкивались их интересы. Это даст ключ к пониманию истинных причин и стимулов тех социальных движений,—т. е., борьбы общественных групп,—которые наполнили собой после, повидимому, спокойного промежутка в царствовании Михаила Федоровича, всю вторую половину 17 века.

1.

Развитие социальных отношений в первой половине XVII века.

Царствование Михаила Федоровича не богато внешними эффектными событиями. Оно производит сразу такое же бледное впечатление, как и личность самого царя (которого Ключевский назвал даже «несерьезным царем»). Изнурительные войны с западными соседями, оставшиеся в наследство от Смуты и не прибавившие лавров русскому оружию; хроническая пустота государевой казны и бесконечная вереница налогов, финансовые результаты которых не соответствовали их тяжести для плательщиков и вреду для народного хозяйства; постоянные челобитные от различных «чинов» населения, наполненные жалобами на свое бедственное положение, «на обиды, насильства и разоренье»; а в центре—царская власть, номинально, в руках человека слабого здоровьем, безвольного и даже по тому времени необразованного («Мне неизвестно, может ли он даже читать письма», доносил своему правительству голландец Масса), а фактически—у кружка царских родственников и приказных дельцов, преимущественно—тушинского происхождения. Но у этих ловких проходимцев было достаточно практического смысла и опыта для того, чтобы понять, что нужно России, чтобы не вызвать новой политической катастрофы: они

вели политику мира, внутреннего и внешнего, ту, которая диктовалась сложившейся обстановкой—политику компромиссов и паллиативов. И понемногу власть новой династии стала крепнуть. Когда вернулся (в 1619 г.) из польского плена отец царя патриарх Филарет, человек крайне властный, писавшийся «великим государем» рядом с сыном, а фактически его совершенно заслонивший, — политика правительства стала более энергичной, смелой и планомерной, но по существу—той же; она двигалась по проторенному пути.

Старое правило: худой мир лучше доброй ссоры—для целых народов еще более верно, чем для отдельных личностей. В течение тринадцатилетнего промежутка 1619—1632 г.г., когда войны не было, население несколько передохнуло, получало в разных случаях некоторые податные облегчения, могло отдаться мирному производительному труду; правительство имело некоторое основание сказать, что московское государство «пополнилось и пришло в достоинство». И после неудачной смоленской войны 1632—1634 г.г. главной задачей правительства,—которое в этом отношении поддерживалось всеми слоями населения, имеющими возможность подать свой голос,—являлось сохранение мира, который и поддерживался до самой смерти царя Михаила (13 июня 1645 г.). Удалось сохранить и внутренний мир—никаких сколько-нибудь заметных народных волнений и восстаний в течение 32-летнего царствования Ми-

хаила Федоровича (если отбросить первые годы, когда надо было ликвидировать шайки, оставшиеся от Смуты) не видно. Как будто, имя царя—такого слабого, такого незаметного—сохраняло свое обаяние, ибо с ним связывалось представление об окончании того периода, который надолго остался в народной памяти под именем «разоренья».

Но, все-таки, именно в царствование этого «тишайшего» (он заслуживал бы это прозвище с гораздо большим основанием, чем его сын!) царя сложились условия, породившие столько смут в правление его сына Алексея. И причина этого была не в злой воле или в непонимании правящих лиц, а в объективной обстановке, которая определяла политику правительства.

Новая династия получила управление страной в тот момент, когда социальное развитие ее определялось двумя основными фактами, бывшими наследием Смуты: 1) обеднением страны и 2) умножением ратных людей, требовавших жалованья—землей и деньгами. Земля могла обеспечить служилого человека только при условии придачи к ней рабочих рук: надо было, так или иначе, привязать их к ней. Деньги были, главным образом, у торгово-промышленного, посадского, населения: надо было найти способы взять их. Конечно, общие условия сложившейся обстановки коренились гораздо глубже Смуты, восходя ко времени образования московского государства: объединившись под властью московского царя срав-

нительно легко и быстро (благодаря географическим условиям, способствовавшим экстенсивной колонизации огромной страны великорусским племенем), Россия стала играть крупную политическую роль, непропорциональную ее экономическому развитию. Пробиваясь на запад, к морю, московское государство должно было чрезвычайно напрягать силы своего населения в борьбе со странами гораздо более культурными, располагавшими лучшей военной и технической организацией и большими материальными средствами, усиливать обязанности этого населения по отношению к государственной власти, почти не давая никаких прав. Все это имело уже свою длинную историю—смута начала 17 века только обострила положение, потребовала еще жертв от населения для отвоевания у Польши и Швеции потерянных в это время областей в тот момент, когда производительные силы страны были подорваны.

Обратимся прежде всего к рассмотрению положения той категории населения московской Руси, которая больше всего могла бы считаться победительницей в результате Смуты—к той многочисленной и весьма пестрой массе, которая носила название служилых людей. В своих обращениях к царю (и во всех тех случаях, когда челобитная подавалась в приказ, но писалась на имя царя) они именовали себя «государевыми холопами» — этим почетным прозвищем они отличались от «тяглых» или «черных» людей, писавшихся «государевыми сиротами».

Каково было их социальное положение, к чему они стремились и чего успели добиться ко времени издания Уложения 1649 года?

Служилый люд распадался на целый ряд «чинов», расположенных по длинной иерархической лестнице, имущественное положение и «честь» которых были очень неодинаковы. Наверху стояли думные чины (в количестве нескольких десятков человек): бояре, затем окольничие и, наконец, думные дворяне; лица, которым был пожалован думный чин, заседали в Боярской Думе—высшем законосовещательном, судебном и административном органе государства. Назначались они из «больших» родов: из наиболее знатных родов (князей Черкасских, Воротынских, Трубецких, Голицыных и др., а также некоторых нетитулованных, вроде Морозовых и Шереметевых) жаловались прямо и только в бояре; представители сравнительно «меньших» родов бывали и окольничими и боярами; наконец, для дворянских родов обычная карьера не могла итти дальше чина думного дворянина (Котошихин). За думными чинами шло столичное дворянство—«московские» служилые чины: спальники (они не составляли, собственно, особого «чина», но этой должности, в виду ее близости к царю, добивались сыновья бояр и окольничих, так как она открывала блестящую перспективу сделаться «комнатным», или «ближним» боярином или окольничим), стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы. Далее шло провинциальное дво-

рянство—«городовые» дворяне и дети боярские; число их менялось, но в среднем для первой половины 17 в. их можно считать около 30 тысяч человек. Наконец, низший слой, неуклонно возраставший и обгонявший в своей численности предыдущий, составляли служилые люди «по прибору», набиравшиеся из «вольных людей» (в противоположность предыдущим чинам, в которые «верстались по отечеству»).

Ничтожная численно кучка думных людей играла огромную роль в правительственном аппарате и имела соответственное имущественное положение. Принцип «породы» не потерял своего влияния после Смуты. Первым лицом в Боярской Думе и до Смуты, и во время нее, и при начале новой династии—был боярин Федор Иванович Мстиславский, которого еще англичанин Флетчер, посол в России при Федоре Ивановиче, охарактеризовал, как «более знатного родом, нежели замечательного по уму». В 1613 г. он оказался и крупнейшим землевладельцем в стране (за исключением, может быть, тушинца кн. Д. Т. Трубецкого)—у него насчитывалось 48.910 десятин пахотной земли. Но в течение 17 века размеры землевладения стали все чаще определяться не числом «четвертей» *)

*) Четверть = 1/2 десятины; но счет четвертей велся, по трехпольной системе, в одном поле, так что 10 четвертей «в поле, а в дву потомуж» означало всего 30 четвертей, или 15 десятин.

пахотной земли, а количеством крестьянских дворов. В 60-х годах за боярами, окольничими и думными и «ближними» людьми в поместьях и вотчинах бывало до 10 и 15 тысяч дворов; богатство такого сановника зависело не только, и даже, может быть, не столько, от наследования, сколько от его «службы» и царской милости, смотря по тому, оказался ли он, по выражению современника, «с ч а с т л и в службою своею и после сродичев своих»—«и кто дослужится, за иным боярином есть близко 17.000 крестьян, а за иными только со 100 и с 200 дворов» (Котошихин). Но таково было земельное обеспечение лишь немногих; даже столичное дворянство было обеспечено населенными имениями недостаточно для службы. Так, в декабре 1633 г. стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы, которым велено было отправляться на войну под Смоленск, подали государю челобитную о выдаче по этому случаю денежного жалованья, т. к. «им на государеве службе быти не с чем»—поместий и вотчин у некоторых нет, а у других есть, но «пустые», без крестьян; у многих всего 3—6 крестьян—«и им с тех крестьян подняться и на службе быть не мочно». На это челобитье последовал приговор: беспоместным и пустопоместным дать государева жалованья по 25 рублей, тем, у кого до 15 крестьян,—20 рублей, «а за кем больше 15 крестьянинов, и тем жалованья не давати»; лишены были денежного жалованья также те, «у которых отцы были в воеводах и в посыле»—предпола-

галось, что этого рода служба могла хорошо «покормить» служилого человека.

Что касается провинциального дворянства—городовых дворян и детей боярских,—то их землевладение тоже было довольно неравномерно и очень часто приближалось по своим размерам к трудовому, крестьянскому типу. Мы имеем несколько списков («десятен») провинциального дворянства первой половины 17 века, которые красноречиво говорят о его хозяйственной маломочности. Земельные оклады, назначавшиеся поспевавшим в службу молодым людям («новикам») при верстании, колебались в среднем от 100 до 300 четвертей (т. е., в трех полях от 150 до 450 десятин). Затем эти оклады могли увеличиваться и для счастливчиков доходить до 1000 четвертей. Однако действительная «дача» редко равнялась окладу, и обычно была в несколько раз меньше последнего. Каждому предоставлялось самому «приискать» себе земли в его оклад; но свободной (и притом заселенной) земли было мало, конкурентов много, никакой очереди между ними не установлено, и поэтому начиналось взаимное подсматриванье и доносы. Надо было во-время узнать о смерти помещика, не оставившего годных к службе сыновей, о том, что кто-нибудь владеет землей «самовольством», «без дач», или «вылгал» себе поместье, подав «ложное челобитье» и т. п. «Это—целая система высматривания, выведывания и подыскивания под своими ближними. В этой смрадной атмосфере жило

наше дворянство во все время действия рассматриваемой системы»*). Было и другое следствие этой системы, очень существенное в экономическом отношении: владения служилого человека составлялись из разновременных дач, находящихся в различных местах, хозяйственно между собой совершенно не связанных. Никакая рационализация помещичьего хозяйства не была возможна при такой чересполосице. Впрочем, постоянные отлучки на службу и без того мешали помещику сделаться настоящим хозяином.

Самые богатые провинциальные дворяне редко имели более 20—30 душ крестьян и бобылей; они выезжали на службу с 2—3 своими людьми на конях. У многих же было всего один—два бобыля которые к тому же не вели своего хозяйства; у других земли оказывались «пусты», наконец, у третьих не было ни поместий, ни вотчин. Те, у кого не было крестьян, несли только «осадную» службу, т. е. оборону местных укреплений, своего города; на эту же службу назначали престарелых, безногих и безруких калек и какого-нибудь обедневшего помещика, который жил в одной избе со своим единственным бобылем. Неудивительно, что сыновья таких дворян поступали холопами в боярские дворы, служками в монастыри, в дьячки и т. п. Еще в предыдущем столетии, в Судебнике 1550 г., было издано запрещенье принимать детей боярских в

*) Сергеевич.

холопы, кроме тех, которых государь от службы отставит. Тем не менее, на практике такие случаи бывали не редки — служилые люди, «не хотя государевы службы служити и бедности терпети», били челом в боярские дворы. Правительство должно было повторять запрещенье: указ 1642 г. и за ним — уложенье 1649 г. санкционировали подобные случаи за прошлое время для тех детей боярских, которые не были верстаны и не имели поместных и вотчинных дач; впредь же велено было детей боярских, верстанных и неверстанных, никому в холопы не принимать — разве последовал бы государев именной указ. Это вовсе не было проявленьем правительственной заботы об охране свободы личности: это устанавливалось в интересах службы, чтобы никто не мог избежать ее, поступив в дворню богатого и сильного человека. Московская «воля» (даже дворянская!) так мало отличалась от формального рабства, что многие предпочитали последнее.

Наконец, нижний слой служилого класса составляли стрельцы, казаки, пушкари, солдаты и прочие служилые люди «по прибору». Денежное жалованье они тоже получали раз в несколько лет и жили с земли, которая обыкновенно отводилась им государством сразу на целые поселения, слободы. Обрабатывали землю они обычно сами или трудом своей семьи — детей, братьи и племянников; последние, однако, постоянно прибирались во вновь образуемые полки солдат, рейтар и проч., несмотря на жалобы

местного населения, ссылавшегося на то, что крестьян и бобылей у них нет. Размеры их запашки были весьма незначительны, т. к. они не могли уделить своему хозяйству много времени; особенно это относится к южной окраине, где они были массами поселены для защиты от татарских набегов и составляли часто все, или почти все население новопостроенных городов. Правительство принудительным порядком переселяло их сюда и стремилось всех этих «сведенцов» снабдить землей; но они часто оказывались не в состоянии обработать даже свои незначительные наделы — еще в 1670 г. в Воронеже администрация находила, что размеры земельного жалованья стрельцам — 8 четвертей (4 дес.) в поле — слишком велики: того стрельцу не вспахать.

Таково было, в самых общих чертах, экономическое положение отдельных слоев огромного и пестрого класса служилых людей. Уже одно имущественное неравенство между каким-нибудь ближним боярином и захудалым провинциальным сыном боярским, который ютился в избе своего бобыля, говорит о том, что напрасно было бы искать полного единства в стремлениях всего служилого класса. Были, однако, такие вопросы, в которых их интересы были солидарны; с них и следует начать.

Во-первых, все землевладельцы были заинтересованы в прочности своего владения землей — иными словами, они стремились п о м е с т н о е право заменить в о т ч и н н ы м. В период собирания москов-

ского государства шло массовое «окняжение» земли— владения частных собственников, крупных и мелких, становились государевыми, черными или дворцовыми, землями. Служилые люди получали землю обычно лишь в поместье, т. е., во временное владение и пользование под условием службы; оно прекращалось с прекращением службы. В Смутное время, с ослаблением государственной власти, служилые люди сумели часть своих поместий перевести себе в вотчину: при царе Василии Шуйском была произведена массовая раздача вотчин всем защитникам столицы от Тушинского вора, — по 20 четвертей с каждых 100 четвертей их поместного оклада; такая же раздача повторилась в 1619 — 1620 гг., опять-таки защитникам Москвы от поляков. С другой стороны, нуждаясь в деньгах, правительство пускало в продажу в вотчину казенные земли — поместные или порожние. Несмотря на разного рода законодательные ограничения, неоднократно повторявшиеся, эта продажа продолжалась в течение всего 17 века. Вотчинное землевладение все время ширилось за счет поместного. С другой стороны, поместное землевладение все более преобразовывалось по типу вотчинного — служилые люди постоянно и успешно добивались расширения своих прав на мену поместьями, на закрепление их после смерти владельца за его родственниками, на выделение «на прожиток» вдовам и дочерям помещиков. В этой области своих претензий к государству весь класс землевладельцев-вотчинников и помещиков был солидарен.

Этой солидарности не было в другом вопросе, который был осью всего социально-экономического развития Московской Руси,—крестьянском. Уже в первые годы царствования Михаила Федоровича мы видим жалобы одних помещиков на других, которые «вывозят» их крестьян. Чем слабее была государственная власть, тем более этот вывоз принимал форму настоящего грабежа. Конечно, вывоз крестьян делался не без того или иного соглашения с вывозимыми, тем не менее, это, несомненно, грабеж, но крайне своеобразный, который, может быть, лучше всего другого характеризует ту эпоху *). Случаи подобного рода многочисленны и утомительны в своем однообразии: мы постоянно читаем жалобы землевладельцев (помещиков и вотчинников, а также монастырей) на своих соседей, которые отбили их крестьян.

Любопытна тут роль самих крестьян, а также тех приказчиков (из холопов или из крестьян же) крупных землевладельцев, которые в виду постоянного пребывания господ в Москве или на службе, замещали их в поместье или вотчине. Крестьяне предпочитают иметь хозяином крупного вотчинника, который заинтересован в благосостоянии своей вотчины и населяющих ее крестьян и может оказать помощь и защиту против соседей, а также—это очень важно—против воеводы и других агентов

*) Характерная челобитная напечатана в Актах Юридических, № 50 и в «Архиве Строева», т. II, № 157.

правительства, правящих на крестьянах разные государевы подати и не забывающих при этом и себя. Сравнительно спокойное житье под покровительством сильного боярина было во многих отношениях предпочтительнее, чем состояние многих мелких служилых людей, которые, как мы знаем, часто спасались от службы, поступая в холопы. Поэтому, крестьяне, может быть, даже не столько стремились избегнуть крепостной зависимости вообще, сколько найти хорошего хозяина-землевладельца, умеренного в своих требованиях по отношению к крестьянам и сильного и страшного для посторонних. Крупные землевладельцы, с своей стороны, тоже были заинтересованы в том, чтобы обеспечить свои поместья и особенно вотчины достаточным количеством рабочих рук, и поэтому «подговаривали» чужих крестьян (это называлось также: «отбить своей научкой»). Иногда приказчики действовали в этом отношении по собственной инициативе и без одобрения господина: так, в 1616 г. боярин кн. Б. М. Лыков писал архимандриту Иосифова монастыря, что действия его «человеченка» (т. е., холопа), который «отказывал» монастырских крестьян, совершены без его повеленья, и от боярина ему об этом писано «и посулено кнутье и с увечьем». Можно, конечно, сомневаться в искренности кн. Лыкова в данном случае, и не может быть никаких сомнений, что другие бояре, сильные своими связями в московских приказах, систематически свозили к себе чужих крестьян. В особенности этим

прославились бояре И. Н. Романов и Б. И. Морозов: масса провинциальных дворян и детей боярских тщетно искали на них своих крестьян и только июньское восстание 1648 года дало им возможность получить их.

Борьба за рабочие руки вносила глубокий разлад в среду служилого класса. Еще в конце 16 века была установлена 5-летняя давность для возвращения беглых крестьян — те из них, которые на новых местах «заживут урочные годы», не отдавались обратно их старым владельцам. Еще в приговоре дворянского ополчения Ляпунова 30 июня 1611 года было постановлено, чтобы крестьян, которых вывозили «в нынешнее смутное время» дворяне и дети боярские у своей же братьи, сыскивать и отдавать назад старым помещикам. В дальнейшем мы видим упорные домогательства массы служилых людей об отмене урочных лет; однако, они долго оставались безуспешными.

Спрашивается—почему? Кто так долго с успехом сопротивлялся отмене урочных лет? Это выясняется из челобитий городовых дворян и детей боярских: оппозицию составляли «сильные люди», верхушка служилого класса, тесно связанная с приказной бюрократией, руководимой дьяками. В 1637 г. служилые люди украинских и замосковных городов получили привилегию искать крестьян не за 5, а за 9 лет. В 1641 г. дворяне и дети боярские разных городов,

бывшие в Москве для службы, подали челобитную, где жаловались, что их крестьяне бегают к сильным людям, которые дают им всяческие льготы и строят целые слободы, и просили: урочные годы отменить и отдавать беглых крестьян и бобылей по поместным и по вотчинным дачам и по писцовым книгам бессрочно. Под давлением этого съезда многотысячной вооруженной служилой массы, правительство сделало уступку и удвоило срок давности: вместо пяти—десять лет. В этом указе любопытно, между прочим, то, что проведено характерное различие между побегом и вывозом крестьян: беглые (т. е., бежавшие по собственному почину) отдавались обратно в течение 10 лет, а вывезенные—в течение целых 15; вместе с тем, неподтвердившееся обвинение в вывозе, как тяжком преступлении, влекло потерю иска на беглого крестьянина. Этот закон был издан, чтобы успокоить служилую массу, которая была в очень возбужденном настроении—в письме нижегородца сына боярского Колбецкого к отцу, посланном осенью 1641 г., говорится, что ныне на Москве «смятенье стало великое»—«боярам от земли быть побитым»; к тому же, в это время шли разговоры о войне с Турцией из-за взятого донскими казаками Азова, и дети боярские ожидали себе «службы бесконечной». Наконец, в 1646 г., в виду предположенной дворовой переписи по всему государству, было дано обещание, что крестьяне (и их дети) будут крепки тому, за кем записаны, и без урочных лет. Но дело с переписью медленно под-

вигалось вперед; и лишь Уложение покончило навсегда с урочными годами.

В этой борьбе за крестьянскую крепость сами крестьяне участья не принимали. Они были безгласны (в частности, не имели представительства на Земских Соборах), и их интересы непосредственного влияния на правительственную политику не оказывали. Но, как отмечалось выше, в интересах крестьянства было сохранение урочных лет, т. к. при них они могли если не избавиться вообще от владельца, то хоть переменить его. Раз закрепощение стало вечным и потомственным, отношения между крестьянином и помещиком стали приобретать гораздо более резкий и отчужденный характер, т. к. исчез один очень важный фактор, смягчавший их: опасение землевладельца «разогнать» своих крестьян и, с другой стороны, надежда приманить новых, ставя их в сравнительно льготное положение. Но в первой половине 17 века этот мотив был еще в силе; с другой стороны, по образу жизни, многие помещики мало чем отличались от крестьян. Поэтому, мы и видим такие любопытные бытовые картинки, что помещик приходит на пиршество к своему крепостному, справляет с ним праздники и т. п. Правда, эта бытовая близость не мешает тому же помещику проявлять свою власть: в 1622 г. крестьянин зарайского помещика Кондырева, Иван Стрига, позвал к себе на пир своего боярина, но на пиру проговорился, что слышал про государя непригожее слово: ему, государю,

нельзя жениться, Тушинский де вор, который называется царевичем Дмитрием, жив; за свою болтливость он был наказан помещиком. По этому делу выяснилось, что Кондырев часто бил кнутом и ковал в железа несчастного Стригу, т. к. тот пьянствует и в хмелю «с ума сбродит»; в конце концов, его вернули из тюрьмы помещику, с которого взяли поручную запись, что ему того крестьянина «до смерти не убить, и руки ноги не переломить и не изувечить» *). Последняя фраза свидетельствует о другом бытовом явлении, которое прекрасно уживалось с совместными пирами и житьем в одном дворе; тут была та духовная близость, которая исчезла впоследствии и которая не удивит нас, если мы вспомним, что помещик и его крепостной вырастали в одной и той же обстановке и питались одинаковой духовной пищей. Массовых проявлений классовой ненависти крестьянства к землевладельцам (точнее, — душевладельцам) до разиновщины мы не видим.

Зато мы видим другое—постоянную борьбу помещиков и вотчинников друг с другом. Земельные споры и семейная вражда часто приводит к настоящей войне, где один старается выжить другого из его поместья и действует во главе толпы своих холопов и крестьян, нападая на села и деревни противника, сжигая дворы, уводя скот и т. д.; при этом происходят форменные сраженья, где стороны пу-

*) Новомбергский. Слово и Дело Государевы, № 22.

скают в ход сабли и луки*). Читая наивные повествования об этих распрях, начинаешь понимать, почему класс привилегированных землевладельцев в целом играл такую жалкую роль перед лицом самодержавного царя и худородных, но всесильных дьяков. Та самая поместная система, которая создавала «смрадную атмосферу взаимного высматривания и выведывания», не давая, вместе с тем, прочной хозяйственной базы,—рождала эту войну феодального типа, в которой крестьяне, если не очень ретиво сражались, то весьма охотно грабили под начальством своего барина.

Так же пестр был состав и другого класса, с интересами которого считалось правительство,—торгово-промышленного. Сословное начало было еще слабо, и тогда не могло быть речи о том, что каждый «подлый»—ниже «благородного» дворянина. Верхушка торгово-промышленного класса была гораздо более влиятельна и чтима, чем мелкопоместное дворянство. Как ни слаба была наша буржуазия, правительство из своих столкновений с западными державами усвоило уже ту истину, что для войны нужны три вещи: деньги деньги, и деньги. Надо было, следовательно, заботиться о том, чтобы торги и про-

*) Довольно много грамот подобного содержания сохранилось для Рязанского края первой половины XVII века; они напечатаны в Рус. Историч. Библиотеке, т. II, №№ 243—244, 246—247, 249—251 и др.

мыслы населения не падали, ибо они могли дать государству необходимые средства: таможенные деньги (на ряду с кабацкими) составляли важнейшую часть государственных доходов в первой половине 17 века. Отсюда же—политика меркантилизма во внешней торговле, а также внимание к жалобам и ходатайствам купечества. С другой стороны, государство было крупным торговцем: ряд товаров составлял его монополию во внешней торговле. Казна искала для себя подходящих, коммерчески подготовленных агентов, и таковыми, естественно, признавались те, кто нажитым богатством доказал свои коммерческие способности и опыт. Поэтому богатейшие купцы назначались таможенными головами в центры заграничной торговли—Архангельск и Астрахань, заведывали продажей мехов, которые собирались в Сибири в виде натуральной подати, «ясака», с инородцев, и за эту службу получали чин гостя, их жаловали гостиным именем; во времена Котошихина их было около 30 человек. Гости совмещали с государственной службой занятие собственной торговлей и промыслами—легко понять, какое открывалось тут широкое поле для всяких злоупотреблений! Все более или менее крупные торговопромышленные заведения находились в их руках; конкуренция с ними была невозможна. Неудивительно, что (как свидетельствуют современники-иностранцы) простые купцы их ненавидели. Они имели ряд привилегий, которых не имели прочие лица торгово-промышленного класса, между

прочим—право покупать и брать в заклад вотчины. Кроме того, чин гостя открывал возможность административной карьеры: знаменитый дьяк Назарий Чистый был первоначально торговым человеком г. Ярославля, в 1621 г. сделан гостем, в 1628 г. он был в Астрахани таможенным головой, в 1647 г.—пожалован в думные дьяки и сидел в Посольском приказе (почему иностранцы называли его «государственным канцлером»); он же был одним из крупнейших землевладельцев, владея вотчинами в четырех уездах.

Следующий чин—«гостиная и суконная сотня». Члены этих сотен бывали у гостей в товарищах, в целовальниках; их привилегии были уже—они не могли покупать и держать у себя крестьян. Вместе с гостями, они составляли то, что Ключевский назвал «финансовым штабом Московского государства».

Но крайне характерен тот способ, которым пополнялся этот штаб. Местные посадские миры должны были поставлять «лучших», наиболее богатых из своих членов в Москву для укомплектования гостей и гостиной и суконной сотни. Это не всегда улыбалось самим новобранцам; но для посадов такой перевод в Москву наиболее состоятельных плательщиков налогов всегда был крайне обременительной повинностью, т. к. оставшиеся должны были нести прежнее тягло. Как совершался этот перевод, видно из одной грамоты в Чердынь (1630 г.): воеводе сообщается, что велено взять из Чердыни к Москве «на житье», в суконную сотню, двух местных посадских людей с

братьею, и за ними поехал особый посыльщик с поручением выслать их за поруками в Москву; грамота предвидит, что избранники «ухоронятся»—в таком случае, воевода должен послать за ними пушкарей и рассыльщиков *). После Смуты правительству пришлось собирать свой финансовый штаб, который был рассеян по городам (как говорит одна грамота 1648 г.), и гости и гостиная и суконная сотни принудительно возвращались в Москву. И в дальнейшем все время Москва играла роль того центра, который вбирал в себя для нужд казенного управления всех лучших посадских людей, обескровливая местную хозяйственную жизнь. Круговая порука в отбывании государева тягла была могущественнейшим фактором в истории торгово-промышленного класса в Московской Руси; она вызвала борьбу посадов с центром—за плательщиков налогов (подобно тому, как помещики и вотчинники боролись между собой за крестьян); она же порождала борьбу внутри самих посадов между «лучшими» (или «нарочитыми»), «середними» и «молодчими» людьми из-за той или иной раскладки податей и повинностей.

Однако, это последнее расслоение внутри торгово-промышленного класса имело сравнительно второстепенное значение по сравнению с тем общим интересом, который объединял его в борьбе со страш-

*) Акты Исторические, т. III, № 164.

ным конкурентом—населением слобод, выросших рядом с посадами. Многие посадские люди, уходя от тягла, бросали свои дворы и уходили—кто в стрельцы и пушкари, кто за дворян и детей боярских в крестьяне. В особенности распространенным явлением было закладничество: многие—иногда весьма состоятельные лица—закладывались за сильных людей, бояр, или за не менее сильные монастыри, заключая с ними договоры о поступлении в крестьяне или в кабальные холопы по фиктивным займам, но фактически промышляя, главным образом, торговлей и ремеслами и живя в посаде или под ним, в особой слободе, построенной каким-нибудь могущественным боярином или монастырем. Посадским приходилось конкурировать с этими закладчиками, которые, как говорят многочисленные современные жалобы, «всякими товары торгуют и всякими промыслы промышляют—а тягла с посадскими людьми никакого не тянут». Фискальный интерес в данном случае совпадал с интересами жалобщиков, и всю первую половину 17 века мы видим постоянные заботы правительства о возвращении в посады вышедших тяглецов, и даже о приписке в посады всех тех, кто раньше не был посадским, но занимался торговлей или промыслами. Однако, экономическое могущество держателей закладчиков в значительной степени парализовало эти мероприятия—местная администрация и специально посылаемые из Москвы свозчики, по-

лучая хорошую мзду, начинали всячески потворствовать им *).

В постоянном общении и тесной связи с посадским населением были низшие, приборные, служилые люди, и прежде всего—стрельцы. Стрельцы—это национальное истинно-русское войско, столь же часто бунтовавшее, сколько усмирявшее народные мятежи, исчезнувшее со страниц истории вместе со старой, до-петровской Русью, оставив после себя кровавую память стрелецких бунтов и еще более страшных стрелецких казней—выходили по преимуществу из низов тяглого населения. Их прибирали из молодых людей, которые еще не попали в тягло, из гулящих людей, которые были «молоды и резвы и из пищали стрелять горазды»; наказы стрелецким головам в особенности предостерегали от прибора боярских крепостных (т. е., холопов), тяглых посадских людей и крестьян с пашни, но документы постоянно говорят о таком переходе тяглых людей в стрельцы, и правительство обычно санкционировало его, повторяя запрещение на будущее время. Но они сохраняли старые родственные связи и привитые воспитанием привычки. В частности, стрельцы очень часто занимались торговлей: мелкая торговля в разнос дозволялась им беспошлинно; если же они заводили лавки,

*) Н. Д. Шаховская, «Сыск посадских тяглецов и закладчиков в первой половине XVII века» (Журнал Минист. Народн. Просвещения, 1914, октябрь).

то с них брались пошлины, как и с других торговых людей. В больших городах стрельцы селились особыми слободами, причем их голова (назначавшийся из дворян или детей боярских) должен был наблюдать, чтобы они без его отпуска никуда не ходили и ночевали в слободе. Старые и увечные увольнялись со службы, лишаясь при этом своих участков в стрелецких землях, и на их место прибирались новые. Неудивительно, что этот режим приходился не по душе многим из гулящих людей, записавшихся в стрельцы, и они бегали от него—их ловили, били кнутом, сажали на время в тюрьму и потом снова сдавали в стрельцы. Аналогично было положение и других приборных служилых людей. Напр., в 1647 г. производился сыск драгун, только что набранных из вольных охочих людей, которые, получив оружие и лошадей, с дороги стали разбегаться,—тем, кто приведет тех беглых людей к воеводе, была обещана награда, за каждого беглого драгуна по два рубля; мало того, если окажется, что эти беглые драгуны были прежде за вотчинниками и помещиками в крестьянах и бобылях, то прежние их владельцы должны были выдавать их под угрозой пени в сто рублей с человека. Так интересы тягла приходили в конфликт с интересами службы, и одни указы правительства разрушали то, что предписывали другие *). Лучше

*) Наказы стрелецким головам—напр., «Акты Археогр. Экспед.», т. III, № 167 и «Дополнения к Актам Историч.», т. V, № 18; дело о сыске драгун—«Доп. к А. И.», т. III, № 21.

всех служилых людей по прибору было материальное положение московских стрельцов: их денежное и хлебное жалованье было несколько выше, чем в городах, и ежегодно они получали сукно на платье—тогда как городовым стрельцам сукно посылалось раз в 3 или 4 года. Один из московских стрелецких полков («приказов») именовался стремянным, составляя царскую лейб-гвардию и не неся никакой другой службы, кроме охраны царя и царицы. «И в тех приказах, добавляет Котошихин, стрельцы — люди торговые и ремесленные всякие богатые люди». Таким образом, московские стрельцы занимали двойственное положение: они тяготели и к низам посадского населения, с которыми их связывали родственные узы и частичная однородность занятий, и к царской милости, дарившей их сукном и прочим жалованьем. Отсюда—их колебания между московской чернью и царским двором, их переходы от одной стороны к другой во время московских мятежей.

Внизу социальной лестницы стояли холопы, населявшие, по преимуществу, дворы бояр. Эти боярские дворы, чувствовавшие себя безнаказанными за спиной своего барина, были его опорой и предметом страха и ненависти соседей. В социальной борьбе они были той материальной силой, которая увеличивала мощь социальной верхушки.

Чтоб закончить обзор тех социальных групп, из сложения сил которых получалась равнодействующая правительственной политики, надо сказать хотя

бы несколько слов и о московской бюрократии. В государстве, политическое развитие и державные претензии которого превышают его экономические силы, неизбежно развивается многочисленная и влиятельная бюрократия—получается гипертрофия администрации; это очень ясно видно на примере Московской Руси, где «государство пухло, а народ хирел»*). Члены государевой думы, начальники центральных учреждений (приказов), а также главы местной администрации—воеводы, происходили, по большей части, из родовитого, в значительной степени титулованного столичного дворянства и, естественно, поддерживали интересы крупных землевладельцев, явно или тайно покровительствуя урочным годам, вывозу крестьян и развитию закладничества. Но рядом с представителями «породы», выдающуюся роль в государственном управлении играли представители п е р а— дьяки и подъячие. Еще до Смуты некоторые дьяки достигали исключительного влияния на политику (напр. знаменитые Щелкаловы); Смутное время выдвинуло цѣлый ряд бесспорно талантливых, хоть и бессовестных, приказных дельцов, которые заняли при царе Михаиле такое же высокое место, какое они занимали раньше в Тушине. Высшую ступень дьяческого чина составляли думные дьяки, в количестве 3—4 (иногда и до 8) человек, которые присутствовали в заседаниях Боярской Думы и форму-

*) К л ю ч е в с к и й.

лировали ее решения в виде резолюций («помет») на докладах. Дьяки эти, думные и недумные, сидели в приказах в качестве «товарищей» при боярах, окольничих и ближних и думных людях, а иногда и без них, а также ездили в посольствах за границу. В дьяки жаловались из дворян, из торговых людей, из подьячих. Однако, среди московской аристократии, из которой многие жаловались в бояре, по выражению современника, «не по разуму их, но по великой породе», где многие были «грамоте не ученые» (Котошихин)—мало-мальски грамотный человек, имевший за собой некоторый административный опыт, высоко ценился и мог быстро подвигаться вверх по административной лестнице. Свое высокое служебное положение дьяки умели использовать для создания своего хозяйственного благополучия. Выше говорилось о земельных владениях дьяка Н. Чистого—но некоторые дьяки были еще богаче его. Что касается подьячих, то в центральном управлении они играли сравнительно второстепенную роль делопроизводителей и вообще канцелярских служащих; но на местах, при воеводах, они заменяли дьяков и были иногда фактическими управителями уездов. Следуя своей общей тенденции, правительство стремилось сделать бюрократию наследственной, превратить ее в сословие; однако, как и в отношении других чинов, 17 век не успел провести последовательно сословное начало. Хотя и делались попытки запретить принимать в подьячие «поповых и дьяконовых детей и гостиные

и суконные сотен торговых, и черных сотен посадских всяких, и пашенных людей и их детей», но грамотность была достаточно редким явлением, чтобы перевешивать другие соображения, и фактически приказная бюрократия вербовалась из всех слоев населения. В конце концов, сотня дьяков и тысяча подьячих—вот кто составлял главную рабочую силу, приводившую в движение государственный аппарат. Аппарат работал медленно, неповоротливо и с высоким, так сказать, коэффициентом полезного действия для его работников: хотя приказные люди дают обещанье «с жестоким проклинательством» не брать посулов и делать все вправду, но, говорит современник, «ни во что их есть вера и заклинательство, и наказания не страшатся, от прелести очей своих и мысли содержати не могут и руки свои ко взятию скоро допущают — хотя не сами собою, однако по задней лестнице через жену, или дочерь, или чрез сына и брата и человека» (Котошихин). Вся эта аристократия пера, московская noblesse de robe, была ненавидима всеми слоями населения за свое мздоимство; то, что готовы были терпеть от «высокородных» людей, не прощалось выскочкам.

Это отношение к приказным людям нашло себе яркое выражение в последние годы царствования Михаила Федоровича в знаменитых заявлениях («сказках») выборных людей на Земском Соборе 1642 г. Собор был созван для того, чтобы решить вопрос, принять или не принять от донских казаков город

Азов, взятый у турок и геройски защищавшийся ими в течение пяти лет; принятие Азова грозило войной с Турцией — а правительство после неудачной Смоленской войны 1632—1634 г.г. было настроено более, чем осторожно. Выборным предложено было подумать: решаться ли на войну, которая потребует не только многих ратных людей, но и всяких запасов и денег. Чувствуя слабость и нерешительность правительства, выборные люди поставили вопрос гораздо шире и в своих ответах дали очень резкую критику правящей бюрократии, в которой указывали главного виновника разоренья страны. Впрочем, ответы чинов столичного дворянства довольно бледны, — зато дворяне и дети боярские целого ряда городов излили накопившуюся желчь. Указав в деликатной форме, что следовало бы взять ратных людей с вотчин бояр и ближних людей, они переходят — в форме уже совсем неделикатной — к жалобам на государевых дьяков и подьячих, которые, будучи у государевых дел, кроме денежного жалованья и поместий и вотчин, обогатились «многим богатеством, неправедным своим мздоимством», и понакупили себе многие вотчины и понастроили многие роскошные дома. Жаловались они и на свою братью, дворян, которые, отбывая службы, написались по московскому списку (т. е., перешли в разряд московского дворянства) и, бывая по городам в качестве воевод, разбогатели (должность воеводы не считалась службой, а наоборот — наградой за службу). Все эти обличенья кончались

советом: приказных людей, и дьяков, и подьячих и таможенных голов на Москве и в городах по приходным книгам «счесть» — «чтоб твоя государева казна без ведомости у тебя, государя, не терялась». Жаловались на воевод и торговые люди: «а в городах всякие люди обнищали и оскудали до конца от твоих государевых воевод, а торговые людишки, которые ездят по городам для своего торгового промыслишка, от их же воеводского задержанья и насильства в проездех торгов своих отбыли» *).

Никаких реальных результатов жалобы выборных в 1642 году не имели. Ближние люди, бояре и дьяки; плотным кольцом окружали царский престол, и нужны были совершенно необычные потрясенья, чтобы выбить их хоть на время из прочно занятых позиций. Именно такой встряской, долго подготовлявшейся и вместе с тем неожиданной, было июньское восстание 1648 года.

2.

Восстание 1648 года и его результаты.

13 июня 1645 г. умер после 32-летнего царствования царь Михаил — и оставил своему 16-летнему сыну Алексею самодержавную власть, «слишком тяжелую для рук мальчика» (по выражению иностран-

*) Собрание Гос. Грамот и Договоров, т. III, № 113— перепечатано в Актах, относящихся к истории Земских Соборов, под ред. Ю. В. Готье (изд. Клочкова).

ца-современника Мейерберга). Личность родоначальника новой династии — доброго («смирного», как тогда говорили), но безвольного, благочестивого, но неумного — много содействовала упрочению той старой политической идеологии, которая рисовала царский портрет по трафарету, в бледно-розовых тонах: неизменно добрым и благожелательным к народной массе, царем-батюшкой, но также неизменно беспомощным, окруженным стеной злых советников, бояр, виновников всех бедствий народа. Корни этих представлений восходят к гораздо более ранним временам, к той стадии политического развития, когда государство и по своим размерам, и по внутреннему строю допускало чисто личные отношения между князем и его подданными. Но история политических идей свидетельствует, как консервативна в этом отношении оказывается человеческая психика, с какой поистине изумительной прочностью держатся переживания подобных представлений. И в Московской Руси фикция личного управления самого царя официально поддерживалась даже в 17 веке, несмотря на огромную и нескладную систему множества приказов, где пышно расцвел бюрократизм в его самых примитивных, грубых и неприглядных формах — со знаменитой московской волокитой, мздоимством, кумовством и т. п. Приказы выросли из личных приказаний царя определенному лицу или лицам ведать такие-то дела и до конца века, несмотря на крайнюю централизацию государ-

ственного управления, практика не установила строгого и формального различия между временными и чисто личными поручениями и старыми, давно упрочившимися, имевшими свой архив и свои традиции учреждениями: и те и другие одинаково именовались приказами. Все бумаги, подававшиеся в приказ, писались на имя царя, и каждое дело могло дойти до него, если судьи приказа почему-либо находили, что не могут решить его. И грамоты из приказа писались обычно от имени царя, хотя составлялись дьяком, а еще чаще — подьячим, а дьяк только подписывал. Конечно, непосредственное, личное управление царя было чистой фикцией, но эта фикция имела огромное значение в московском государственном строе.

При господстве такой политической идеологии, переход престола от одного лица к другому — всегда момент критический. В данном же случае, новым царем оказывался к тому же мальчик — круглый сирота, находившийся всецело под влиянием своего воспитателя Б. И. Морозова и его присных. В январе 1648 г. царь женился на дочери дворянина И. Д. Милославского, а через 10 дней на сестре новой царицы женился сам Морозов. Немедленно после свадьбы царь пожаловал тестю окольничество. Милославский отличался преимущественно корыстолюбием, царь Алексей совершенно не уважал своего тестя, не раз таскал его за волосы и тузил кулаками. Вместе с Милославским выдвинулись родственники

его: окольничий Траханиотов (заведующий Пушкарским Приказом) и Леонтий Плещеев (судья Земского Приказа). Особенно печальную известность приобрел последний: по словам иностранцев, Плещеев нанимал негодяев для того, чтобы они ложно доносили на честных людей, и вымогал у тех взятки; то же говорят и русские источники. Такое вымогательство даже получило нарицательное имя «плещеевщины». Эти люди быстро богатели, возбуждая ненависть в низах, за счет которых, главным образом, совершалось это обогащенье, и зависть в верхах, где многие должны были отойти на второй план, уступив место худородным родственникам и любимцам царя. Росла молва о неправедных действиях сильных людей, которые обманывают молодого и глупого еще царя. Причин для недовольства своим положением было много у самых различных социальных групп; идя по линии наименьшего сопротивления, неразвитое политическое мышление искало причин в злой воле отдельных лиц. В таких случаях достаточно благоприятного стечения обстоятельств, чтобы вспыхнул стихийный мятеж, бессмысленный и беспощадный в своих проявлениях, но имеющий глубокие корни в действительности и приводящий иногда к крупным социальным результатам, которые отнюдь не предвиделись мятежниками.

Одним из первых мероприятий нового правительства была крупная финансовая реформа — введение нового соляного налога, превышавшего приблизи-

тельно в четыре раза все прежние пошлины на соль. Мотивы нового закона были те же, которые всегда выставлялись при введении этого, действительно, весьма удобного с чисто-технической точки зрения косвенного налога: от уплаты никто не уклонится (даже иноземцы) и платить каждый будет незаметно для себя, при покупке необходимого продукта. Вместе с тем было обещано, что когда соляная пошлина будет собрана полностью, будут отменены важнейшие прямые налоги — стрелецкие и ямские деньги. Сбор нового налога был поручен Б. И. Морозову, И. П. Матюшкину и дьяку Назарью Чистому. Результаты были те же, какие были во всех странах, где вводился соляной налог в сколько-нибудь значительных размерах, — огромное вздорожание этого необходимейшего продукта всеобщего потребления и страшное озлобленье масс, выливающееся в форму открытых мятежей. Чтобы понять тяжесть этого налога — 20 коп. с пуда, — следует вспомнить, что цена четверти ржи была тогда около 30 копеек; кроме того, надо помнить, какую огромную роль играла в народном питании соленая рыба. Уже через два года московское правительство должно было уступить народному недовольству и отменить соляную пошлину.

Отменив соляной налог, правительство осталось без денег. Оно стало экономить; в частности, московским стрельцам не было выплачено жалованье. К этому присоединились стихийные бедствия — в 1648 г.

был хлебный недород и падеж скота. И взрыв, наконец, произошел *).

17 мая 1648 г. царь уехал на богомолье в Троицкий Сергиев монастырь и вернулся в Москву 1 июня. По шведским источникам, перед городом его встретила толпа народа, которая подала челобитную с жалобами на Л. Плещеева; но царь отказался принять ее, и стрельцы отогнали толпу плетьми. Несколько упрямых «простолюдинов», последовавших за царем в Кремль, были арестованы. Через полчаса челобитчики с такой же просьбой обратились к царице, которая ехала следом за мужем,—и опять были встречены стрелецкими плетьми; но на этот раз из рассерженной толпы полетели в царских телохранителей камни и палки, и некоторые лица из числа сопровождавших царицу были ранены. Страсти были разбужены.

*) Источники для истории мятежа 1648 г. довольно многочисленны. Главные: Зерцалов, О мятежах в 1648, 1662 и 1771 г.г. («Чтения в О-ве Истории и Древностей», 1890, кн. I, ст. 3), Олеарий, одна соврем. голландская, т. н. Лейденская, брошюра («Историч. Вестник» 1880, кн. 1), донесения швед. резидента Поммеринга («Чтения», 1898, кн. 1) и напечатанные С. Ф. Платоновым анонимное шведское донесение («Чтения» 1893, кн. 1) и записки русского современника (Платонов «Статьи по рус. истории» изд. 2-е, стр. 62—75).— Ценную сводку материала сделал С. В. Бахрушин в статье «Московский мятеж 1648 г.»—в сборнике статей в честь М. К. Любавского. См. также: Смирнов, О начале Уложения и Земского собора 1648– 1649 г.г. (Журн. Мин. Нар. Пр. 1913, № 9).

2 июня был большой крестный ход, в котором принимал участие и сам царь. И вот, во время крестного хода, по словам современника-летописца, «было смятение в мире — били челом всею землею на земского судью на Левонтья Степанова сына Плещеева, что от него в миру стала великая налога и во всяких разбойных и татиных делах по его Левонтьеву наученью от воровских людей напрасные оговоры». Толпа, следовавшая за царем, ворвалась в Кремль — стрельцы, обязанные охранять его, не оказали ей достаточного сопротивления; и когда слуги Морозова стали бить стрельцов за то, что они впустили так много народу в Кремль, те возмутились и ответили, что признают только царя, но никаких фаворитов не признают, и «сражаться за бояр против простого народа они не хотят, а готовы вместе с ним избавить себя от их насилий и неправд». По другому известию, стрельцы даже прямо обратились к толпе с речью, сказав ей, «что ей нечего бояться, что они в этом деле не окажут ей никакого противодействия, а, напротив, даже протянут ей руку помощи». Таким образом, в критический момент войско перешло на сторону восставших. Но царь сделал еще попытку спасти Плещеева: он вышел сам к толпе и просил не проливать крови в этот день (это была пятница) и успокоиться; завтра он им выдаст Плещеева. Очевидно, он надеялся этой отсрочкой спасти его жизнь; русский летописец так и записал: в этот день царь «всей земле его, Левонтья, не выдал».

Не получив Плещеева, возбужденная толпа — вместе со стрельцами — обратилась на тех, кого считала его заступниками и единомышленниками: царского дядьку (воспитателя) Морозова, Траханиотова, Чистого и «иных многих» и стала громить и жечь боярские и окольничьи и дьяковы дворы. Первой жертвой пал дьяк Чистый, которого убили «за соль» — после многих издевательств, голый труп его был брошен в навозную кучу и пролежал там два дня. Согласно шведскому донесению, было разграблено и разрушено 70 домов — и это число было бы еще больше, если бы некоторые богатые купцы не получили от царя вооруженную охрану из стрельцов.

На другой день, в субботу 3 июня, толпа в еще большем количестве, чем накануне, явилась перед Кремлем и громко стала требовать выдачи Плещеева. Из-за стены запертого Кремля раздалось несколько холостых выстрелов — тогда все колокола зазвонили в набат, «и в короткое время произошло такое смятенье, что сбежалось несчетное число тысяч человек», говорит шведское донесение. Выданный царем, Плещеев был выведен в сопровождении стрельцов со священником и палачом; но толпа отняла его у стрельцов и сама расправилась с ним дубинами. Однако, толпе этого было мало: она требовала выдачи также Морозова и Траханиотова. Царь выслал уговаривать мятежников наиболее популярных бояр — Н. И. Романова и кн. Д. М. Черкас-

ского; но это не помогло. Тогда сам царь вышел к народу с непокрытой головой и со слезами умолял их успокоиться и пощадить Морозова, так как тот был его воспитателем. Ему удалось добиться пощады для Морозова и Траханиотова под условием, что оба они будут высланы из столицы, «и впредь де им... до смерти на Москве не бывать и не владеть и на городах у государевых дел ни в каких приказах не бывать»; свое обещание царь должен был подкрепить присягой: «и на том государь царь к Спасову образу прикладывался, и миром и всею землею положили на его государскую волю», говорит летописец.

Казалось, мятеж успокаивался. Но в тот же день начались большие пожары,—сгорела значительная часть города и, между прочим, Житный, Мучной и Солодяный ряды. Конечно, причиной пожаров могли быть те грабежи, в которых, разумеется, не преминули принять участие преступные элементы, уничтожавшие свои следы поджогами. Но в народе стали утверждать, что виновниками пожаров были все те же Б. Морозов и П. Траханиотов, которые «научением дьявольским» разослали своих людей по Москве, желая всю Москву выжечь—так пишет русский летописец, всецело стоящий на стороне мятежников, которых он отождествляет со «всей землей», «миром». Поэтому 4 июня к царю опять явилась толпа, требуя выдачи «изменников». Траханиотов накануне был отправлен в ссылку

(впрочем, почетную — воеводой) — царь велел его вернуть, и 5 июня его казнили, отсекли голову, перед всем народом. Зато Морозова царь все-таки отстоял, обещав, что его дядька будет сослан в Кириллов монастырь и впредь не будет ни в приказах, ни на воеводствах. Однако, царь медлил выполнить свое обещание, и только когда начались новые требования городской черни, которую поддержала новая сила — съехавшиеся из городов дети боярские, 12 июня, наконец, Морозов был отправлен в Кириллов монастырь.

В эти первые июньские дни активной действующей силой были низы столичного населения. Русский современник, правда, выражается неопределенно: «весь мир», считая, таким образом, восставших представителями как бы всего народа, всей земли. Но шведские донесения говорят определеннее, называя, во 1-х, «простолюдинов», а во 2-х, стрельцов. Простой народ означает тут посадское население г. Москвы, так как именно оно было подчинено ведению Земского Приказа, где сидел Плещеев, заслуживший ненависть в качестве начальника этого приказа; простой народ, по словам одного современника давно уже жаловался на Плещеева. Чрезвычайно существенно было также поведение стрельцов — действительно, непосредственный успех восстания был обусловлен тем, что стрельцы сначала не оказали достаточного сопротивления, а затем — определенно стали на сторону восставших.

Неудивительно, что, стараясь снова найти почву под ногами, правительство стремилось прежде всего задобрить стрельцов: по донесениям шведского резидента Поммеринга, после казни Траханиотова царь приказал выдать всем стрельцам то, что у них было удержано, а именно, по восьми рублей каждому. И «посланных от простонародья» удалось, при помощи соболей, склонить к согласию на то, чтобы Морозов остался в Москве; но на это не согласились пославшие, которые побили своих уполномоченных камнями. Когда, уже осенью того же 1648 года, двор стал хлопотать о возвращении Морозова, была поведена соответствующая агитация прежде всего среди стрельцов: по словам Поммеринга, патриарх давал по четыре рубля каждому стрельцу, если он подпишется под прошением о возвращении Морозова — этот аргумент возымел действие, и стремянные и некоторые другие стрельцы согласились. Однако, одновременно принимались и меры другого рода — многие стрельцы и простолюдины, участники мятежа, под разными предлогами были сосланы в Сибирь; тот же наблюдатель передает свое впечатление, что еще неизвестно, на чью сторону станут стрельцы, так как «они осмеливаются так дерзко выступать против его царского величества, указывая на то, что его царское величество, вопреки обещанью и крестному целованью, сослал их выдающихся людей». И еще в апреле следующего, 1649 года было опять сослано в Сибирь несколько сот стрель-

цов по незначительным причинам или совсем без причин. Таким образом, правительство действовало на стрельцов одновременно и лаской, и угрозами; стрельцы колебались, и позиция их, в общем, была мало определенной. Никакой программы, шедшей дальше увеличения государева жалованья, они не имели; и после первых дней мятежа, когда своим бездействием и даже помощью они дали перевес восставшим, они уже отступают на задний план, продолжая оставаться грозной материальной силой в чужих руках, но не играя самостоятельной роли.

Зато довольно неожиданно, с первого взгляда, на первый план выступает средний слой служилого класса—провинциальное дворянство. Как сообщает Поммеринг, после первых июньских дней в Москву стали прибывать дети боярские из деревень требовать себе жалованья; высылка Морозова последовала только тогда, когда царь узнал, что боярские дети совещаются с простым народом. Одновременно простому народу было обещано, что у него спросят совета, когда будут обсуждаться дела, касающиеся всей земли. Смысл последнего глухого указания разъясняется одной «памятью» особо учрежденной комиссии, «приказа», бояр князя Н. И. Одоевского с товарищами, которые должны были составить новый кодекс. В этой памяти говорится, что 10 июня 1648 г. «дворяне московские и жильцы и дворяне и дети боярские розных городов, и иноземцы, и гости, и гостиные и суконные и всяких розных сотен и слобод торговые

люди» били челом государю, «чтоб государь их пожаловал, велел учинить собор, и быти б на соборе патриарху и властем и бояром и думным людем, и указал бы государь быти на соборе из стольников, и из дворян московских, и из жильцов, и из городовых дворян и детей боярских выборным лутчим людем — и они на соборе учнут бить челом государю о всяких своих делех». Отсюда ясно, что, во-первых, известие о московском мятеже привлекло в столицу множество городовых дворян и детей боярских (которые продолжали приезжать и после высылки Морозова), а, во-вторых, съехавшееся дворянство не только солидаризировалось с восставшим посадским населением, но и захватило в свои руки направление движения: в памяти кн. Одоевского с товарищами сначала повествуется о челобитьи не только служилых, но и торговых людей, а в заключение говорится о созыве выборных только от первых. Правда, Собор был созван из представителей обоих классов, но первую роль несомненно играли служилые люди. Это и понятно — вооруженная конная рать служилых людей, привыкшая действовать в поле, производила большее впечатление на правительство, чем столичная чернь, которую легко разогнали бы, в конце концов, хорошо накормленные и напоенные стрельцы. Поммеринг доносил о некоторых симптомах, свидетельствовавших о глухой борьбе в течение лета и осени 1648 г.: с одной стороны, простой народ и дворяне

хотят устранить партию Морозова и с первым санным путем ожидают прибытия новой массы детей боярских, которая укрепит их позицию; с другой стороны, правительство (в ноябре или в начале декабря 1648 г.) издает воспрещение воеводам (?) и детям боярским приезжать в Москву за жалованьем, а также поговаривают о вербовке «сильной гвардии» для обеспечения безопасности царя. В работе комиссии кн. Одоевского дворянство и посадские люди приняли деятельное участие, подавая челобитные однородного содержания, поддерживая, таким образом, друг друга. Но еще до того, с первых же чисел июня посыпался дождь челобитных от отдельных помещиков и вотчинников с жалобами на Морозова по поводу вывоза их крестьян, и по ним немедленно выдавались грамоты в вотчины Морозова, предписывавшие выдавать крестьян — «приходцев» тем дворянам и детям боярским, которые приедут за ними. После казни Траханиотова его имения были розданы в поместья двенадцати жильцам. Служилые люди пожинали плоды восстания черных людей 1—5 июня.

16 июля 1648 г. государь указал и бояре приговорили созвать земский собор, на который выбирать: столичному дворянству — стольникам, стряпчим, дворянам московским и жильцам, из каждого чина по два человека (всего, следовательно, 8); дворяне и дети боярские должны были выбрать по своим городам, к которым приписаны из «больших» городов по два человека, из меньших по человеку, новго-

родцы избирали по одному депутату от каждой из новгородских пятин; гости посылали трех человек, гостиная и суконная сотни — по два человека; и черных сотен и слобод «и из городов с посадов» — по человеку. В августе выборы уже производились по отдельным городам; выборные должны были собраться к 1 сентября. 3 октября происходило торжественное заседание выборных, которые слушали составленный проект Уложения; председательствовал только что пожалованный из стольников в бояре князь Ю. А. Долгорукий — будущий усмиритель разиновщины.

Представительство на земском соборе 1648 г., конечно, очень далеко от современных требований всеобщего и равного избирательного права: напр., стольников и стряпчих было в несколько раз меньше, чем жильцов, но каждый чин избирал двоих; гостей было значительно меньше, чем в гостиной или суконной сотне—но гости посылали троих, а каждая из поименованных сотен — по два депутата. Но если мы сравним земский собор 1648 г. с предыдущими, то увидим, что его состав был необычен и должен был казаться современникам целой революцией. Новым было огромное численное превосходство провинции над столицей. На прежних соборах первую роль играли придворные и столичные чины; представительство городов было крайне неполным, а иногда и вовсе отсутствовало. И собор 1642 г., где голос провинциального дворянства прозвучал так громко и

резко, в этом отношении далеко отстоит от того, который собрался 6 лет спустя. В 1642 г. на соборе присутствовало: 10 стольников, 22 московских дворянина, 4 стрелецких головы и 12 жильцов — всего 48 чел. столичного дворянства, против 8—в 1648 г.; представители провинциального дворянства были от 42 городов, в количестве 112 человек — тогда как в 1648 г. были представители свыше 100 городов, в количестве свыше 150 человек; в 1642 г. присутствовало 3 гостя — 9 чел. от гостиной и суконной сотен и 20 чел. от московских черных сотен и слобод — из провинциальных посадов не было никого, — а в 1648 г. было свыше 80 городовых посадских людей.

Явление это может сразу показаться неожиданным и странным. Если собор 1648 г. вышел из смуты 48 года, состоялся «боязни ради и междоусобия от всех черных людей», как говорил его враг и хулитель, патриарх Никон, то почему столица, которая, казалось бы, сделала победоносное восстание, вдруг должна была стушеваться перед провинцией? Дело разъясняется, если мы обратим внимание, во-первых, на то, какие слои населения Москвы были победителями, и какие побежденными, а во-вторых на ту роль, какую сыграла провинция и, в частности, провинциальное дворянство.

Во-первых, московский мятеж был направлен как раз против той верхушки служилого класса, которая до тех пор привыкла говорить и действовать от имени всех служилых людей. Правда, столичные чины пи-

сались наряду и прежде городовых в тех челобитных, которые подавались служилыми людьми в приказ кн. Одоевского — но уже малочисленность их представителей говорит о том, что они скорее были увлекаемы (иногда, может быть, против воли) общей массой, нежели руководили ею. С другой стороны, «простой народ», который сумел добиться казни Плещеева и Траханиотова, отнюдь не обладал той степенью организованности и политического развития, которая требуется для проведения длинного ряда законодательных мер и которой не нужно для мгновенного успеха уличных восстаний. Если, тем не менее, июньское восстание не ограничилось убийством нескольких сильных людей и разграблением нескольких десятков богатых домов, а дало крупные социальные результаты, то потому, что к движению во-время примкнула новая сила, обладавшая некоторой сплоченностью и навыками организации не только в отношении отбывания тягла. Этой силой были городовые дворяне и дети боярские, которые ежегодно съезжались на южной окраине для службы, т.е. защиты от возможных татарских нашествий, которые привыкли действовать совместно целым «полком» и носить оружие не только против татар. В течение лета 1648 г. в ряде городов (гл. обр., повидимому, на юге — в Козлове, Воронеже, Талицке, Курске, Чугуеве, Карпове) вспыхивали беспорядки — очевидные отражения московских событий! — направленные против местной администрации: воевод, подьячих, сбор-

щиков податей и т. д. Ожидание в Москве приезда детей боярских из городов, старания правительства не допустить их—о чем писал в своих донесениях шведской королеве Поммеринг—все это показывает, что та «вся земля», которой должно было уступить правительство «сильных» людей, была объединена и руководима провинциальным дворянством.

Несколько скромнее была роль посадских людей—«кошелек» московской буржуазии (если исключить гостей, которые обогащались, главным образом, благодаря своей роли финансового штаба и вообще связям с администрацией) был настолько тощ, что оказывался значительно слабее «меча» многочисленного, но мало воинственного воинства помещиков и вотчинников. А главное — наиболее сильная экономически часть торгово-промышленного класса в этот момент откололась от него: гости и гостиная и суконная сотни были настолько тесно связаны с правительством, что население привыкло смотреть на них, как на чиновников. К тому же именно гостям был поручен сбор ненавистной, свежей памяти соляной пошлины—понятно, почему в смутные дни 48 года им пришлось просить у царя стрельцов для защиты своих домов. И вот посадские люди разных городов спешат использовать победу своих московских собратий и подают челобитные о том, чтобы у них не брали их лучших людей на Москву в гостиную и в суконную сотни; просьба была удовлетворена: всем тем, кто в 1647 году был пере-

веден в Москву, велено было оставаться в своих посадах попрежнему и земское тягло платить заодно со своими посадскими людьми. Только в одном вопросе все слои посадского населения были солидарны—в уничтожении закладничества. В этом требовании их поддержали и служилые люди: одновременно были поданы две челобитные однородного содержания — одна от имени стольников, стряпчих, дворян московских, городовых дворян и детей боярских, другая от гостей, гостиной и суконной, черных сотен и слобод (московских) и городовых торговых и посадских выборных людей. Обе требуют (вторая — несколько подробнее мотивируя) уничтожения слобод, принадлежащих духовенству, боярам, думным дворянам, стольникам, дьякам и ближним людям, «чтоб везде было все его государево», т. к. они с промыслов государевых податей не платят и посадских людей в их промыслах затеснили; пусть государь велит торговым и промышленным людям быть в тягле, чтобы никто «в избыли» не был. По докладу комиссии кн. Одоевского с товарищами, челобитье было удовлетворено государевым указом и боярским приговором 13 ноября 1648 г. Месяц спустя рассматривалась и была удовлетворена другая челобитная от земских старост и посадских людей разных городов (следовательно, без участия столичного купечества), которая предусматривала некоторые частные случаи торговли с уклонением от несения посадского тягла; многие крестьяне имели

лавки и промыслы в городах, живя сами в деревнях, иногда даже далеко от посадов,— они должны были свои заведения в посадах продать тяглым людям. Таким образом, торговля (по крайней мере, в городах) делалась монополией посадских людей.

Но очень скоро посадские люди снова раскололись. 4 января 1649 г. в Приказ Сыскных Дел подали челобитную гости и гостиная сотня, прося возвратить тех «прибавочных людей», которые были даны им в 1643 и 1647 гг. из лучших людей московских черных сотен и слобод и из городов, а затем в 1648 г. «в самое смутное время» были возвращены обратно; «мы, холопы твои, тебе государю бити челом против их челобитья в то смутное время за боязнью не смели», пишут челобитчики, и указывают также новый источник для пополнения своего состава — отписанные у патриарха, монастырей и сильных людей слободы, где есть много «полных», «прожиточных» людей, которые «прибыль многую сбирать умеют». В тот же самый день и о том же подала челобитную суконная сотня, приложив роспись тех людей, которых желала получить. А 14 января поступает уже жалоба московских черных сотен и слобод на предыдущих челобитчиков: в отписанных на государя в Москве патриарших и монастырских слободах и среди бывших боярских закладчиков лучшие люди записываются в гости и в гостиную и суконную сотни, а им остаются «самые последние мелкие люди». 15 февраля подают новое челобитье гости и гостиная сотня, жалуясь на тор-

говых людей суконной сотни, т. к. те написали в представленную ими роспись тех самых людей, которых требовали и челобитчики. Как были распределены новоотписные государевы люди между претендентами на них, неизвестно. Но эта борьба различных слоев торгово-промышленного класса между собой за тяглецов—крайне характерна. Она еще раз красноречиво показывает, как глубоко принцип тягла проникал социальный строй Московской Руси, и как этот принцип, задерживая экономический рост торгово-промышленного класса, дробил и его социальную силу, создавая множество мелких тяглых миров, борющихся между собой за... тяглецов, за людей, рассматриваемых прежде всего с фискальной точки зрения. Логическим исходом было прикрепление посадских людей к посадам, без права перехода, что и было сделано Уложением.

Дворянство поддержало посадских людей в требовании отписать на государя частно-владельческие слободы и вообще всех закладчиков. Зато посадские поддержали служилых людей в другом,—в крайне важном и направленном против сильного противника требовании о конфискации монастырских вотчин *). Челобитчики просили отобрать у духо-

*) Приговор по этой челобитной помечен 9 ноября (Акты Археогр. Экспедиции, т. IV, № 33). Возможно, что сама челобитная подана одновременно с той, где служилые и посадские люди вместе били челом об уничтожении закладничества, — 30 октября (Акты Археогр. Экспедиции, т. IV, № 32/I).

венства (начиная с патриарха) все те вотчины, которые были даны после 1580 г., когда состоялось знаменитое постановление: в монастыри вотчинных земель не давать, — и раздать по разбору служилым людям, беспоместным и пустопоместным и малопоместным дворянам и детям боярским. Правда, эт ходатайство не было удовлетворено — при богомольном царе Алексее и его друге, будущем «владительном» патриархе Никоне, невозможно было так круто отнимать материальную базу у духовенства; еще в течение долгого времени — более, чем столетие—правительство не решалось тронуть монастырское землевладение. Дворянству в 1649 г. удалось все же добиться одного—запрещения впредь патриарху, митрополитам, архиепископам, епископам и монастырям покупать у кого бы то ни было вотчины, принимать их в заклад, а также в качестве вклада для поминанья, «по душе». Соответствующая статья Уложения гласит, что она издана царем по совещанию с высшим духовенством, думными людьми, а также стольниками, стряпчими, дворянами московскими и с городовыми дворянами и детьми боярскими. Вообще, высшее духовенство и монастыри были той стороной, против которой был направлен реформаторский пыл тех, кто, в значительной степени, диктовал Уложение: недаром патриарх Никон называл его «проклятой книгой».

В частности, тринадцатая глава Уложения говорит об особом Монастырском приказе, учрежденном

по челобитью служилых и посадских людей специально для того, чтобы в нем давать суд на духовенство и на все те многочисленные категории людей, которые жили под его покровительством, начиная с патриарших приказных и детей боярских и кончая монастырскими служками и крестьянами (раньше суд давался в дворцовом ведомстве, в приказе Большого Дворца). В составе Монастырского приказа не было постоянных членов от духовенства—между тем, Монастырскому приказу были подчинены духовные лица, по каноническим основаниям признававшие себя подсудными только церковным властям, поэтому против него среди духовенства было постоянное неудовольствие. Никон составил особое опровержение («Возражение и разорение») узаконений Уложения о Монастырском приказе. Духовенство скоро получило реванш: церковный собор 1666—1667 гг. установил противоположный принцип — Монастырскому, а также прочим государственным приказам, равно воеводам, было запрещено производить суд над духовенством; и царь Алексей, в свое время утвердивший «боязни ради и междоусобия» Уложение, утвердил отменявшие его в этой части постановления собора 1666—7 гг.

Если Монастырский приказ был создан для того, чтобы легче найти суд и управу на духовенство, то и для исков на приказную бюрократию—дьяков и подьячих—нужен был особый приказ. 13 ноября 1648 г. били челом государю дворяне и дети бояр-

ские разных городов: дьяки и подьячие сумели добиться такого порядка, что каждый из них судится в том приказе, в котором сидит, и справедливого суда добиться на них невозможно (вспомним, что от погрома 48 г. пострадали дьячие дворы, а также мелкие приказные дельцы—подьячие), и по этому ходатайству дела были переданы в Челобитный приказ *), нечто вроде позднейшей Канцелярии по принятию прошений на высочайшее имя.

Но самым главным и очень острым вопросом момента был вопрос о закрепощении крестьян. Масса средних и мелких помещиков и вотчинников вырвала у правительства исполнение своих давних домогательств: было постановлено со 2 января 1649 г. беглых крестьян и бобылей отдавать без срочных лет **).

3.

«Уложение» и его влияние на дальнейшее развитие социального строя.

История Уложения 1649 г. до сих пор еще не написана; предстоит заполнить еще много пробелов. Но одно уже является совершенно ясным: новый кодекс вышел вовсе не из простого стремления к упорядочению и систематизации существующего законодательства, а из стремления определенных со-

*) Акты Московского Государства, т. II, № 371.

**) Это правило было зафиксировано и развито в XI главе Уложения – «Суд о крестьянах».

циальных групп использовать удобный момент для достижения своих давно поставленных целей. Нужно правильно понимать отношение нового и старого в Уложении: новое появилось не потому, что в порядке систематического пересмотра старого обнаружились дефекты и пробелы, а потому что его требовали челобитья разных чинов Московского государства; напротив, старое пересматривалось потому, что нужно было согласовать его с новым. Вместе с тем, форма кодификации для проведения новых законов была для правительства наиболее приличным выходом из положения, наиболее приемлемой формой уступок служилым и посадским людям. Вот почему Уложение запрещает подавать царю челобитные в церкви во время службы, требует, чтобы на государеве дворе ни от кого никакого бесчинства и брани не было,—все это навеяно свежими впечатлениями июньского мятежа и стремится предупредить подобные сцены. Но центр тяжести Уложения, его социальный смысл и значение не в этих статьях, а в тех, которые составлены по челобитьям населения и в развитие их.

Если мы так посмотрим на Уложение, станет совершенно понятным то, что так удивляло всех историков и, особенно, историков-юристов—скорость составления этого кодекса. Но с точки зрения чисто кодификационной, Уложение является крайне несовершенной работой: в отношении государственного права мы найдем тут только несущественные ме-

лочи, но нет ни слова о существе и объеме царской власти, об устройстве и функциях боярской думы, приказов и т. д.; в области гражданского права тут говорится очень много о вотчинах и поместьях, но очень мало—по вопросам обязательственного, семейного и наследственного права. Само изложение—казуистическое, носящее все признаки своего происхождения из приговоров по частным случ ям, как они записывались в «указных книгах» отдельных приказов, откуда они и перешли в Уложение. С делом спешили, потому что всю зиму 1648—1649 г. г. опасались новых беспорядков. Скорость работ по составлению Уложения свидетельствует не об искусстве комиссии кн. Одоевского и высокой технике законодательства московского государства вообще, а о настойчивости съехавшихся выборных людей и, в значительной мере, о напряжении правительственного испуга в тот момент.

Каковы же были главные результаты этого крайне важного в истории России момента?

Первое, самое главное следствие—окончательное закрепощение крестьян. Конечно, оно началось давно, и Уложение сделало только последний шаг. Но значение этого шага для социальной структуры Московской Руси было огромно. То, что раньше проводилось частями и в отдельных случаях, теперь было возведено в прочную систему. Уложение, предписывая не брать «владения» (т. е. денег с фактического владельца беглого крестьянина в вознагра-

ждение настоящего хозяина) за прошлые годы, говорит даже, что раньше государевой «заповеди» не было, чтобы никто не принимал за себя крестьян, а были «указаны урочные годы». Это указание, в строгом смысле, неверно, т. к. и раньше (помимо указа 1607 г., который не пережил издавшего его царя Василия Шуйского) бывали случаи пени на тех, кто принимал беглых, и в судах бывали иски о «владении»; но теперь это было упорядочено. Беглых крестьян велено было отдавать с детьми и внучатами и со всем имуществом, с хлебом на корню и молоченным, а также с вознаграждением законного владельца за каждый год (с момента издания Уложения) незаконного владения крестьянином по 10 рублей «за государевы подати и за помещиковы доходы». Землевладелец имел права чисто-имущественного характера на личность крестьянина: если кто-нибудь покупал вотчину с крестьянами (имена которых писались в купчей), а потом, по писцовым книгам, эти крестьяне оказывались принадлежащими третьему лицу, то покупщик имел право получить с продавца, вместо этих крестьян, других таких же крестьян со всем имуществом и с хлебом; точно также, если сын боярский убивал чужого крестьянина, то у него предписывалось взять из его поместья «лучшего» крестьянина с женою и детьми и отдать тому помещику, которому принадлежал убитый. Перед лицом государства личность крестьянина обычно заслонялась его владельцем: «за крестьян

своих ищут и отвечают они же дворяне и дети боярские во всяких делах, кроме татьбы и разбою, и поличного и смертных убийств», говорит Уложение, узаконяя широко распространенную практику. Там, где права владельцев так или иначе ограничиваются, это делается исключительно по соображениям казенного интереса—с ними конкурируют только права государства. Запрещено переводить крестьян из своих поместных в свои же вотчинные земли, чтобы тем «не пустошити» государственной земли. О правах крестьянина Уложение молчит.

Конечно, Уложение не могло искоренить старинного бытового явления—крестьянских побегов; но оно их затруднило и обострило проявления этого своеобразного общественного протеста. Кроме казенных сыщиков, крупные душевладельцы организовали свою собственную агентуру по поимке крестьян, сети которой раскидывались чуть ли не по всей тогдашней Руси *). Не прекращалось и сманивание и укрывательство беглых—в 1661 г. было назначено наказание кнутом приказчикам имений за прием беглых; если же это делали сами землевладельцы, то, сверх возвращения беглых на своих подводах, они должны были еще отдать потерпевшим за каждого принятого беглого своего крестьянина с семьей

*) Одну грамоту, свидетельствующую о существовании подобной агентуры, приводит Ю. В. Готье—см. его «Замосковный край в XVII в.», стр. 275—278.

и имуществом. По указу 1664 г. число таких «надаточных» крестьян за каждого принятого беглого было увеличено до четырех!—Самая напряженность репрессии показывает ее бессилие уничтожить то явление, с которым она боролась; но она обостряла социальные конфликты и вражду угнетаемых к угнетателям.

Закрепостив себе крестьян вечно и потомственно, дворянство тем самым сделало огромный шаг к своей внутренней консолидации. Верхи служилого класса, конечно, могли принимать и укрывать у себя беглых — но это уже было невозможно в прежних размерах, ибо исчезли и торгово-промышленные их слободы; могущество их стало меньше и они ближе спустились к рядовому дворянству. Далее, в 1648—1649 г.г. впервые в истории земских соборов среди выборных от служилых людей оказался и представитель иноземцев—Иван Петров сын Маиров, который, как он впоследствии заявил в своей челобитной о прибавке поместного и денежного жалованья по этому случаю, был у государева дела на соборе «и за свою братью иноземцев государю о всяких нуждах бил челом с своею братьею с выборными людьми вместе». Так общий интерес сплотил в тот момент весь служилый класс вотчинников и помещиков, независимо от национальных и религиозных различий.

С другой стороны, низы служилого класса — стрельцы, казаки и проч.—не имевшие крестьян,

стали все заметнее отмежевываться от служилых людей «по отечеству», чтобы впоследствии, в 18 веке, под именем «старых служб служилых людей», слиться с крестьянами. Правда, этот процесс был очень медленным; до конца 17 века часть казаков, а также рейтар и драгун, которые вербовались отчасти и из детей боярских, владела еще поместьями с 2—3 крестьянами или бобылями,—но все бблышая часть их, за недостаточностью государева жалованья, должна была добывать пропитание личным трудом: земледелием, торговлей, ремеслами. — По мере упрочения прав помещиков на поместья, упрочивалась экономическая база их социального могущества; и в этом отношении Уложение сделало кое-что (напр., разрешение мены поместий не только на поместья, но и на вотчины).

Но почему же, в таком случае, дворянство не приобрело после Уложения и соответственно политического значения? Земский Собор 1648—1649 г.г. был, как указывалось выше, исключительно полным по своему составу; и он сыграл исключительно важную (сравнительно с другими соборами) роль: в скромной форме челобитий выборные люди часто прямо диктовали свою волю правительству. Поэтому и отношение к нему населения было особенное. Историки давно уже отметили, что у служилых и посадских людей сложился взгляд на участие в земских соборах не как на драгоценное

право, а как на обременительную повинность—избиратели не являлись и воеводы иногда по собственному выбору назначали депутата. Но на выборах 1648 г. мы видим другие картинки: в Новгороде среди посадских происходит ожесточенная борьба между нарочитыми и молодчими людьми, которая кончилась компромиссом—так что от Новгорода поехало два (вместо полагавшегося одного) депутата, по одному от каждой группы; в Ельце дети боярские и поместные казаки подали жалобу на своего воеводу, который самовольно избрал двух детей боярских, своих шпионов и доносчиков («ушников»); курские дети боярские дали своему представителю наказ, и по окончании работ собора возвращавшийся домой депутат попросил охранной грамоты, т. к. в соборном Уложении не все пожелания земских людей удовлетворены—ему дали грамоту, которая должна была оградить его от избирателей, которые «шумят, что он на Москве разных их прихотей в Уложение не исполнил». Но после 1648—1649 г.г. было еще всего два земских собора, вызванных серьезными внешними осложнениями—вопросом о Малороссии, в 1651 и 1653 г.г.; и они больше в прежнем составе не созывались. В истории земских соборов—в общем, бледной и тусклой—собор 1648—49 г.г. неожиданно выделяется ярким пятном; но, как будто вспыхнув последним пламенем—в тот самый момент, когда в Лондоне рубили голову королю, осмелившемуся итти против парламента, а в Париже фронда

против Мазарини покрыла город сетью баррикад—древнерусский парламент быстро затем угас.

Уже давно было указано, что деятельность выборных должна была не нравиться боярам, окольничим, ближним и приказным людям и едва ли не всего более—духовным властям *), и что пассивный прежде советник теперь становился неудобным для приказно-бюрократических кругов и потому был очень скоро устранен **). Все это совершенно верно—но оставляет без объяснения другой, и самый основной, вопрос: почему же приказно-бюрократические круги, только что потерпевшие поражение от выборных, оказались, тем не менее, настолько сильнее последних, что очень скоро сумели совершенно устранить их? Ссылка на то, что высшие чины и духовные власти, как постоянные советники государя, были ближе к царю и имели много средств под руками выставить соборы, как учреждение не нужное—не решает дела: ибо в 48 году близость к царю не спасла жизни Чистому, Леонтьеву и Траханиотову и не помогла боярам и духовным властям отстоять свои слободы. Почему то самое дворянство, которое руководило собором 1648—49 г., не ухватилось за это орудие политического влияния, почему оно не требовало, даже не просило о созыве соборов, когда их перестали созывать, предоставив

*) Сергеевич.
**) Платонов.

сделать это выборным торгово-промышленного класса гор. Москвы, которые в 1662 г., будучи спрошены о причинах хлебной дороговизны и мерах борьбы с ней, деликатно указали, что они не берутся решать, т. к. это—дело всего государства и всех городов и всяких чинов людей, и следовало бы созвать выборных от них.

То самое закрепощение крестьян, которое дало прочную базу для экономического благосостояния дворянства, отняло у него и желание и возможность добиваться формального ограничения царской власти. Это кажется с первого взгляда парадоксом, но объясняется тем основным фактом, что крестьяне никогда не мирились спокойно со своим подневольным состоянием, и удержать их в нем было не так просто. Идею, что помещики и вотчинники для крестьян вовсе не «вековечные владельцы», что настоящим их владельцем является сам царь—высказывал еще в начале 18 в. Посошков; мысль эта имела в московском государстве официальное признание. Котошихин (который в этом отношении крайне интересен, как единственный известный нам юрист-догматик московского государственного права, питомец московской бюрократии, прошедший приказную школу) дает своеобразную конструкцию отношений между помещиком или вотчинником и его крестьянами: он ведает и судит своих крестьян во всех делах, кроме уголовных, и должен оберегать их от всяких обид от сторонних людей; он собирает с них

через старосту или приказчиков царские подати и отдает их в царскую казну, а также накладывает на них подати в свою пользу, размеры которых определяет сам, по собственному усмотрению, с одним условием—«чтоб тем мужиков своих из поместий и вотчин не разогнать и в нищие не привесть»; если же он начнет брать с крестьян чрезмерные поборы и станет обогащаться ценою их разорения, и в этом на него будет челобитие, потвержденное сторонними людьми,—тогда у такого владельца поместья и жалованные вотчины возьмут назад на государя, «а что он с кого имал каких поборов через силу и грабежом, и то на нем велят взять и отдать тем крестьянам»; даже в купленной вотчине, если владелец разорял крестьян, они у него отбирались без вознаграждения и передавались его родственникам, «добрым людям, а не таким разорителям».—Едва ли эта догма имела значительное применение на практике; но если ее исповедывали приказные, то тем более крепко держались за нее сами крестьяне. Толки о крестьянском «выходе», который будет дарован царем, никогда не прекращались; и мысль о царе, бесконечно далеком, но добром и настолько могущественном, чтобы в любой момент выгнать их помещика и вернуть им все, что взято у них этим разорителем,—играла огромную роль в их политическом мировоззрении. И это знали и чувствовали все; сознание того, что царская власть держит в своих руках его судьбу, что достаточно одного цар-

ского слова, чтобы началась резня господ, связывало дворянство, отнимало силу у его политических претензий. Самодержавная царская власть нужна, чтобы удерживать крестьян в крепостном состоянии—эта мысль глубоко и надолго вошла в сознание дворянства. Усевшись на спине мужика, помещик стал холопом государя. А именем царя стала править та же бюрократия, быстро оправившаяся после поражения 1648 года.

Вот почему так быстро кончилась политическая весна московского дворянства, существенным плодом которой явилось Уложение 1648—1649 г.г. Бюрократия ответила на него прекращением созыва земских соборов, а крестьянство—разиновщиной *).

---

*) В некоторой связи с волнениями 1648 года стоят беспорядки в Пскове и Новгороде в 1650 г.—поскольку слухи о московской смуте должны были вызвать соответствующую волну подражания и таким образом подготовить для них почву. Но тут были также свои особые причины (продажа и вывоз хлеба за границу шведам), и в этих беспорядках обнаружились некоторые своеобразные местные черты, характерные для этого уголка Московской Руси.—В общем же, псковские и новгородские события 1650 года не имели крупного общегосударственного значения; и потому останавливаться на них в настоящем кратком очерке, где даются лишь общие линии развития народных движений в России XVII века—значило бы нарушить перспективу.

Разиновщина.

Шестидесятые годы на Москве и на Дону.

I.

В царствование Алексея Михайловича определился исход того «старого славянского спора», который к моменту появления на московском престоле династии Романовых, казалось, был на волосок от решения его в пользу Польши. Малая Русь, войдя с 1653 г. в состав Московского Государства, дала ему значительный перевес в силах и как бы предуказала судьбу Речи Посполитой. Но эта победа не даром обошлась России: потребовав длительной внешней войны, она вызвала сильнейшие внутренние потрясения.

Не особенно охотно знаменитый запорожский «батько» Богдан Хмельницкий обращался за помощью против ляхов к самодержавной и бюрократической Москве. И Москва, с своей стороны, только после долгих колебаний решилась протянуть руку этому бунтовщику против законного короля. Запорожские казаки со Смутного времени были заведомыми «ворами» в глазах московского правительства, хорошо еще помнившего Заруцкого и черкас Лисовского и

Сапеги. Вступая с ними в сношения, московские легитимисты, — которые только что изгнали английских купцов под тем предлогом, что англичане государя своего, Карлуса короля, убили до смерти,— сочли нужным реабилитировать себя в собственных глазах ссылкой на то, что польский король на короновании присягал, между прочим, остерегать и защищать веру христианскую и не притеснять никого за веру, причем нарушение присяги освобождало подданных от обязанности повиновения. Король этой присяги не сдержал, и потому его подданные ныне стали «вольные люди»: «И потому по всему приговорили гетмана Богдана Хмельницкого и все Войско Запорожское, с городами и с землями принять»— так записано постановление земского собора 1 октября 1653 года.

Присоединение Малороссии повлияло на внутренние отношения Московского государства двумя путями: во-первых, прямо—примером своего собственного социального строя, который многим мог показаться завидным; во-вторых, косвенно — вызвав долголетние войны и огромное напряжение военного и, особенно, финансового аппарата страны.

Первое влияние было сравнительно незначительным и ограничивалось, повидимому, сопредельными с Малороссией областями. Но его не надо игнорировать — особенно, если принять во внимание интенсивную малороссийскую колонизацию южной окраины Московского государства: вновь возникающие на гра-

нице поля города были наполнены черкасами, сохранявшими часто связи с местами своего выхода. И мы имеем свидетельства этого прямого влияния. Еще в 1648 г. в Карпове (ныне слобода Пушкарская, близь Белгорода, Курской губ.) в связи с московским мятежом происходили волнения, и всем городом была подана какая-то челобитная на И. Хлыновского, занимавшего, вероятно, какой-то административный пост; во главе движения стал сын боярский Андрей Покушелов, который уличал стрелецкого голову в том, что он получил назначенье за взятку в 15 рублей, данную человеку Б. И. Морозова, Мосейку Рылееву, и заявлял во всеуслышание, что если бы он был с товарищами на Москве в то время, «как учинилось смятение», то они бы «весь боярский корень повывели». У него нашлись оппоненты, и произошел любопытный диалог: ему возразили, что нельзя обойтись без «великих людей»— «которое окрестное государство без великих людей может стоять»? Покушелов сейчас ответил примером: «на Дону и без бояр живут; а в Литве черкасы панов больших побили и повывели ж» *). Действительно, в Малороссии на не-

*) Дело Покушелова было возбуждено только через два года по доносу Хлыновского и кончилось тем, что их обоих били кнутом; но Покушелов и позднее служил и исполнял ответственные поручения. «Акты Москов. Государства», т. II, № 444 (см. там же, № 584). — Дело это, насколько мне известно, не было еще отмечено в литературе.

которое время старый шляхетский режим был «скасован казацкой саблей»; крепостное право исчезло вместе со шляхетством (за немногими исключениями, преимущественно в Северщине), и крестьяне посполитые сделались собственниками своих участков. Легко понять, какое впечатление производило зрелище этих порядков на русское пограничное с Малороссией население. Свидетельством о тяге последнего к Малороссии и малороссийским порядкам является одна характерная грамота 1658 г. в Смоленск, предписывавшая воеводе объявить под угрозой смертной казни, чтобы смоленские и уездные всякие люди на головах у себя хохлов не делали и к черкасам не отходили *). Черкасы и вообще жители южных

Отмечу еще, что имя Андрея Покушелова упоминается в «Донских Делах» — весной 1646 г., когда правительство набирало вольных охочих людей для отправки на Дон, на помощь казакам, в Воронеж явился отряд в 1000 чел., атаманом которого был белогородец Андрюшка Покушелов, отличавшийся тем, что третировал воеводу и подьячих и принимал в свой отряд беглых боярских холопов. Летом 1647 г. он уже приехал в Москву атаманом в казачьей станице и был отпущен обратно на Дон. Позднее его имя в «Донских Делах» не попадается. «Д. Д.» т. II стр. 818, 819, 841, 844, 859, 886—890; т. III, стр. 407 – 414, 425—430. Весьма соблазнительно предположить, что этот же самый Покушелов служил в Карпове и был там заводчиком смуты 1648 г.—по крайней мере, тогда вполне понятна его ссылка на то, что «на Дону и без бояр живут».

*) «Чтения в Об-ве Истории и Древностей», 1898, кн. 3, отдел «Смесь».

городов причинили много хлопот правительству во время разиновщины.

Но важнее было то, что страна оказалась втянутой в войну, которая тянулась с перерывами 13 лет; десятки тысяч людей на это время были оторваны от производительного труда. Еще больше жертв, чем непосредственные военные действия, унесли эпидемии: летом 1654 г. Москва буквально вымирала от моровой язвы — торговые ряды были все заперты, в многолюдных боярских дворах оставалось в живых по нескольку человек. Та же картина была в других городах: в Калуге посадских людей умерло 1836, осталось 777; в Туле умерло 1808, осталось 760 муж. пола; в Переяславле-Рязанском умерло 2583, осталось 434, и т. д. *). Смерть стольких тяглецов соответственным образом увеличивала налоговое бремя уцелевших, которые должны были содержать армию, сражавшуюся в Белоруссии и Малороссии. Скоро налоговой пресс перестал оказывать свое действие; тогда правительство прибегло к смелой и очень интересной с чисто-финансовой точки зрения кредитной

*) Соловьев, «История России с древнейших времен», кн. II (3-е изд. «Обществ. Пользы») стр. 1670—1671. Эти сведения интересны и тем, что дают нам понятие о величине городов, а также боярских дворов в то время: Тверь, напр., оказывается населенной немногим более московского боярского двора князя Черкасского. Этот факт надо учитывать при сравнительной оценке социальной силы боярства и посадского населения.

операции: выпуску знаменитых медных денег, которые должны были ходить по одной цене с серебряными. Мера эта первоначально имела успех; но скоро появилось множество «воровских» денег, результатом чего было быстрое их обесценение и дороговизна всех товаров; от этого страдали все потребители, снабжение которых приняло характер нездоровой спекуляции. В частности, падение ценности денег больно ударило мелких служилых людей (стрельцов, драгун, солдат), которые получали жалованье медными деньгами. Скоро обнаружилось, кто наживался на этом: денежные мастера, служившие на Денежном дворе, раньше жили скромно, теперь понастроили себе каменные дворы, понаделали своим женам платья «с боярского обычая», покупали серебряную посуду, не жалея денег. Пострадали, однако, наиболее мелкие из воров — люди побогаче откупались, давая взятки царскому тестю И. Д. Милославскому и думному дворянину Матюшкину (свояку покойного царя Михаила), заведывавшим важнейшим финансовым приказом — Большой Казны, которому был подведомствен Денежный двор. Но дело приняло слишком крупные размеры: оно дошло до царя, и поведение его родственников вполне выяснилось по допросам дьяков и подьячих приказа Большой Казны, которых пытали. Дьякам, подьячим и служащим Денежного двора отсекали руки и ноги и отсылали их в дальние города. Но главные виновники отделались легче: Матюшкин был уволен, а на

тестя царь «был долгое время гневен»—и только. Царский гнев был не очень страшен Милославскому; страшнее для него был гнев народный, который прорвался в знаменитом «гиле» в июле 1662 г.

Ночью, во многих местах на воротах и стенах оказались прибитыми «воровские листы», содержание которых Котошихин передает так: те бояре (Милославский и еще какие-то трое) сносятся с польским королем, хотя Московское государство погубить и отдать его польскому королю *). На утро эти прокламации стали читаться на Лобном месте, у рядов, вслух всем людям; собравшаяся толпа решила итти к царю просить его выдать им тех бояр. Царь в это время был в селе Коломенском, в 7 верстах от города, в церкви у обедни, празднуя день рождения дочери. Увидев толпу людей, направлявшуюся к церкви без оружия, но с криком и шумом, он велел тем боярам, выдачи которых требовали, спрятаться в покоях царицы и царевен, а сам стал дослушивать обедню. Затем начались переговоры с толпой: на требование выдать изменников, царь стал уговаривать мятежников возвратиться домой, а он, как отслушает обедню, отправится в Москву и о том

*) На допросе один свидетель, читавший прокламацию, так передал ее содержание: «а написано в том письме—изменник Илья Данилович Милославский, да окольничий Федор Михайлович Ртищев, да Иван Михайлович Милославский, да гость Василий Шорин». Зерцалов «О москов. мятежах», стр. 303 (в «Чтениях» 1890 г. кн. 3).

деле учинит сыск и указ. Но, повидимому, воспоминания 1648 г. были очень свежи — и люди, говорившие с царем, словами и даже жестами выразили свое недоверие к его искренности—держали его за платье, за пуговицы: «чему де верить?» Тогда царь побожился перед ними и один из депутатов с царем «бил по рукам»; толпа, как будто, успокоилась и пошла к Москве.

А на Москве в это время толпа громила двор финансового воротилы того времени, гостя Василия Шорина, собиравшего со всего государства пятую деньгу (поимущественный налог); при этом был захвачен 15-летний сын Шорина, которого научили говорить, что его отец накануне бежал в Польшу с «боярскими письмами». Снова пятитысячная толпа отправилась к царю с молодым Шориным. Тогда правительство (бояре) поспешно приняло меры: все ворота были заперты, никого не пускали ни в город, ни из города, а к царю были посланы в полном вооружении все приказы стрельцов и «надворный полк» солдат, всего около трех тысяч человек.

Толпа явилась в с. Коломенское в тот момент, когда царь уже садился на лошадь, собираясь ехать в Москву. К нему вытолкнули несчастного Шоринова сына, который стал говорить то, что требовалось—что его отец побежал в Польшу с боярскими листами. Опираясь на это заявление, толпа опять стала требовать выдачи бояр—а когда царь начал отговариваться, ему заявили с угрозой, что если он

не выдаст бояр, они добудут их сами. В этот момент царь был уже осведомлен, что стрельцы пришли в село,—и он закричал приближенным, чтобы они рубили и ловили мятежников. Безоружная толпа разбежалась; но зарублено и схвачено было до семи тысяч человек и в тот же день было повешено свыше ста; других, ночью, связанными сажали на большие суда и вывозили на Москву-реку и там топили. Множество людей, которые пришли просто посмотреть, что будет, погибло или же было сослано в дальние города: Казань, Астрахань, Терек, Сибирь. После этого, увидев, что от медных денег произошло «воровство великое и много кровопролития», царь велел сдавать медные деньги в казну по цене 2 серебряные деньги (1 копейка) за 1 рубль медных.

Так описал «гиль» в с. Коломенском 1662 г. Котошихин. Он же определил и социальный состав участников мятежа: были в том смятении люди торговые и их дети, и рейтары, и хлебники, и мясники, и пирожники, и деревенские, и гулящие и боярские люди. Эти слова подтверждаются материалами следствия о бунте *).

Среди казненных и сосланных гилевщиков мы видим почти поровну, с одной стороны, тяглецов московских черных сотен и слобод, и с другой стороны—солдат, рейтар и стрельцов. Выше уже отме-

*) Изданы Зерцаловым в «Чтениях Об-ва Ист. и Древн.», 1890, кн. 3.

чалась бытовая близость между двумя этими категориями населения; солдатский полк Агея Шепелева в момент мятежа оказался расквартированным в 10 различных московских слободах, и многие из них пошли с толпой в с. Коломенское, причем оказались скомпрометированы даже некоторые офицеры (между прочим, капитан князь Данила Крапоткин, которого били кнутом и сослали в Астрахань). Воровское письмо на Лубянке читал всем вслух и в нескольких местах стрелец Кузьма Нагаев. Сообщение Котошихина, что толпа в с. Коломенском была безоружна, нуждается в ограничении: у многих были палки, которыми они размахивали, а также сомнительно, чтобы рейтары и солдаты были все безоружны; по крайней мере, одного из них, подпрапорщика Ломовцева, обвинили в том, что он «чеканом от себя отмахивался».

Прокламации на стенах, присутствие таких энергичных агитаторов, как Кузьма Нагаев, поход многотысячной толпы за семь верст от города—все это указывает на некоторую организованность движения, на то, что кто-то его заранее обдумывал. И поэтому, мотивировка движения и требования, предъявленные царю, представляют большой интерес: по ним мы можем судить о степени политического развития тех социальных слоев, которые участвовали в движении.

Оно направлено, прежде всего, против определенных и немногих лиц, а не учреждений; в этом отношении оно отстает по своему размаху от волнений 48 года, когда молва шла о побитии вообще «бояр

и сильных людей». И очень характерно обвинение в измене, в ссылке с польским королем,—и впоследствии, восставая против социального угнетения, народные низы прикрывали и для других, и для самих себя свою классовую ненависть к привилегированным верхам вуалем патриотизма, так что борьба против определенного социального строя облекалась в форму требований расправы над «изменниками». Формула «изменник» становилась крайне растяжимой. Другая характерная черта—монархизм, соединяющийся с отсутствием, в сущности, настоящего уважения к личности монарха. Политическое миросозерцание московской черни не доходило до мысли требовать формальных ограничений царской власти; с другой стороны, преклоняясь перед нею в теории и на практике ежедневно, чернь не считала царя ни особенно умным, ни даже просто честным человеком: в июле 1662 г. на обещанье царя Алексея учинить розыск толпа ответила выражением явного недоверия: «чему верить»?

Мятеж 1662 г. интересен, наконец, и тем, что показывает, что революционное движение социальных низов в Москве, без энергичной поддержки извне было совершенно безнадежно. Ни крестьянство, ни посадские люди не были способны создать движение с ясной политической и социально-экономической программой и руководить им. В 1648 году такой группой, сравнительно сплоченной, ясно сознававшей свои ближайшие интересы, определявшиеся всем пред-

шествующим социальным развитием страны, и умевшей добиваться их осуществления—было дворянство, которое и пожало плоды победы московской черни в смутные дни 1—5 июня. Но, добившись своего, дворянство стало — уже навсегда — классом консервативным.

Такой внешней силой оставалось вольное казачество, жившее за пределами собственно Руси, на которое не простиралась власть московских приказов и воевод. Центром его стал Дон; здесь образовалась автономная республика, со своим своеобразным складом социальных отношений. Мы уже видели, что на Руси знали, что «на Дону и без бояр живут» сюда бегали боярские холопы и крестьяне, зная, что «с Дону выдачи не бывает»; отсюда, наконец, был дан толчок тому движению, которое чуть было не опрокинуло неладно скроенный, но крепко сшитый сословно-крепостнический строй Московского царства. С Дона вышел Стенька Разин, именем которого было названо самое крупное, самое страшное народное движение 17 века.

Царствование Михаила Федоровича было золотым веком в истории донского казачества. Из совокупности несвязанных между собой единой организацией вольных станиц оно превратилось после Смуты в единое «Войско», которое даже в офици-

альных московских документах называлось (правда, короткое время) «великим Донским Войском». Правительство первого Романова чувствовало себя обязанным донским казакам; поэтому прекратились все прежние гонения на них, и ежегодно — чего при прежних государях не бывало — присылалось царское жалованье деньгами, хлебными запасами, сукном, порохом, свинцом и т. д. Все это привозилось обыкновенно весной по Дону из Воронежа и делилось в казачьей столице, Черкасском городке, в кругу, где собиралось все войско, все те, которые в том году служили государю. Но не этим жалованьем жили, главным образом, казаки, а также не рыболовством, охотой и скотоводством, которые играли роль подсобных промыслов (земледелие было строго запрещено войском). Главным промыслом, прибыльным, хотя и опасным, были набеги на бусурман — азовцев, крымцев и турок. Первая половина 17 века была временем расцвета казачьих морских походов в Черное море: казачьи струги обходили берега Крыма, Анатолии, даже Румелии, собирая дань разной добычей и в особенности — «ясырем», пленными. Эти походы часто предпринимались в союзе с запорожцами, подданными польского короля, не взирая на «недружбу» последнего с московским государем и вопреки неоднократным требованиям московского Посольского приказа прекратить свои «промыслы» над татарами и турками, чтобы тем не ссорить царя с крымским ханом и

турским султаном. Казаки пренебрегали увещаниями и угрозами московской дипломатии, потому что у последней не было еще материальной возможности своими силами «держать реку Дон», а также и потому, что они столь же часто сменялись противоположными предписаниями — нападать на крымцев и всячески вредить хану, который, не довольствуясь регулярно получаемой от московского царя данью, поминками, отправлял огромные массы своих татар на Русь за другой данью—преимущественно, тем же ясырем.

Походная жизнь вырабатывала особый тип человека, совершенно не похожего на обычного московского подданного. Отношение донцов к москвичам видно из одной характерной отписки войска в Москву, 1646 года, где объясняется, почему им, казакам, не приходится пользоваться помощью посланного к ним на помощь с навербованными вольными людьми московского дворянина Ждана Кондырева: ходили мы, объясняют казаки, водяным путем на крымские села, причем для успеха набега нужна быстрота — «и мы, государь, бежим наспех от пристани до села день и ночь пешие»; а Кондыреву, продолжают они, «с нами быть невозможно, потому, государь, что он жил при твоей государской светлости, и человек он нежный» *).

*) «Донские Дела», т. II стр. 902; ср. там же, стр. 914.

Зенитом славы и могущества Донского Войска было то время, когда казаки владели Азовом в 1637 — 1642 гг. Сообщая царю о взятии ими Азова, они подчеркивали, что совершили этот подвиг без государева повеленья и помощи: одни взяли Азов. Посланные в Москву получили наказ: помощи ратными людьми отнюдь не просить — пусть только государь разрешит торговым людям польских и украинских городов ездить к ним на Дон со всякими товарами и хлебными запасами. К ним приезжали в Азов торговые люди из Кафы (Феодосии), Астрахани, с Терека, из Персии, с дорогими товарами, которые выменивались, главным образом, на ясырь. Ранней весной 1640 г. в Азов прибыло персидское посольство, в составе 40 человек, и привезло грамоту от шаха, где он хвалил казаков за то, что они без повеленья государя своего берут города его недруга, Турского царя, приглашал послать к нему своих донских казаков, и выражал готовность прислать на помощь ратных людей. Казакам, действительно, могло показаться, что в этот момент «все земли нашему казачьему житью завидовали» (1638 г.).

Но скоро казаки должны были переменить тон. Их было всего несколько тысяч человек (и половина из них—запорожцы), а приходилось оказывать сопротивление такому могущественному государю, как турецкий султан, имевший в своем распоряжении также силы своего вассала, крымского хана. Казаки скоро убедились, что им одним не отстоять

Азова, что они вообще — «не горододержцы»; и стали уже писать в Москву, что они взяли Азов государю в вотчину, и просили принять его от них. Выше уже отмечалось, что Москва совсем была не-расположена воевать с турками из-за Азова. Казаки были предоставлены самим себе. Летом 1641 г. они выдержали четырехмесячную осаду огромного войска, которое, по их сведениям, потеряло во время осады 70.000 человек — сам крымский хан был ранен и умер по дороге домой. Наконец, в 1642 г., когда, после совещаний с выборными людьми, московское правительство еще раз в категорической форме предписало покинуть Азов — иначе им перестанут присылать жалованье и запретят торговать с ними — казаки ушли, предварительно разорив город до основания *).

С этого момента участь Донского Войска, как самостоятельной политической единицы, была предрешена. Предоставленные собственным силам, казаки оставались страшны туркам и татарам своими набегами, но не могли бороться с ними за обладание устьем Дона. Москва была еще слишком далека, чтобы наложить свою руку на войсковые вольности; но руководители войска, старшины, прекрасно понимали, что без ее помощи они просуществовать не могут. Азовская героическая эпопея ясно показала

*) «Донские Дела», т. I стр. 707 — 709, 769, 781; т. II стр. 22, 286, 350 — 351.

это и определила собой всю последующую политику казацких старшин. Вместе с тем, она обнаружила еще одно очень слабое место Донского Войска: продовольственную зависимость его от Москвы. Не имея собственного земледелия, постоянно враждуя со своими соседями бусурманами, казаки получали хлеб от русских торговых людей, а также в виде царского жалованья. Неприсылка последнего, а особенно запрещение торговли — ставили казаков в безвыходное положение. В первую половину 17 века это было еще не так страшно — московская граница была довольно далеко, и на Дон могли приходить торговые люди — черкасы из Литвы, минуя московских воевод. Но после присоединения Малороссии и построения ряда городов далеко на юге в девственной степи — положение существенно изменилось. Угроза голода становилась сильнейшим оружием в руках московского правительства против донского казачества. Это обстоятельство надо очень учитывать при выяснении позиции Донского Войска в революционном движении против Москвы; и мы еще столкнемся с ним.

С Москвой отношения у Войска были довольно сложные. С одной стороны, царское жалованье было весьма существенным подспорьем для казаков, особенно низовых, живших по нижнему течению Дона, ибо верховые, в своем большинстве, обычно не участвовали в морских походах Войска, не участвовали и в дележе, «дуване», ни добычи, ни жало-

ванья. И на Москве ценили службу казаков, их партизанские набеги на татар и турок — а поэтому находили возможным смотреть сквозь пальцы на то, каким образом пополнялся их состав. Естественный прирост населения был слишком мал, чтобы пополнять убыль, которую несли казаки в своих походах — хотя на Дону многие жили с семьями, но далеко не все, и женщин было мало. Поэтому Войско пополнялось, главным образом, за счет притока новых людей: приходили на Дон казаковать из Руси, Литвы и иных земель; среди казаков было довольно много татар, были перебежчики из Азова — турки и греки. Но главный приток был из Руси; и очень важно определить его социальный состав.

Достойно замечания то обстоятельство, что количество казаков на Дону было во всю первую половину 17 века незначительным, колеблясь от 3—4 до 10 тысяч: эта цифра покажется еще более скромной, если вспомнить, какое множество людей именовалось донскими казаками в начале века, в Смутное время. Ясно, что очень многие из них после Смуты не вернулись на Дон; и приток новых членов в Войско был сравнительно невелик. Действительно, до самого конца царствования Михаила Федоровича не видно, чтобы движение из Руси на Дон принимало массовый характер: уходили одиночки, в значительной степени — преступники и авантюристы. Например, в 1637 году обнаружилось, что в казачьей станице, приехавшей в Москву, оказался некто Гу-

лидов, который три года тому назад сидел в Московской тюрьме за воровство. Мы имеем также случаи, когда сами преступники просят сослать их на Дон: в 1647 г. об этом бьет челом разбойник Аничка Юрьев, и его челобитье удовлетворено; в следующем году ссылается на Дон (вероятно, тоже по собственной просьбе) проворовавшийся подьячий. Но преобладающий контингент беглых составляли боярские холопы, которые могли достигать на Дону высокого положения—напр., в 1640 г. войсковым дьяком оказался бывший человек кн. Н. И. Одоевского; этот дьяк умел владеть не только пером, он отличился во многих боях и пользовался большим уважением и влиянием. Убегали к казакам пленные татары, которые были куплены у них же, на Дону. Правило, что служба на Дону (а также на Яике и на Тереке) освобождает от холопства—неоднократно подтверждалось правительством по делам таких беглецов, являвшихся в Москву уже в качестве казака в станице; оно признавалось даже после Разина. Таким образом, слова Котошихина, что «Доном от всех бед свобождаются», надо признать точным изложением догмы московского государственного права. Находились, однако, люди, которые убегали с Дона обратно. Так, в 1647 г. добровольно вернулся в Москву холоп кн. Щербатова (у которого оставались, к тому же, его жена и дети), бежавший год тому назад,—на допросе он показал, что ему с некоторыми спутниками пришлось участвовать в казачьем

морском походе, который произвел на них настолько сильное впечатление, что они решили вперед на море не ходить. С другой стороны, бывали случаи ухода на Дон людей свободных, которые привыкли к военной жизни и которых манила слава и добыча: так, в 1650 г. пристав Казанского Дворца, старый вояка, просил отпустить его к казакам. Бегали, наконец, стрельцы и казаки (городовые); но замечательно, что за всю первую половину 17 века нам неизвестен ни один случай побега крестьян *).

Положение резко меняется во вторую половину века, и именно с 60-х годов. Очевидно, двойная тяжесть государевых податей, растущих из-за войны и повинностей в пользу помещика, от которого уже нельзя было освободиться побегом к другому землевладельцу с тем, чтобы выжить за ним урочные годы,—была причиной того потока беглых, который хлынул на Дон в это время.

Бегство крестьян началось из государевых дворцовых сел в Шацком уезде, от которых сравнительно недалеко были расположены казачьи городки по реке Хопру и его притоку Вороне. В 1666 г. Тамбовский воевода получил предписание из Разрядного приказа послать туда переписать беглых; он, однако, попросил послать в те казачьи городки государев указ из Посольского приказа, потому что без этого

*) «Донские Дела», т. I, стр. 553—558, 599—600; т. II, стр. 40, 42, 63; т. III 384, 401, 465, 758—759, 882; т. IV, стр. 469.

казаки тех беглецов переписать не дадут. Соответствующая грамота была послана, с предписанием впредь беглых крестьян государевых дворцовых сел не принимать; но удалось ли дворцовому ведомству заполу ить обратно своих тяглецов и работников — неизвестно. Известно только, что ранней весной следующего 1667 года, из двух воровских казаков, которые, ограбив судно, зимовавшее между Царицыным и Астраханью, первые возвестили о том, «что будет воровское собранье казаком весною, на Волге воровать» — один был с Дона, а другой—Шацкого уезда беглый крестьянин *). В марте 1667 г. царицынский воевода доносил, что во многие донские городки пришли с Украины беглые боярские люди (т. е., холопы) и крестьяне, с женами и детьми, так что даже не стало хватать продовольствия и настал голод большой.

Донское казачество переживало в это время очень трудное материальное положение. Турки давно уже старались запереть устье Дона, чтобы не дать казакам выходить в море в их разбойничьи экспедиции. В 1660 г. они приняли в этом отношении меры в очень широком масштабе: в Азов приехал целый флот турецких каторг с 9000 войска и крымский хан с 40000 татар, а также было доставлено множество рабочих из венгров, валахов и молдаван. На одном

*) «Донские Дела» за 1666 г., № 1 (оно еще не напечатано) и «Акты Исторические», т. IV, № 202, II.

из протоков донской дельты они построили каменный «город» с четырьмя башнями, а несколько выше другого—две каменные башни, между которыми протянули через Дон цепи; в новом городе было оставлено 500, в башнях—по 300 янычар; гарнизон Азова был усилен до 5000 человек. Дело шло о том, чтобы «реку Дон закрепить» и не дать казакам выходить в море «за зипуном» казаки это прекрасно поняли и несколько раз ходили на эти «городки», но взять их не могли, несмотря на большие потери и на присылку из Москвы на помощь отряда ратных людей с воеводой И. Хитрово. С этих пор войсковые отписки царю постоянно сопровождаются вечным припевом: зипуну взять негде, так как морской ход отнят и сидят они взаперти. Правда, и теперь казакам иногда удавалось проскользнуть в море и пограбить крымские берега; но промысел их стал гораздо более трудным и менее обеспечивающим существование.

Выходом из затруднительного положения было бы взятие Азова. Казаки, особенно низовые, все время думали об этом; воспоминания о славных, хоть и страдных днях азовского сиденья 1637—1642 г.г. были еще свежи. Даже летом 1668 г. (когда Разин был уже в Персии, уведя с собой часть казаков) к царскому послу Евдокимову, прибывшему в Черкасский городок, тайно приходило человек 30 старых и нарочитых казаков во главе с войсковым атаманом, и они развивали ему план овладения Азовом, для чего просили помощи ратными людьми, снаряжением

и деньгами. Этих планов они не оставляли и позже: в 1673 г. атаман Фрол Минаев, будучи в Москве и присутствуя на смотре новых пушек, заговаривал в Посольском приказе о присылке войску таких пушек для действия против Азова.—Такова была политика старшин, которые в этом отношении шли старыми путями, следовали традиции, очень прочной в руководимом ими низовом казачестве.

Но был и другой путь и другое поприще для казачьей профессии—не менее, если не более, старые для донских казаков. Это—Волга и Хвалынское (Каспийское) море. В 16 веке именно Волга была главной ареной их подвигов, и московскому правительству приходилось принимать против них самые решительные меры. В 17 веке собственно волжские казаки исчезают—после Заруцкого мы больше не видим казачьих городов на Волге. Но отнюдь не исчезли на ней казачьи грабежи—только опорным пунктом воровских шаек стал Дон, именно те городки на нем, которые были расположены ближе всего к «переволоке»,—Паншин, Иловля и другие. Из записок голштинского посла Олеария видно, с какой опаской приходилось тогда путешествовать по Волге; ниже Царицына он видел на правом берегу, на высокой горе, виселицу, на которой, как ему объясняли, вешали пойманных казаков.

В этих похождениях на Волге, донские казаки вошли в постоянную связь с яицкими, которые в значительной степени составились из бывших волж-

ских, удалившихся на более дальнюю и безопасную реку. Упреки и выговоры из Москвы Донскому Войску, что казаки уходят на Волгу, на Яик и на море и там громят царские и персидские корабли,—не прекращались весь 17 век. В 1636 г. 500—600 яицких казаков пошли в поход на судах в Хвалынское море и взяли кизилбашский (т. е. персидский) город Фарабас (тот самый Ферах-абад, который через 32 года разгромил Разин); они остались зимовать в море и послали на Дон от себя 53 человека называть к себе запорожских черкас и донских казаков, чтобы грабить государевы суда, а также немецкие корабли (дело шло, очевидно, о кораблях, на которых ехал в Персию Олеарий). В этом случае инициаторами оказались яицкие казаки; но часто ими оказывались и донцы. В 1649—1650 г.г. донской казак Иван Кондырев с шайкой в 200 человек воровал на море, грабил торговых людей и громил села и деревни в Кизилбашской земле; он зимовал на Яике, потом явился в Астрахань с повинной, получил полное прощенье и благополучно вернулся на Дон. Всего за несколько лет до выступления Разина, в 1659—1660 г.г., на Волге у Царицына действовала воровская шайка, которая построила себе особый «городок Ригу» на Дону, ниже р. Иловли. Составляли ее, главным образом, беглецы из московских украинных городов (атаманами были бывшие драгуны и стрельцы), а пополняли—рабочие с ограбленных судов и даже отчасти их конвоиры—стрельцы. Но из дела извлекали вы-

году и некоторые «старые» и состоятельные казаки они снабжали воров всем необходимым для похода, под условием отдачи известной части добычи, а также покупали награбленное. Однако, в общем, войско больше страдало, чем выигрывало от них, т. к. они не пропускали торговых людей, ехавших с продовольствием на низ; ликвидации шайки требовали и царские грамоты. Поэтому зимой все войско отправилось в поход, взяло и сожгло воровской городок, атамана и есаула и их товарищей, 10 человек, повесили, а остальных, дав на поруки, распустили по городам. Но весной следующего 1661 года те же воры снова появились на Волге, погромили несколько судов, принадлежавших московским гостям, и затем пошли в море и на Яик, ограбив по дороге нескольких купцов персидского шаха. Согласно предписанию из Москвы, войско отправило двух казаков, В. Никитина и Фрола Минаева, уговаривать шайку отстать от воровства и вернуться на Дон; миссия увенчалась успехом, и в 1661 году воровские казаки вернулись «на великого государя службу» *).

Такова была почва, из которой первоначально вышла разиновщина. Знаменитый атаман пошел по старой проторенной дорожке, когда он отправился на Яик, а оттуда в Персию. Так поступали многие и до него. Но до него эти экспедиции не выходили из

*) «Донские Дела», т. I, стр. 549—555; IV, 354, 447—448, 495; V, 534—556, 657—659, 723—724, 756—758.

рамок простого пиратства чисто местного значения; все эти атаманы не внушали серьезных опасений московскому правительству, которое охотно прощало их, под условием вернуться на Дон, когда они приносили повинную. С Разиным случилось иное: разбой в Каспийском море у персидских берегов превратился в грандиозное революционное движение, широким потоком разлившееся по русской земле.

Обстановка на Дону слагалась в это время следующим образом: низовое казачество, руководимое своими старшинами, тщетно пыталось очистить дорогу в море, запертую турецкими укреплениями; с другой стороны, сверху шел усиленный приток беглых из Руси, стремившихся избавиться от государева тягла и помещика. Добывание зипунов у бусурман стало трудным и малоприбыльным занятием—раз мало было добычи, мало было и продовольствия и прочих товаров, т. к. менять было не на что, и торговые люди переставали приезжать; а тут еще прибавилось столько лишних ртов. Те шайки, которые искони формировались в Паншине, Иловле, Пяти Избах и др. казачьих городках на Дону для «воровства» на Волге, сразу получили массу рекрут, ищущих куска хлеба. Недостатка в опытных «промышленниках», искушенных в старинном ремесле добывания зипунов, не могло быть в этой военно-разбойничьей республике. Та шайка, которая весной 1667 г. появилась на Волге, отличалась от бесчисленных предшествующих ей только одним—своею

численностью: около 1500 человек. По тем временам это была цифра достаточно значительная, чтобы поколебать в гарнизонах нижнего Поволжья и без того шаткую верность их правительству.

Стрельцы и в других городах Московского государства были в совершенно бесправном и плохо обеспеченном материально состоянии; но здесь и, прежде всего, в центре края—Астрахани они особенно остро его чувствовали, в силу резкого контраста с богатствами русских и персидских капиталистов, которые они обязаны были охранять. Главным из капиталистов был сам царь, ведший крупную торговлю с Персией, затем высшие духовные власти и монастыри и несколько московских гостей, управлявших местными рыбными промыслами через своих приказчиков. Персы, а также бухарцы и индусы имели свои гостиные дворы в Астрахани: суда, нагруженные их товарами, отправлялись вверх по Волге целыми караванами в сопровождении нескольких сотен стрельцов. Но эти казенные защитники и до Разина часто оказывались ненадежными и перебегали к воровским казачьим шайкам. Притом не надо забывать, что Астрахань, в качестве одного из «дальних городов», была местом ссылки; что кругом жили кочевые инородцы, татары и калмыки, которых держали в повиновении путем отобрания у них заложников; что при отсутствии земледельческого русского населения, у местных стрельцов не могло быть прочных корней в крае, ни своего хозяйства, ни, очень

часто, семьи. Пока им приходилось иметь дело с незначительными воровскими шайками, их «шатостное» настроение проявлялось в одиночных побегах к казакам; но стоило появиться сравнительно многочисленному и обвеянному боевой славой казачьему отряду, и сразу произошло массовое восстание.

Таковы были причины, обусловившие первые успехи Разина в нижнем Поволжьи. Но эти успехи здесь не остановились, а с неудержимой силой распространились далеко к северу. И в этом отношении Разин имел своего предтечу, произведшего как бы пробную репетицию разиновского похода на Москву.

22 июня 1666 г. в Воронеж из верхних казачьих городов явился атаман Василий Ус (впоследствии—правая рука Разина) с 500 конных и пеших казаков, якобы на государеву службу, где государь укажет быть. Им ответили, что «на службу никуда ехать не для чего», и предложили отправиться обратно; однако, они добились пропуска своих челобитчиков к царю на Москву и оставались некоторое время в Воронеже, к великому неудовольствию и беспокойству воеводы. Но, не дождавшись возвращения своей станицы из Москвы, они ушли из Воронежа—не домой, на юг, а на север. По дороге они подговаривали крестьян и всяких воровских людей, которые присоединялись к ним, терроризовали дворян и дошли таким образом до реки Упы, где остановились лагерем в 8 верстах от Тулы, куда прибежали многие дворянские жены и дети, спасаясь от казаков. Василий Ус

явился в город с 12 казаками и повторил рассказ о том, что они пошли с Дону на государеву службу. Тут к ним явились их товарищи, которые были посланы в Москву, и привезли государеву грамоту, повелевавшую им итти назад на Дон. Однако, казакам не хотелось возвращаться с пустыми руками. и они отправили опять в Москву самого Уса со станицей бить челом государю о жалованьи. В этот момент их было 700 человек; среди приставших к казакам было много не только крестьян, но и драгун и солдат Белгородского полка. К сожалению, конец дела об этом своеобразном походе Уса утрачен. Но видно, что если Усу с товарищами и не удалось добиться жалованья за свое усердие к государевой службе, то они, во всяком случае, благополучно вернулись на Дон. Московское правительство поручило рассмотреть дело Уса самому Войску. Ус был допрошен в войсковом кругу и отрицал, что он причинял какие-либо грабежи и разоренья. Войско донесло в Москву, что оно учинило Усу с товарищами «жестокое наказание» за то, что они «выходили на твою великого государя службу без твоего государева указу самовольством и без нашего войскового ведома», а также не дали им ничего из царского жалованья. Московскому правительству оставалось сделать вид, что оно этому верит *).

*) «Донские Дела», 1666 г., №№ 2 и 6 (не напечатаны). Содержание этих дел Соловьев и Костомаров передали очень кратко и в сильно упрощенном виде—у них просто сказано,

Легко понять, какое впечатление произвело это шествие казачьего отряда от Воронежа до Тулы, которое никто не смел задержать, на местное население. Неудивительно, что весной следующего года на Дону оказалось множество беглых крестьян из украинных городов. С другой стороны, и казаки почувствовали свою силу, вернее—слабость московского правительства. Следствием этих двух обстоятельств явилось резкое усиление противоправительственного настроения на Дону. Еще в конце 1666 г. стряпчий Вас. Тяпкин, отправленный посланником в Турцию, доносил государю, что в Пятиизбянском городке некоторые казаки не послушали в чем-то государева указу и даже говорили «невежливые слова, изменничьи речи». Войско прои вело по этому поводу розыск и отрицало факт произнесения изменничьих речей, а потому никакого наказания никому не учинило.

В воздухе чувствовалась гроза; казацкие старшины уже не решались принимать меры против анти-

---

что В. Ус в 1666 г. «разбойничал» («с шайкой, составленной из беглых крестьян», по словам Костомарова) в воронежских и тульских местах. Соловьев, кн. III, стр. 293; Костомаров, Собрание сочинений кн. I (издание Литературного Фонда), стр. 453. В действительности поход Уса не был простым разбоем и имел даже некоторую легальную внешность: казаки упорно подчеркивали, что они идут на государеву службу, и не менее упорно добивались государева жалованья. Но по существу, конечно, это движение было опаснее всякого разбоя.

правительственных выступлений, опасаясь вспышки. Царицынский воевода, в качестве начальника ближайшего к Дону царского города обязанный наблюдать за всем тем, что там происходит,—слал на Москву все время самые тревожные отписки. Имени Разина еще не называли, но уже всем было известно, что в Паншином и Качалинском городках собираются многие—тысячи с две—казаки, чтобы итти воровать на Волгу.

2.

Бунт Стеньки Разина.

Степан Тимофеевич Разин *) был «старый» низовый казак, его отец также служил в войске и умер в 1650 году, не успев выполнить своего обета—помолиться у чудотворцев Зосимы и Савватия, в далеком Соловецком монастыре. Вместо него отправился туда, во исполнение «обещания», отцовского и лично своего, осенью 1652 г., его сын Степан; через 9 лет он повторил свое путешествие в Соловки.—Такое паломничество не было чем-то исключительным: ежегодно войско отпускало в Русь не-

*) На личности Разина я подробнее остановился в своем специальном очерке «Стенька Разин» (в серии «Образы человечества», изд. Брокгауз - Ефрон, П. 1923. Там указаны литература и источники). В рамках настоящей работы я касаюсь его характеристики лишь постольку, поскольку это необходимо для характеристики поднятого им движения.

скольких своих казаков, которые, будучи ранены, давали обещание помолиться тем или иным святым; в особенности же славой целителей ран пользовались именно Зосима и Савватий. Двукратное путешествие к Белому морю в качестве богомольца свидетельствует не об особой религиозности будущего бунтовщика, а о том, что он был настоящим казаком, придерживавшимся войсковых традиций. Хотя впоследствии на стороне Стеньки были по преимуществу «молодые» казаки, всякие новоприходцы и запорожские черкасы, но сам он отнюдь не был из голытьбы, как презрительно называли их старые казаки. Напротив, он вышел из кругов, близких к казацким старшинам. Об этом свидетельствует то, что он выполнял ответственные поручения войска—ездил, напр., послом к калмыкам в 1661 г., а также в станице к царю в Москву—где станичники получали жалованье много большее, чем то, которое доставалось в войске на дуване. Сохранилось известие, что войсковой атаман Корнила Яковлев, много раз занимавший этот пост, был крестным отцом Разина. Если это, может быть, и неверно, то, во всяком случае, несомненно, что они были в довольно близких отношениях друг с другом.—Голландец Стрюйс, видевший Разина в 1669 году в Астрахани, дал нам такой его портрет: «Вид его величественный, осанка благородная, а выражение лица гордое; росту высокого, лицо рябоватое. Он обладал способностью внушать страх и

вместе любовь. Чтоб ни приказал он, исполнялось беспрекословно и безропотно». На вид ему было лет сорок.

Таков был тот атаман, который весной 1667 г. стал во главе толпы казаков, собравшихся итти воровать на Волгу. Приготовления к этому ни для кого не были секретом—ни на Дону, ни в Москве. Но никто не мог подозревать, во что выльется в конце концов это «воровство»: подобных прецедентов было уже много и все они не выходили из рамок простого разбоя, обыкновенно кончавшегося принесением повинной и прощением виновного. Современники только тогда начинают понимать изменившиеся обстоятельства, когда неожиданно обнаруживаются их последствия.

В развитии того социального движения, которое, по имени своего главы, получило название разиновщины, совершенно определенно намечаются два периода, две фазы: сначала дело идет, повидимому, о простом морском разбое,—притом, главным образом, за пределами России,—который кончается принесением повинной и возвращением раскаявшихся воров на Дон; и лишь с весны 1670 года начинается уже настоящее революционное движение, направленное против московского правительства. Но при более внимательном анализе событий выясняется, что вторая фаза могла появиться только после первой, была подготовлена ею, и с другой стороны—что уже во время похождений казаков в

Каспийском море и при возвращении их оттуда на Дон обнаружились зародыши будущего восстания, и движение стало принимать характер не уголовного, а политического события. Поэтому нельзя обойти молчанием первого периода разиновщины, хотя, разумеется, центр тяжести лежит во втором.

В конце апреля 1667 года Разин с 600 товарищей отплыл в стругах из Черкасского городка вверх по Дону и остановился в Паншине, куда к нему стали стекаться все желавшие принять участие в предприятии. Он не встретил никаких препятствий—казацкие старшины, во главе с войсковым атаманом К. Яковлевым, не могли или не хотели принять никаких мер против его похода; может быть, они были даже рады, что он убирал с Дона столько лишних ртов и беспокойных голов. В начале мая казаки уже оказались на Волге и ограбили между Царицыном и Саратовом несколько судов. Но этот мелкий разбой был слишком незначителен для такого многочисленного отряда и такого большого честолюбия, какие были у Стеньки. Он стремился добраться к давно намеченной цели—Яицкому городку, построенному в устьях Яика. На Яике жило много старых участников прежних походов Кондырева и других атаманов, разгуливавших в Хвалынском море. Еще зимой один из них писал Стеньке, рекомендуя овладеть Яицким городком, чтобы «сесть в том городке и, выходя из того городка, на море и на Волге воровать». Поэтому,

пройдя мимо Царицына, флот Разина поплыл вниз, к Астрахани. Попытка астраханских воевод задержать казаков кончилась плачевно: посланный навстречу Стеньке воевода Беклемишев был взят в плен, ограблен и высечен плетьми—но затем отпущен; часть его стрельцов пристала к казакам. Выплыв в море, Разин отправился к Яицкому городку, который взял обманом. Здесь была первая массовая кровавая расправа (хотя несовсем ясно, чем она была вызвана): были казнены не только комендант городка, стрелецкий голова, но и много рядовых стрельцов, которым рубил головы астраханский стрелец Чикмаз, позднее, на следствии, сознавшийся в этом и сам назвавший цифру казненных им—170 человек. Все дальнейшие—правда, очень вялые и робкие—попытки астраханских воевод аттаковать Разина в Яицком городке были совершенно неудачны-посланные солдаты и стрельцы были разбиты, многие разбежались по камышам и частью пристали к Разину. Последнее обстоятельство достаточно объясняет нерешительность и безуспешность этих попыток.

Здесь казаки провели зиму, при удобном случае погромив татар-едисанцев, живших в устье Волги, и взяв полон. Весной 1668 г. они бросили Яицкий городок и отплыли на юг, к персидским берегам, откуда не возвращались почти полтора года.

Разин объехал персидские берега от Дербента до земли туркмен («трухмен»), разграбив такие города

как Баку, Решт, Ферах-абад, Астрабад. Склады кизилбашских купцов и шахские дворцы дали богатую добычу незваным гостям—не говоря уже о ясыре, который казаки меняли на христианских пленников. Зимовали они на полуострове Миян-Кале, у Астрабадского залива, а весной переправились к Свиному острову, расположенному недалеко от устьев Куры. Здесь они одержали свою последнюю блестящую победу над персами: астаринский хан напал на них в стругах с отрядом в 3700 человек и потерпел полное поражение—спаслось только 3 струга с немногими людьми; в качестве добычи казакам досталось 33 пушки и сын самого хана, взятый в плен.—Однако, оставаться здесь дольше казаки не могли: в боях и от болезней они потеряли около 500 человек, а персы собирались с новыми силами напасть на них. От тяжелого климата и недостатка пресной воды развивались болезни; вместе с тем все труднее становилось реализовать добычу—даже хлеб приходилось добывать вооруженной рукой. И так как им было известно, что в Астрахани уже имеется на всякий случай царская грамота, объявлявшая им прощенье, то неудивительно, что Разин решил вернуться, чтобы итти затем на Дон.

Но пребывание казаков в Персии не было бесплодным для всего движения. Важны были результаты не столько материальные—ибо добыча была скоро продана и пропита,—сколько моральные: казаки Разина вернулись на Дон, обвеянные славой

побед в далекой сказочной стране с неисчислимыми богатствами, с твердой верой в свои силы и счастливую звезду своего атамана. С самого начала 1668 г. на Дону шла вербовка новых шаек, которые должны были присоединиться к Разину; одной из них (около 700 человек) под начальством Сережки Кривого удалось пройти по следам Разина, прорвавшись мимо Астрахани; другие застряли в степях северного Кавказа. Далеко разнеслась весть о подвигах Стеньки; вернувшись на Дон, он нашел массу людей, жаждавших вступить под его начальство. Но еще до возвращения казаков Разина на Дон ясно определилось, что будущая экспедиция его, если состоится, будет совсем в другом направлении.

Разин явился в Астрахань в августе 1669 г. в качестве раскаявшегося преступника, с войском изнуренным усталостью и болезнями. Но очень скоро роль его переменилась. Казаки десять дней стояли около города в особом стане и вели распродажу награбленного в Персии добра; по словам Стрюйса, фунт шелку стоил 3 копейки, и сам он купил золотую цепь, длиною в сажень, всего за 40 рублей; главными покупщиками были персы и армяне. Разин часто появлялся в городе в толпе своих товарищей, которые относились к нему с благоговейным почетом; они называли его, по запорожской манере, «батькой». Его могущество и щедрость расположили к нему массу населения; воеводы — очевидно, никогда не пользовавшиеся популяр-

ностью—чувствовали, что жители города, почуяв в Разине силу, отдали ему свои симпатии уже из одной ненависти к ним. Предание, правда, говорит, что Разин дал — и несовсем добровольно — богатые дары воеводам, которые поэтому отнеслись к нему и его шайке более, чем снисходительно; позднее, в 1672 г., персидский посланник обвинял их в том, что они с почетом принимали Разина и пировали с ним днем и ночью. Но поведение воевод определялось больше страхом, чем корыстными мотивами. К тому же они могли сослаться (и сделали это) на то, что и раньше другие воровские атаманы, которые «вины свои приносили», оставались на свободе и беспрепятственно отпускались домой. Воеводы свободно вздохнули только тогда, когда Разин со всем своим войском покинул Астрахань (4 сентября 1669 г.).

По дороге от Астрахани до Царицына Разин делался все более смелым, а поведение его казаков—вызывающим. Он увел с собой много перебежчиков и категорически отказался их выдать посланцу воеводы. Затем он старался по дороге освободить своих сообщников, захваченных в прошлом году в Каспийском море, которых везли в Москву под конвоем четырех приказов московских стрельцов; он грозил стрелецким головам взять их силой. Напуганные головы старались избавиться от навязчивого попутчика, и когда Разин прибыл в Царицын, они, немного не доезжая до него, остановились и окопа-

лись, просидев здесь, как в осаде, до тех пор, пока казаки не покинули Царицына.

В Царицыне Разин уже начальнически грозил воеводе Унковскому, а один из его подчиненных, какой-то казачий старшина из запорожцев, отодрал Унковского за бороду. Тюрьма была открыта и «сидельцы» выпущены; проходившие мимо суда казаки останавливали и грабили; у одного стрелецкого сотника отняли царские грамоты, которые он вез в Астрахань, и бросили их в воду. К шайке пристало много «беглых подговорных людей», которых Разин отказался выдать, ссылаясь на старое казацкое правило—«того у казаков не повелось, чтоб беглых людей отдавать».

Пробыв пять дней в Царицыне, Разин отправился, наконец, на Дон, к Пяти-Избенному городку. Разведчики Унковского донесли ему, что донские казаки рады приходу Стеньки «и называют его отцом». Радость эту легко объяснить: голутвенные радовались по той причине, что ожидали от него новых успешных походов за зипуном, а состоятельные казаки расчитывали получить кое-что сейчас, так как вернулись их должники, которым они когда-то дали оружие и платье, «отпуская их из полу». На основании своих сведений царицынский воевода писал в Москву, «что на весну от казаков без воровства, конечно, не будет, потому на Дону стало гораздо много, а кормиться им нечем, никаких добыч не стало».

Так кончился поход Разина в Каспийское море. Но разиновщина только начиналась. На пути от Астрахани до Царицына казаки убедились, что здесь, на нижней Волге, они сильнее московского правительства, и позволили себе действия, носившие характер прямого вызова. Среди вернувшихся на Дон разинцев было много стрельцов и других беглых людей, которые отнюдь не желали возвращаться в прежнее состояние. Но они уже не могли расчитывать на повторение экспедиции в Хвалынское море с прежним исходом, т. е. прощением и мирным возвращением домой: они становились слишком опасны для правительства, которое сделало строгий выговор астраханским воеводам за их слабость по отношению к мятежникам. Вместе с тем было ясно, что большинство населения — на их стороне. Люди, безнаказанно отодравшие за бороду царского воеводу, естественно приходили к мысли о возможности совсем убрать его. Перед глазами у всех был пример другого казацкого «батьки», Богдана Хмельницкого, который за 20 лет перед тем став во главе мятежного запорожского казачества, вел успешную борьбу с польским правительством и в результате стал полунезависимым государем целой страны — Малороссии. В войске Разина было достаточно запорожцев и запорожского духа (зимой 1669 г. поговаривали даже, что он переберется в Запорожье), а у самого Разина—достаточно темперамента и честолюбия, чтобы попытаться пойти по стопам Хмельницкого.

Прибыв на Дон, Разин не отправился в Черкасский, а построил себе новый городок — Кагальник, где и расположил свое войско, приняв меры к тому, чтобы оно не только не разошлось, но еще увеличилось. Услышав, что Стенька щедро ссужает являющихся к нему добровольцев, к нему пошло много донских и еще больше — запорожских казаков. Не прекращался и приток беглых людей из Руси. Разин пришел на Дон в октябре 1669 г., с 1500 человек; в ноябре у него было уже 2700, а к весне 1670 г.— 4000 человек.

Зимой 1669—1670 гг. бегство из Руси на Дон приняло, повидимому, эпидемический характер; по крайней мере, в феврале 1670 г. из Москвы усиленно рассылались грамоты в целый ряд городов, «на которые ездят донские станичники» — Тулу, Серпухов, Воронеж, Тамбов, Валуйки, Ефремов, Елец и другие, сообщавшие, что многие боярские беглые холопы пристают к донским станичникам. Боярские холопы все еще представляли собой подавляющую массу беглых, хотя положение их нередко бывало много лучше, льготнее, чем положение крестьян, из которых тянули соки не только их господа, но и государство. Но участь земледельца — неподвижность: слишком трудно ему бросить свое хозяйство, как бы мало выгод оно ему не представляло; напротив, боярский холоп, совершенно связанный юридически, но не имевший своего хозяйства и живший на бояр-

ском дворе, где часто не выполнял никакого производительного труда, — всегда готов был бежать, предварительно обобрав своего господина. Мы постоянно встречаем челобитные бояр, жаловавшихся на бегство к казакам своих людей, которые уходили, уводя боярских лошадей, унося деньги и прочие их «животы».

Ранней весной 1670 г. в Черкасский городок прибыл царский посол, жилец Евдокимов, которому поручено было разузнать, где Стенька, не собирается ли он весной в поход и куда именно; казачий круг встретил его с почетом. Но на другой день приехал Разин с толпой своих товарищей — и когда снова собрался круг, он выступил против посылки станицы в Москву с Евдокимовым и потребовал привести его в круг. Когда Евдокимов явился, Разин задал ему грозный вопрос: от кого он к ним поехал, от царя или от бояр? Тот отвечал, что приехал от великого государя с царской милостивой грамотой; но Разин закричал, что он приехал к ним не с грамотой, а «лазутчиком» (обвинение это было несовсем без основания), и стал бранить его и бить. Его сообщники добили Евдокимова и бросили его в воду. Войсковой атаман К. Яковлев сделал попытку вступиться за царского посла, но Разин пригрозил ему такой же смертью и сказал: «ты владей своим войском, а я владею своим». Очевидно, на Дону в этот момент было, действительно,

два «войска», ведших прямо противоположную политику, но до поры до времени не решавшихся вступить в открытую борьбу друг с другом.

Прожив в Черкасском полторы недели, Разин пошел в верхние городки, объявив свое намерение— итти Волгой «с боярами повидаться». Жребий был брошен, и Разин открыл свои карты: он провозгласил восстание под тем же лозунгом, который был формулирован московской чернью в 1648 и повторен ею в 1662 году — «за великого государя стоять, а изменников выводить», причем изменниками оказывались б о я р е, а также воеводы.

Первым городом, которым постарался овладеть Разин, был, конечно, Царицын. Дело было слажено очень быстро—царицынцы вошли в переговоры с казаками и открыли им ворота; только воевода со своими людьми, десятком московских стрельцов и тремя царицынскими жителями, заперлись в башне, которая была взята, защитники изрублены, а воевода утоплен в Волге. В городе было введено казацкое устройство: вместо воеводы жители выбрали «атамана городового», к которому Стенька придал одного из своих товарищей. Отсюда Разин двинулся на судах к Астрахани и разбил у Черного Яра высланный против него отряд, большая часть которого сама перебила своих голов и сотников и перешла к казакам. Это было зловещим предзнаменованием для астраханских воевод.

По словам Стрюйса, Астрахань была укреплена так, что могла оказать сопротивление стотысячному войску; но настроение жителей и гарнизона делало его безнадежным. Тот же свидетель говорит, что главный воевода кн. Прозоровский знал, «что народ презирал его, что он хвалил только Разина»; воеводе даже пришлось слышать заявления, что он довольно хозяйничал и что теперь настала очередь управлять властелину более сведущему и достойному. Когда на рассвете 23 июня войска Разина пошли с лестницами к городским стенам на приступ, они почти нигде не встретили сопротивления. Напротив, стрельцы и жители, по словам современного «Сказания о граде Астрахани», «дворян, сотников, боярских людей, и пушкарей начаша сещи прежде казаков сами». Погибли и почти все иноземцы, служившие офицерами в астраханском гарнизоне. Раненый кн. Прозоровский был брошен с раскату (колокольни) и похоронен в общей могиле с другими жертвами восстания в Троицком монастыре; по подсче у одного монаха, здесь было погребено 441 человек.

Первым делом победителей был д у в а н: казна, найденная в приказной палате, имущество убитых начальных людей и товары из гостиных дворов—Русского, Гилянского, Индийского и Бухарского—были свезены в татарское предместье и поделены. Затем Разин стал действовать сообразно своей программе: все жители были приведены к присяге «в том, что им за великого государя стоять и ему, вору Стеньке,

и всему войску служить, а изменников выводить». Присяга производилась со всеми полагавшимися церемониями—«и в то время были у него в войске попы со кресты»; два священника, которые попробовали «обличать» Разина, жестоко поплатились: одного «посадили в воду», а другому отсекли руку и ногу. Город получил военное устройство, по типу «войска», с делением на тысячи, сотни и десятки. День именин царевича Федора Алексеевича мятежный атаман счел нужным праздновать и с сотней своих есаулов и казаков был в гостях у митрополита.

В исторических трудах о Разине до сих пор очень много говорилось о его зверствах в Астрахани. Действительно, этот профессиональный воин и охотник за рабами не мог отличаться мягкостью и гуманностью; он жестоко расправлялся, вешая вверх ногами и на крюк за ребро, с теми, кто осмеливался перечить ему или просто попадался под пьяную руку. Было бы удивительно, если бы он этого не делал; но, с точки зрения истории народных движений, гораздо интереснее определить, какрво было настроение массы городского населения. И тут приходится отметить, что вражда социальных низов к верхам в Астрахани была настолько обострена, что Разин играл скорее сдерживающую роль (разумеется, не до, а после восстания). По крайней мере, один подьячий, счастливо избегнувший расправы, рассказал, что к Стеньке пришли астраханские жители и заявили, что многие дворяне и приказные люди попрятались

и остались в живых, «и чтоб он позволил им, сыскав их, побить», потому что, в случае прихода царских войск, «они им будут первые неприятели». Разин ответил уклончиво: когда он уйдет, тогда они пусть делают, как хотят, «а для расправы оставливает он им казака в атаманы, Ваську Уса». Таким образом, погром был отсрочен; с отъездом же грозного атамана, по свидетельству иноземца Бутлера, пощаженного Разиным, «жестокости усилились, стали мучить больше против обыкновения число людей».

20 июля Разин покинул Астрахань, оставив там половину астраханцев и из донских казаков по 2 человека с десятка. Готовясь к решительной схватке, отправляясь вверх по Волге, он мог чувствовать себя владетелем целого царства, воспоминания о котором были еще свежи в народной памяти, сохраняясь в языке—«Царства Астраханского». Он удачно начинал там, где неудачно кончил его предшественник—Заруцкий.

Путь по Волге до Симбирска был для Разина триумфальным шествием. Когда он был в 7 верстах от Саратова, саратовские жители приставили караул к своему воеводе, «чтоб он не ушел», и встретили Разина, с игуменом Богородицкого монастыря во главе, с хлебом и солью *). Самара тоже сдалась

*) Акты, собранные Н е в о с т р у е в ы м, № 1—в приложении к брошюре А. И. Соловьева «Стенька Разин и его сообщники в пределах нынешней Симбирской губ.», Симбирск 1908. В дальнейшем изложении я ими пользуюсь без ссылок. Кроме старых «Материалов» А. Попова и других печатных источников, я пользовался еще неизданными «Донскими Дедами» за годы разиновщины (с этой стороны они, впрочем, дают мало нового); ссылки на некоторые из них приводятся

без боя; воеводы были убиты и во главе каждого города поставлены атаманы. Только под Симбирском, в первых числах сентября, Разин встретил сопротивление, благодаря тому, что воевода И. Б. Милославский получил подкрепление отрядом московских стрельцов, а кроме того к городу подоспел князь Ю. Н. Барятинский с конным отрядом. Однако, при первом столкновении с Разиным, Барятинский потерпел неудачу и должен был отойти на север, к Тетюшам; но Милославский заперся в симбирском «городе» (кремле) и в течение целого месяца упорно отражал все приступы осаждавших.

Таким образом, боевое ядро мятежников было задержано под Симбирском; однако, это не могло остановить распространения движения далеко на запад и на север от него. Волна восстания разливалась с необычайной быстротой — в октябре ею уже было захвачено пространство, занимаемое ныне губерниями: Саратовской, Симбирской, Пензенской, Тамбовской, Казанской, Нижегородской, и даже перекинулось за Волгу, на р.р. Унжу и Ветлугу. Необходимо определить причину такого быстрого успеха.

Лозунг восстания, провозглашенный уже при взятии Царицына, гласил кратко: за великого государя стоять, а изменников выводить. Это—старая, привычная московская формула, в которую примитивное политическое мышление облекало свое недовольство строем крепостнического государства. Разин и в другом отношении пошел старой дорогой: он провозглашал, что идет на Москву побить изменников-

бояр «по указу великого государя» — а так как от имени царя действовало то самое правительство, которое он собирался «выводить», то он прибег к испытанному московскому средству, завещанному Болотниковым и Заруцким—самозванщине.

Разин распространял слух, что с ним находится старший сын царя, царевич Алексей Алексеевич, который умер в январе того года. Мало того: рядом с именем царевича фигурировало постоянно и имя опального патриарха Никона, сидевшего узником в Белозерском крае, в Ферапонтовом монастыре. Казаки Разина, проникшие в Нижегородский уезд, говорили, что те, кто им сопротивляется, изменяют «царевичу государю Алексею Алексеевичу и Никону Патриарху и батюшку нашему Степану Тимофеевичу»; они уверяли, что за ними идет казаков много, и как только они возьмут Нижний, царевича увидят все. Боевым кличем их было: «Нечай», который объяснялся так: «а то де у нас и ясак Нечай, что вы не чаете царевича». В Темникове, по приказу атамана Федьки Сидорова, поп Пимен в церкви «молил бога за бывшего Никона патриарха и за воровских казаков» и любил пользоваться именем опального патриарха для хвастовства.

Этот фиктивный триумвират: воскресший царевич, узник-патриарх и «батюшко Степан Тимофеевич» — крайне характерен. Разин приспособлялся к политической идеологии масс. Кроме царевича, ему оказался нужен и патриарх—как нужен он был в свое время в Тушине, где нарекли патриархом привезен-

ного несовсем добровольно из Ростова митрополита Филарета. Если Разин выбрал имя Никона, то это можно объяснить тем, что опалу Никона тогда некоторые приписывали интригам тех же изменниксвбояр, которым объявил войну Стенька; кроме того, Никон был известен малорусскими симпатиями, а в войске Разина было очень много черкас.

Таким образом, политические лозунги восстания были очень старыми. Они общи для всех народных движений 17 века, но не характерны специально для разиновщины. Социальное значение этого движения станет ясным, если мы определим, кто в нем участвовал и против кого, собственно, оно было направлено.

Основное ядро и лучшую часть войск Стеньки составляли донские, а также запорожские казаки. Значительная часть их осаждала Симбирск, а другие рассеялись в западном и северном направлениях сравнительно незначительными группами, которые быстро подвигались и росли по дороге, как снежный ком. Разин посылал своих товарищей, давая им поручение «по городам с воровскими прелестными письмами ездить и сбирать в казаки вольницу и итти с ними воровать». Жители Курмыша и Ядрина встретили разинцев торжественно, с образами. Мятежники захватывали города и уезды не столько оружием, сколько пропагандой: 14 декабря главнокомандующий войсками, усмирявшими мятеж, кн. Ю. А. Долгорукий, послал в Москву запечатанный мешок с ото-

бранными «воровскими письмами»; 30 декабря он отправил вторую посылку такого же содержания. В октябре и ноябре 1670 г., когда мятеж достиг наибольшего распространения, в отдельных городах и селах собирались отряды восставших в несколько тысяч и даже свыше десятка тысяч человек, в которых оказывалось всего несколько человек настоящих казаков: около Симбирска был шеститысячный отряд, главным образом, из татар, чувашей и мордвы, и с ними 20 казаков; в Шацком уезде среди «воровских людей» донских казаков было только человек сорок— «а то де весь прибор с ними воровской с Ломовов, да из Керенска всяких чинов служилые люди и мужики».

Последние слова (взятые из донесения шацкого воеводы) указывают на деятельное участие жителей Верхнего и Нижнего Ломовов и Керенска в восстании. И когда атаман Мишка Харитонов, отправленный Разиным из-под Симбирска, с набранной по дороге шайкой, потерпел поражение под Шацком, разбитые мятежники хотели бежать к Стеньке в Симбирск (не зная, очевидно, что там его уже нет), но их уговорили остаться ломовские жители: «мы де пойдем в Шацкой всеми головами» — и действительно, пошли все ломовцы, а также керенцы, поголовно. И позже, когда выяснилось, что Разин разбит и бежал от Симбирска вниз по Волге, ломовцы послали в Саратов известить его, чтобы он весною пришел к ним, «а они ему на помочь готовы».

Такое поведение городских жителей было не исключением, а правилом на юго-восточной окраине Московского государства, охваченной восстанием. Почти все они без боя переходили на сторону мятежников и часто сами расправлялись со своими воеводами, если те заблаговременно не бежали. При этом городское население действует дружно—мы не видим следов какой-нибудь внутренней борьбы. Это и неудивительно: все эти города были недавно построенными, крупными торговыми центрами не были, богатых людей не имели, и здесь посадские люди сливались в одну, однородную, массу со служилыми, главным образом, стрельцами и казаками; главными заводчиками в городах бывали представители обеих этих групп населения: «служилые люди и мужики» *). Не меньше упорства, чем ломовцы, проявили жители северных городов (ближе к Н. Новгороду и Казани)—Козьмодемьянска, Ядрина, Курмыша. 1 октября в Козьмодемьянск пришло от Стеньки Разина человек 30 воровских людей, жители присоединились к ним, убили воеводу и вместо воеводы избрали одного посадского человека, одного ямского охотника и одного стрельца; вместе с ними стали распоряжаться также два казака, пришедших от Разина. Соединившись с ядринцами и курмышанами и толпой чуваш

*) Напротив, в таком крупном и старом торгово-промышленном пункте, как Нижний Новгород, земский староста и выборные посадские люди просили прислать к ним побольше ратных людей для обереганья. «Материалы» Попова, стр. 102.

и черемис, козьмодемьянские посадские люди, стрельцы и ямщики, всего 3 тысячи человек, во главе со своим атаманом, донским атаманом Пронькой Ивановым и попом соборной козьмодемьянской церкви Михаилом Федоровым, выдержали 31 октября жестокий бой с Д. Барятинским. Когда Барятинский осадил Козьмодемьянск, жители отказались сдаться и город был взят приступом. В Ядрин Барятинский послал монаха и посадского уговаривать жителей, чтобы они повинились,—ядринцы ответили тем, что монаха сбросили с башни, а посадского человека пытали огнем Когда Барятинский со своим войском подошел к городу, многие жители покинули его (всего из Ядрина и Курмыша бежало 400 человек).

На втором месте, после жителей городов, посадских и служилых по прибору, следует поставить — по степени активности в движении — инородцев: чуваш, черемис, мордву и, отчасти, татар, которые, как и в смутное время в начале века, имели особые мотивы для восстания. Когда князь Барятинский очищал от воровских людей Свияжск, Цивильск, Чебоксары, Козьмодемьянск и др. города и их уезды, среди повешенных заводчиков восстания большинство составляли чуваши. В Арзамасском и Алатырском уездах мы видим массовое участие мордвы. И еще в январе 1671 г., когда в других местах восстание было окончательно подавлено, царские воеводы еще должны были сражаться с тысячными толпами инородцев, с присоединившимися к ним немногими русскими во-

рами в Цивильском, Курмышском и Ядринском уездах.

Эти инородцы имели много причин быть недовольными правительством. Последнее собирало с них «ясак»—натуральную подать (пушниной), и в податном отношении церемонилось с ними не более, чем со всеми своими тяглецами. Но для «ясачной чуваши» или «ясачной черемисы» и т. д. к этому присоединялись те многочисленные неудобства, которые вытекали из незнания русского языка. Воеводское управление достаточно прославлено в русской исторической науке своими злоупотреблениями — но в отношении к неумеющим жаловаться инородцам оно побивало рекорд; вся история Сибири является красноречивой иллюстрацией этой стороны московского культуртрегерства. Государственные и собственно-воеводские эксплоатация и пригеснения были причиной, почему инородцы среднего Поволжья бунтовали еще в то Смутное время, которое вывело на престол династию Романовых,—хотя борьба различных претендентов за престол была им глубоко безразлична и даже, в значительной степени, неизвестна, а счеты отдельных слоев русского населения между собой—чужды. При крайне низком уровне экономического развития, классовое расслоение внутри них было очень слабо, и неудивительно, что в восстании они принимали участие целыми волостями, которые сразу подымались всей массой. И вся эта масса, примкнувшая к восставшим в силу ненависти к русской адми-

нистрации, иногда готова была обратиться против своих недавних союзников—в ноябре 1670 г. цивильские чуваши, часть которых уже принесла присягу, взбунтовались вновь, пришли под Цивильск и разорили и пожгли русские деревни и взяли в полон помещиковых людей и крестьян и их жен и детей. Так национальные мотивы осложняли социальную борьбу.

Впрочем, некоторая часть инородцев уже успела превратиться в крепостных крестьян, розданных в поместья и вотчины русским боярам, дворянам и детям боярским, а также их собственной родовой аристократии, мурзам. Но, все-таки, национальное чувство, развиваемое правительственным угнетением, проявило свою силу и в разиновщину. Мы имеем очень любопытное обращение от имени Разина «и всего великого войска Донского и Яицкого» к «черни» Цивильского уезда—русским людям. татарам, чуваше и мордве, которое предписывает не трогать и не разорять домов тех дворян, детей боярских, мурз и татар, которые «похотят заодно тоже стоять за дом Пресвятые Богородицы и за всех святых и за великого государя и за благоверных царевичев и за веру православных христиан». Повез эту грамоту «войсковой казак Ахпердя мурза Килдибяков», которого черни предписывалось во всем слушать. Другое, не менее интересное обращенье Разина к инородцам было адресовано в Казань, «казанским посадским бусурманам», и муллам

и мурзам, и предлагало быть заодно «для бога и пророка и для государя и для войска»; посредником Разина в этом деле был татарин, «пожиточный человек» Асан Айбулатов сын Карачурин, поместья которого в Кадомском и Керенском уездах были конфискованы и пожалованы царем голове московских стрельцов Вешнякову. Таким образом, и социальные верхи инородческого населения, по крайней мере, отчасти, примкнули к восстанию.

Правда, среди разинцев оказалось и несколько русских детей боярских *) — но мы уже знаем, что многие из этого разряда служилых людей были беспоместны и по своему социальному положению гораздо ближе стояли к стрельцам и казакам, нежели к своей братье по чину—помещикам и вотчинникам. В нижнем Поволжьи — Астрахани, Царицыне, Саратове — вообще никаких поместий и вотчин не было, а в среднем — было мало, так как слишком недоста-

*) С. И. Порфирьев в своей статье «Разинщина в Казанском крае», по архивным данным, называет двух: курмышенина Болобонова и атемарца Скрябина, приведенных к пытке. «Известия Общества Арх., Истор. и Этнографии при Казанск. Университете», т. XXIX, стр. 365, прим. 3. Можно указать также на сына боярского И. Кузьмина, который был оставлен Стенькой в Царицыне атаманом вместе с одним донским казаком, и на загадочную личность Гр. Гурова, который назвался дворянином Хрущовым и признался, что съехал с Москвы на Царицын к воровским казакам, для воровства. «Акты Исторические», т. IV, № 202, стр. 402 и 405—406.

точно было земледельческого населения сравнительно с численностью военно-служилой мелкоты. Вероятно, из числа последней и были те, очень немногие, дети боярские, которые примкнули к Разину.

Но настоящую свою опасность для политического и социально-экономического строя Московского государства разиновщина показала во всю ширь там, где она встретила массы закрепощенного крестьянства.

Когда Разин был задержан под Симбирском, он разослал по уезду партизанские отряды «загонщиков», которые стали убивать и разорять помещиков — «и поместных людей, дворян и детей боярских, и мурз и татар, за которыми крестьяне есть, рубят и лошадей берут». Слова: «за которыми крестьяне есть» подчеркивают, что погромы были направлены именно против душевладельцев. В Алатырском уезде восстали инородцы — и стали действовать совместно с холопами и крестьянами против помещиков, которые поспешили укрыться в Арзамас, так как Алатырь был взят и сожжен мятежниками: «а выжгли тот город Алатырь и воеводу и дворян порубили бунтовщики, мордва, и черемиса, и чуваша, и воры, их же помещиков люди и крестьяне». Севернее, в Нижегородском уезде, посланный Разиным атаман Максим Осипов имел большой успех и взял приступом богатый Макарьевский монастырь, причем ему оказали деятельную поддержку жители больших торгово-промышленных

сел—Лыскова и Мурашкина. Тут повторилась та же картина: «забунтовали в селах и деревнях крестьяне, помещиков и вотчинников побивают, а которые поместья и вотчины московских людей, и их в тех поместьях и вотчинах нет, и в тех местех побивают прикащиков с женами и детьми, и поместья и вотчины их разоряют». Последнее явление было массовым: приказчиков было убито, может быть, больше, чем самих помещиков; пробравшийся на Ветлугу атаман Илюшка Иванов собрал из разных приходов, поместий и вотчин крестьян 370 человек и с этим отрядом побивал по указаниям черных людей, «по мирской сказке», ббярских приказных людей *).

Избиение дворян и их приказчиков определяет социальную сущность движения, как протеста против закрепощения крестьян. Из того воровского письма Разина, которое было адресовано черни Цивильского уезда, видно, что глава движения был умереннее поднятой им массы, что разинцы были радикальнее Разина. Выкинутый им лозунг—выводить изменников бояр — был истолкован крестьянами распространительно, как призыв против всего класса душевладельцев, тем более, что слово «боярин» имело в обиходном употреблении именно последнее

*) «Материалы» Голубева, стр. 9 («Чтения в О-ве Истории и Древностей» 1894 г. кн. 3). Другой свидетель показал: «и побивает де тот вор Илюшка с чернью дворян и прикащиков». Порфирьев, указ. статья, стр. 321.

значение. Для других категорий населения, примкнувших к восстанию, главным предметом ненависти была администрация. Козьмодемьянцы сговаривались с ядринцами, курмышанами и цивилянами о совместных действиях—«дворян и начальных людей и подьячих побивать и домы их разорять вместе». Во многих городах сжигались и все приказные бумаги.

Опасность Разина в Москве поняли только после взятия им Астрахани. В то время, как он победоносно шел вверх по Волге, в Москве 1 августа 1670 г. была объявлена мобилизация всего столичного дворянства, служить «за великого государя и за свои домы». Главнокомандующим был назначен боярин князь Юрий Алексеевич Долгорукий. Но только через месяц он выступил со своим войском против мятежников. Перед выступлением, по словам одного иностранца, был произведен смотр 60.000 дворян, который поразил зрителей своей пышностью: все войско состояло из всадников, блестяще одетых, и за каждым из них свита холопов вела в поводу разукрашенных коней. Желая произвести эффект смотром такого войска, правительство тем самым подчеркивало классовый характер развертывавшейся гражданской войны. Если подымавшееся крестьянство прибегало к самому простому и кровавому способу классовой борьбы—истреблению лиц враждебного класса, то и помещики готовы были ответить тем же. Илюшка Иванов писал своим

товарищам в Козьмодемьянск, что он был бы рад вернуться с Ветлуги к ним, но его не отпускает чернь — «кричат, бояре появляются и где чернь наедут — и рубят». Дворянский характер правительства, усмирявшего восстание, очень выразительно подчеркивается личностью главного воеводы — того самого князя Долгорукого, который председательствовал на соборе 1648—1649 гг. выборными людьми, рассматривавшими «уложенную книгу», которую теперь мятежники жгли вместе с приказными делами *). Впрочем, приходится отметить, что блестящая внешность дворянского войска не соответствовала ни его боеспособности, ни усердию к службе. Столичное дворянство в большинстве оказалось «в нетях»; начальных людей, доносил воевода, почти нет — живут все по деревням своим.

*) Отмечу одну интересную подробность, наводящую на многие догадки: в послужном списке Долгорукого значится, что он был пожалован из стольников в бояре 21 ноября 157 года (Зерцалов «Новые данные о Земском Соборе 1648—1649 гг.», стр. 53); между тем, введение к «Уложению» говорит, что оно чтено выборным людям 3 октября 157 г.—и с ними в то время в Ответной Палате, по государеву указу, сидел боярин князь Ю. А. Долгорукий. — Сейчас, замечу только, что когда бы ни был пожалован в бояре Долгорукий, во всяком случае, ясно, что это было сделано в связи с работой собора; и, зная условия момента, нельзя сомневаться, что правительство не назначило бы председателем выборных того, кто не отвечал их настроениям. Князь Ю. А. Долгорукий может считаться лидером дворянства.

Московское служилое сословие успело приобрести социальные привилегии, но обстановка приказного абсолютизма не давала развиться его самодеятельности и чувству ответственности. Защиту своих прав на личность крестьянина оно вверило правительству, которое, действительно, подавило разиновщину — но благодаря иностранной военной технике и полкам нового строя, обученным иноземцами, а не дворянскому ополчению, военное значение которого все падало по мере того, как росли его социальные привилегии.

Решительное сражение произошло под Симбирском. 1 октября на выручку осажденному Милославскому подошли, наконец, войска кн. Ю. Н. Барятинского. У Разина было до 20.000 чел.—донских казаков, мордвы, астраханцев, царицынцев, саратовцев, самарцев и жителей окрестных городов и уездов. В нескольких верстах от Симбирска, у р. Свияги, произошло ожесточенное сражение, в котором сам Разин едва не попал в плен: он был тяжело ранен («ранен тяжелою раною», «сечен саблею по голове, да нога правая пробита из пищали»), упал и был уже схвачен алатырцем Степановым—но тут подоспели товарищи Разина и убили Степанова. Мятежники отступили в Симбирский острог (окружавший «город»), потеряв 4 пушки и 14 знамен. На следующий день мятежники еще раз пытались овладеть городом, но Милославский успешно отбил все их ожесточенные приступы. Ночью к Разину

«перекинулся переметчик из города» и сказал, что царские воеводы собираются захватить его струги, стоявшие на Волге. Тогда Разин бросился к стругам с «легкими людьми», а остальные его воины тоже шли за ним «отходом». В эту минуту на них напали государевы ратные люди; произошла паника—те, которые успели добраться до стругов, тоже погибали, т. к. перегруженные суда тонули, «и меж себя воры за суды кололись, потому что в суды наметалось их много» *).

После поражения под Симбирском Разин на время как-будто исчезает. От Нижнего до Шацка и даже на севере, за Волгой, повсюду собираются многотысячные воровские отряды со своими атаманами, посланными Разиным или выдвинутыми местным населением, разбиваются правительственными войсками, вновь собираются; но о Разине—только слухи, что он придет с новыми силами. Причина этого бездействия такой энергичной натуры, как Стенька, думается, ясна—человек, у которого рас-

*) Совершенно неправильное освещение боя под Симбирском дает В. Я. Уланов в статье о разиновщине, в сборнике «Три века», т. I (ред. Каллаша, М. 1912): «робкий» атаман будто бы бежал, «и не увидев пороха и сабли», и победа Барятинского была «плодом странной растерянности Разина и трусости его казацкого войска». Разина можно обвинять в чем угодно, но только не в трусости. Впрочем, и дата — 3 сентября — неверна на целый месяц; есть в этой статье и другие промахи.

сечена голова и прострелена нога, может только лечиться; очевидно, его раны были, действительно, тяжелы, и он отлеживался на Дону, в Кагальнике, куда отвезли его товарищи *).

Таким образом, движение оказалось без руководящего центра, отдельные отряды—без штаба. Тем не менее, мы видим, что среди восставших было много опытных военных людей, и еще больше—людей ожесточенных и упорных. У них были пушки: в бою под Мурашкиным были взяты у них 21 пушка. Они строили себе укрепления, которые упорно обороняли.

По словам одного иностранца, общее число мятежников достигало 200.000—цифра эта представляется вероятной. Восстание настолько близко подходило к Москве, что в ней уже решались громко говорить в пользу Стеньки—что он ищет блага народа и что его надо встретить хлебом-солью («le recevoir en luy présentant le pain et le sel—ce qui parmy les Russiens est une marque de tendresse ef d'amitié»). Тот же наблюдатель говорит, что сторонники Разина, взятые в плен, встречали смерть с порази-

*) Думаю, что это простое объяснение устраняет надобность в тех сложных соображениях, которые строит, напр., М. Я. Феноменов в своей недавно вышедшей книжке «Разиновщина и пугачевщина» (стр. 118—119) о том, почему Разин не «углубился, подобно Мишке Харитонову и Максиму Осипову, в глубь крестьянских и инородческих поселков».

тельным мужеством, в уверенности, что они умирают за правду.

А мужество для этого требовалось... Усмирение разиновщины Долгоруким ставилось впоследствии в пример: сам царь Петр, человек сведущий в этом отношении—во время булавинского бунта, предписывая людей рубить, а заводчиков подымать на колеса и колья, рекомендовал ознакомиться с донесениями Долгорукого. Центром карательной деятельности стал Арзамас, где Долгорукий украсил свою резиденцию головами казненных: предписывалось заводчикам «отсечь головы и над телами их головы воткнуть на колье». Пленных рубили и вешали без суда. По сведениям того же иностранца (в общем, довольно осведомленного и точного), в течение трех месяцев было казнено мятежников, не считая убитых в сражениях, 11.000 человек; Арзамас напоминал собою изображение ада («une image de l'Enfer»): кругом стояли виселицы, на которых висело по 40—50 человек, валялись отрубленные головы; некоторые посаженные на кол жили до третьего дня и даже говорили *). Восстание было по-

*) Память о казненных в Арзамасе сохранилась до наших дней—об этом свидетельствует очерк В. Г. Короленки «Божий городок» (8-й том «Собр. Соч.», изд. Маркса). Характерно, что местное предание более соответствует исторической действительности, чем рассуждения самого автора, который связывает основание «божьего городка» с булавинским бунтом и вообще путает Булавина с Разиным. Это еще раз показывает, как плохо знают культурнейшие русские люди свою историю.

давлено к январю 1671 г.; после этого были лишь кое-где короткие рецидивы среди инородцев.

Только в феврале 1671 г. Разин снова дает знать о себе. До тех пор казацкие старшины, во главе с войсковым атаманом К. Яковлевым, занимали двойственную позицию, не желая ссориться ни с царским правительством, ни со своим грозным и щедрым товарищем. В феврале Стенька явился со своими сторонниками к Черкасскому городку и стоял под ним целую неделю «и их всякими своими воровскими прелестями прельщал, чтоб ему лестью войтить в город, и их страшил побить, а в войске учинить многую смуту». Так доносил в Москву К. Яковлев, ссылаясь на «малолюдство», которое мешает ему «промысл учинить» над Разиным, и прося прислать ратных людей на помощь. Иначе объяснял поведение казацких старшин азовский комендант, который говорил московскому послу, что Яковлев и Родион Осипов (сын бывшего войскового атамана, защищавшего от турок Азов в 1642 г., Осипа Петрова, и пасынок Яковлева) — «первые государю изменники». Они «отпускали» на воровство Стеньку, а после своего поражения Разин приезжал из Кагальника в Черкасский «и, напився пьян, валялся в шубе соболье, а их, Корнила и Родиона, в то время дарил: Корнилу дал шубу рысью, а Родиону—котел серебряный», и они отпустили его с почетом обратно, вместо того, чтоб задержать, как изменника, и выдать государю.

Однако, когда восстание на Руси, поднятое Разиным, было подавлено, казацкие старшины увидели, что дольше лавировать невозможно и ненужно. Царский манифест 15 января 1672 г. говорит, что донские казаки К. Яковлев с товарищами «с ним (Стенькой) в том злом замысле были», но потом «обратились от злоб своих», схватили и выдали Разина. Для этого «обращения» казаков были некоторые очень веские основания. Во-первых, Разин был разбит и лишился ореола непобедимости, а торжествующий победитель настойчиво требовал выдачи вождя побежденных. Во-вторых, эта выдача была условием посылки к ним задержанного царского жалованья и открытия границы для торговли: еще летом 1670 г. в Воронеж и соседние города были посланы царские грамоты, предписавшие не пропускать на Дон никаких чинов людей, в частности— торговых с товарами, с хлебными и съестными запасами — «покаместа от его, Стенькина, воровства Дон очистится» *). Средство оказалось весьма действительным—летом (2 июня) 1671 г. казаки писали в Москву, что они на Дону голодают: «помираем голодной смертью, потому что ныне, государь, к нам холопам твоим весною твоего великого государя жалованья и торговых людей ни единого судна не

*) Н. Новомбергский. «Очерки внутр. управления в Москов. Руси в 17 столетии. Продовольственное строение, ч. I. Материалы», № 192.

бывало». Экономическая зависимость Донского Войска, не имевшего своего земледелия, от московского продовольствия, была сильнейшим орудием в руках царского правительства. И казаки решили выдать Разина.

В апреле 1671 г. К. Яковлев пошел с войском в Кагальник, который был взят приступом, многие побиты, а Стенька и его брат Фролка захвачены живыми. Их заковал в кандалы и повезли в Москву, в сопровождении станицы под начальством самого Яковлева, который в Москве получил осязательное доказательство царской благодарности: 100 золотых червонцев.

Казнь Разина была обставлена всякими церемониями — правительство хотело произвести впечатление. Стенька встретил смерть мужественно. Перекрестившись несколько раз на церковь Казанской Богородицы, он поклонился на все стороны народу, со словами: «Прости»! Палач отрубил ему сначала правую руку, потом левую ногу у колена и, наконец, голову.

Современник-немец Шурцфлейш передает, что Фролка, глядя на мучения брата, закричал за собой «слово государево» (это означало, что он знает какую-нибудь государственную тайну, — это был обычный прием преступников, чтобы оттянуть момент казни); тогда Стенька, до тех пор стоически молчавший, чтобы не доставить удовольствия своим палачам, прикрикнул на него: «Multschi sabacka» (Молчи,

собака!). Приведенные русские слова, написанные латинскими буквами, позволяют думать, что если они и выдуманы, то в России, а не иностранцами,— и, несомненно, хорошо выдуманы.

Казнью Разина не кончилась разиновщина. Старое мятежное гнездо Астрахань, а с нею и Царицын были в руках мятежников, которые не только не думали сдаваться, но сделали новую попытку наступления.

В эти смутные дни большая и крайне ответственная и опасная роль выпала на долю астраханского митрополита Иосифа. Власть церковная вообще сливалась с властью государственной, и в тех случаях, когда почему-либо не оказывалось царских воевод и приказных, их естественными заместителями считались духовные власти. Иосиф был коренной астраханец, в детстве бывший свидетелем господства в Астрахани воровских казаков, пришедших с Заруцким и Мариной; он уже тогда, мальчиком восьми лет, пострадал от них—его как-то ударили по голове, и оттого у него до смерти тряслась голова. Но, как замечает автор «Сказания о граде Астрахани», в те времена, при Маринке, местный архиепископ Феодосий, хоть и пострадал от казаков—его посадили в тюрьму, а дом разграбили—но все таки остался жив; Иосиф же был убит. Этот больной старик обнаружил большое мужество и

необычайное упорство, постоянно обличая публично казаков и всех астраханцев, называя их ворами и изменниками. Приходится удивляться не тому, что его убили, а тому, что он так долго оставался жив. Уважение к духовному сану было очень велико; и только исключительные обстоятельства, а также, может быть, вызывающее поведение самого митрополита повлекли за собою его убийство.

2 ноября 1670 г. через астраханских татар Иосиф получил царскую грамоту, призывавшую астраханцев принести повинную государю; он велел прочесть ее перед соборной церковью. Это вызвало большое возбуждение среди мятежников—стали говорить, что митрополит хочет выдать их боярам, и с бранью говорили ему: «Знал бы ты свою келью, что тебе до нас дела? знаешь ли ты раскат?» Весной 1671 г. опять пришла государева грамота, и митрополит «с великим дерзновением» пошел в «круг» и велел там читать эту грамоту. Когда грамоту вычли, все закричали, что ее писали бояре — «коли бы де была государева грамота, ино б де была за красной печатью». Иосифа обвиняли в том, что он переписывается с московскими боярами, а также с Доном и Тереком, которые по его письму «отложились» от Астрахани. Митрополит тут же в кругу предложил астраханским жителям перехватить и посадить в тюрьму донских воров, до государева указу,— но получил резонный ответ: «кого де нам хватать и сажать в тюрьму? мы де все воры!» Но митрополит и на этот раз остался жив.

В мае 1671 г. многочисленная флотилия стругов вышла из Астрахани вверх по Волге; атаманом был Федька Шелудяк. Планы мятежников нам неизвестны; несомненно, однако, что они были не мирного свойства (как старался потом уверить Шелудяк на допросе). Об этом свидетельствует уже первый шаг собравшегося в поход войска: из-под Царицына от войска явился в Астрахань 11 мая астраханский иноземец Стенька Коченовский (вероятно, поляк) с требованием убить митрополита Иосифа и пощаженного Разиным воеводу кн. С. Львова за то, что они с Тереком и Доном переписывались. Митрополита вызвали в круг, сняли с него облачение, пытали огнем и, наконец, сбросили с раската. После него был казнен князь Львов; имущество их было разграблено. После этого в кругу был составлен и записан приговор от имени всех астраханских жителей: «стоять друг за друга единодушно и иттить им вверх, к Москве, и побивать и выводить изменников бояр».

Между тем, флотилия Шелудяка плыла к тому городу, где в прошлом году потерпел поражение Стенька,—Симбирску. Одновременно с нею, сухим путем шел отряд конных и пеших людей, около 1000 человек, под командой старого соратника Разина, одного из видных атаманов, самостоятельно действовавших осенью 1670 г., Ивашки Константинова. 29 мая Шелудяк в 70 стругах, с 2500 человек, приступал к Симбирску. Приступ был упорен, но неудачен; казаки должны были отступить на судах, переполненных ранеными — «и те раненые братья

помирали многие», по словам одного их товарища. Поражение вызвало деморализацию — астраханцы, черноярцы, царицынцы и саратовцы «пошли все по домам своим». Оставшиеся решили добить челом государю и послали в Симбирск к воеводе, боярину П. В. Шереметеву, депутатом Луконку Сергеева, который оказался крестьянином стольника Н. Шереметева, нижегородского уезда *). Впрочем, переговоры с Шереметевым обнаружили, что мятежники не хотели признать себя преступниками и свое дело — совершенно несправедливым: их письма оказались писаны «не так, как винные добивают челом великому государю и милости просят в винах своих»; они продолжали утверждать, что у государя есть бояре изменники, среди которых на первом месте, как и следовало ожидать, оказывался князь Ю. А. Долгорукий, а также Б. М. Хитрово; писали они «и иные многие затейные дела». Шереметев получил выговор за то, что вступил в неуместную переписку: ему «с такими ворами переписываться не довелось; а у великого государя бояр изменников никого нет, а служат ему, великому государю, верно». — Судя по тону этих переговоров, положение мятежников не было совершенно отчаянным; и в той же грамоте, которая делала выговор Шереметеву за снисходительность к ворам, было велено в Симбирске и по всей «черте» переписать «изменничий

*) «Донские Дела», 1671 г., № 5.

хлеб, молоченый и немолоченый, и в земле рожь»— очевидно, многие из местного земледельческого населения были «в измене» *).

Однако, не все мятежники согласились принести повинную. Шелудяк ушел в Астрахань; за ним пошел вниз по Волге прославившийся в прошлом году в Нижегородском уезде атаман Максим Осипов с 300 чел. Прибыв в Царицын, он хотел забрать все пушки, порох и свинец, а царицынских жителей «всех погнать в Астрахань насильно». Однако, он встретил сопротивление: царицынцы и часть воровских казаков учинили с ним бой, в результате которого Осипов был взят в плен и посажен за крепким караулом. Масса жителей поволжских городов бежала на Дон, чтобы, став казаками, «свои головы спасть» **).

Оставалась одна Астрахань, где, по смерти Уса, атаманом стал Шелудяк. Царское войско с воеводой И. Б. Милославским достигло Астрахани только 1 сентября. Осада продолжалась три месяца, в течение которых Милославский действовал по преимуществу уговором—«они же, яко дикие зверие, нимало внимаху», пишет красноречивый автор современного «Сказания о граде Астрахани», и делали ожесточенные вылазки. В таборы осаждающих они подсылали говорить, что Милославский пришел в

*) «Акты Археогр. Экспедиции», т. IV, № 186.
**) «Донские Дела», за 1671 г., № 9.

Астрахань «без государева указу». Только тогда, когда верному московскому вассалу, черкесскому князю Каспулату Муцаловичу Черкасскому, удалось выманить Шелудяка, якобы для переговоров, и задержать его, и наступила зима—мятежники, наконец, сдались.

27 ноября 1671 г. Милославский вступил в город с иконами и молебным пением, «от великие радости слезы точа». И в дальнейшем Милославский проявил необычайную мягкость. Никто не был казнен; ведомые воры и заводчики смуты все спокойно жили на свободе, даже сам Федька Шелудяк и убийцы митрополита. Разгадку этой мягкости, слез и молебного пенья Милославского мы находим в следствии, произведенном в июле следующего года боярином кн. Я. Н. Одоевским. Оказывается, избранный астраханцами в «старшины» стрелец И. Красулин отдал Милославскому кунью шубу и саблю кн. С. Львова, доставшуюся ему на дуване; у другого «старшины», Колокольника, Милославский взял перстень с каменьем и шапку лисью; третий дал ему панцырь, и т. д. Но, самое главное—Милославский стал широко принимать к себе во двор служить многих мятежников и разрешил делать то же своим подчиненным,—т. е. применил ту практику приема закладчиков, с которой так упорно боролось, под давлением рядового дворянства, правительство. Одоевский обнаружил, что у Милославского служат во дворе многие люди, которые были в воровстве, во главе с са-

мим Федькой Шелудяком и «войсковым попом» Тихоном; новый владелец стал отсылать их понемногу в свои московские вотчины. Милославский оправдывался, говоря, что он разрешил бывшим ворам итти во дворы и давать на них служилые кабалы, «служа великому государю», так как всем «вины их отданы и государской милостью (они) уволены». Одоевский посмотрел иначе, и все воровские заводчики были казнены.

Разница между свирепостью Долгорукого и мягкостью Милославского очень показательна. Первый действовал в крае, населенном крепостными крестьянами, которых требовалось устрашить, где заводчиков предписывалось вешать «в тех городах и уездах, где кто воровал, по приметным местам»; второй имел дело с городом, где никаких крестьян не было—и здесь обще-классовый интерес помещиков отступил перед старыми замашками «сильного» боярина, который готов был помиловать злейших врагов своего к л а с с а под условием поступления во двор к нему л и ч н о. Но момент для этого был неподходящий; и посланный из Москвы Одоевский отменил эти действия Милославского в Астрахани, напомнив, таким образом, что победа над разиновщиной есть победа «бояр» не в узком смысле ч и н а придворных сановников, а в широком смысле всего к л а с с а душевладельцев.

Взятием Астрахани разиновщина была ликвидирована. Она продолжалась, приблизительно, полтора-

года (если считать с момента взятия Разиным Царицына в 1670 г.) и была, несомненно, самым сильным потрясением общественного строя Московской Руси со времени вступления на престол новой династии. Если движение потерпело неудачу, то вовсе не потому, чтобы было мало сочувствующих ему. Напротив, подавляющее большинство населения обыкновенно оказывалось на стороне «воров», и оно проявило много энергии и самоотвержения в страшной борьбе. Но восстанию не хватало организованности: разрозненные отряды посадских, крестьян и инородцев, плохо вооруженные, разбивались сравнительно немногочисленными отрядами рейтар и солдат, вооруженных и обученных по иноземному образцу. Донское казачество—та внешняя сила, которая могла бы объединить мятежников — было, во-первых, вообще немногочисленно, а, во-вторых, расколото, к тому же, внутренней борьбой. Москва успела очень во-время, в январе 1667 г., кончить миром войну с Польшей; никаких иностранных союзников—благодаря которым удачно кончилось восстание Б. Хмельницкого против Польши—у Разина не оказалось. Поэтому Стенька и сошел с исторической арены не как национальный герой (подобно Хмельницкому), а как «вор», казненный рукой палача, сохранившийся в народной памяти в облике разбойника.

Восстание было подавлено. Крепостное право и тесно связанное с ним бюрократическое самодержавие стали еще круче. Класс дворян-помещиков, в

минуту смертельной опасности для своих социальных привилегий, острее сознал свои интересы; он хорошо и надолго запомнил Разина. Запомнили его и на Дону, и на Яике, где не раз еще до конца 17 века ходили по его следам добывать зипуны в Каспийском море; в 1682 г. компания воровских донских казаков в 200 человек собиралась итти на Волгу и в Каспийское море и взяла с собой большие знамена и «прапорец» с изображением черного орла под золотом—«а сказывают они, что те знамена и прапорец Стеньки Разина» *). Обладание знаменами Разина считалось, очевидно, залогом удачи.

Запомнила Стеньку и та многомиллионная масса «черни», которая составила его силу и сделала его таким страшным для московского правительства. Чувствуя свою беспомощность, угнетенные крестьяне и посадские обращали свои взоры на казачество, ожидая оттуда пришествия своего избавителя, который выкинет могущественный лозунг: «за великого государя стоять, а изменников бояр побивать». Разин немало повинен в том, что народная поэзия относится более чем снисходительно к «разбойничкам», окружая их ореолом социального протеста против крепостническо-бюрократического строя.

---

*) «Дополнения к Актам Историческим», т. X, № 2, стр. 8.

Заключение.

Давно прошли те времена, когда можно было говорить, что в Московской Руси была гармония власти и народа, что пропасть между социальными верхами и низами была делом реформ Петра Великого. Московская Русь знала острые моменты борьбы с государственной властью и не менее острые проявления классовой борьбы, которые достались по наследству императорской России.

Уже в смуту начала 17 века ясно обрисовывается борьба различных общественных групп между собой. Но тогда движение захватило по преимуществу ратных людей всех ступеней длинной иерархической лестницы. Казачество, имея очень пестрое, в значительной степени холопское происхождение, стихийно тяготело к государеву жалованью, денежному и—мечта и достижение наиболее смелых!—поместному и вотчинному. В значительной своей части оно достигло этого: старый служилый класс пошел на компромисс с казаками во имя сохранения национальной независимости; некоторые из них, наиболее привыкшие добывать хлеб грабежом, были истреблены, а другие—вернулись на свои казачьи реки. Посадские и крестьяне участвовали в борьбе по преимуществу

в качестве обороняющейся стороны: они не искали никаких перемен в социальных отношениях, они хотели только мира. Благодаря доставленным ими материальным средствам—деньгам, взятым с посадов, и «кормам» и прочим повинностям, многократно и многообразно собранным с сел и деревень,—старому служилому классу «по отечеству», в союзе с казаками, объединенными национальными лозунгами и надеждами на государево жалованье, удалось очистить страну от иноземцев и воровских шаек и восстановить старый порядок.

Иной характер носит то движение, которое было поднято 60 лет спустя Разиным. Во-первых, несколько осложнилась его политическая сторона. В Смутное время не было систематической замены приказного управления каким-нибудь другим—в разиновщину же жители городов избирали своих атаманов или старшин, иногда, впрочем, получая их от казаков. У мятежников был свой, несовсем ясный, но имевший определенный прообраз, план политического переустройства—по образцу «войска». Со времен Смуты казачество на Дону сорганизовалось в единую автономную политическую единицу; запорожское казачество, после удачного восстания против Польши, превратило в «войско» даже всю Малороссию. И вот в 1670 г. грамоты от Разина и даже переписка между его атаманами ведется от имени «всего великого войска»—иногда с прибавлением: «Донского», «Донского и Яицкого», «Донского и Запорожского» или

всех трех—«Донского, Запорожского и Яицкого»—так как у Разина были казаки со всех этих рек. Великороссию могла ожидать судьба Малороссии. Таким образом, к старым политическим лозунгам «за царя» или «царевича» присоединились новые понятия, сложившиеся под влиянием вновь возникших образцов.

Еще больше перемен произошло в области социально-экономических отношений и в соответствующих представлениях и чувствах масс. Ко времени разиновщины многочисленные, слабо разгороженные «чины» стали сливаться в немногие крупные сословия с ясно очерченными и наследственными правами и обязанностями. Вместе с тем, чисто классовые интересы и классовая вражда проявились в это грозное время с полной отчетливостью. Мы видим систематическое разорение дворянских усадеб и истребление их владельцев и приказчиков—этого не было в смуту за 60 лет перед тем, как не было и тех зрелищ, которые устраивал в Арзамасе (и многих других местах) князь Ю. Долгорукий.

Все это, конечно, было подготовлено той социальной эволюцией, которая происходила в России при первых двух Романовых. Безостановочно и неуклонно шел процесс закрепощения крестьянского и посадского населения—помещику и тяглу, и резкого обособления его от служилого сословия. Но всякая эволюция общественных отношений знает критические моменты, когда от внезапной встряски выкристаллизовываются новые, давно назревшие формы. Так было

в начале царствования Алексея Михайловича, когда из бурного, но кратковременного, кровавого, но беспорядочного мятежа московского «простого народа»— вышло Уложение 1649 года. Из трех моментов обострения социального движения, отмеченных в настоящем очерке, смута 1648 г. была наименьшей по размерам и наиболее богатой результатами, ибо она была задолго подготовлена работой молекулярных сил истории. Дворянство, давно добивавшееся окончательного прикрепления крестьян, использовало момент и, заручившись поддержкой посадского населения (которому в свою очередь оказало ее в вопросе о закладчиках), сломило, наконец, сопротивление кучки «сильных» людей, окружавших царя. Со времени устранения в среде вотчинников и помещиков борьбы за рабочие руки путем переманивания крестьян, процесс консолидации дворянского сословия пошел ускоренным темпом. С другой стороны, и крестьянство, потеряв возможность менять владельца, гораздо враждебнее стало относиться к классу душевладельцев вообще. Этот двусторонний процесс обострения классовых противоречий ярко обнаружился в разиновщине, с ее крестьянскими погромами и помещичьим террором.

Разиновщина потерпела неудачу. Она была подавлена и вызвала реакцию, следствия которой чувствовались очень долго. Социальный строй России, со всеми его недугами, вплоть до новейших времен, носил печать московского происхождения.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

I. Наследие Смуты 3

1. Борьба общественных классов в Смутное время 6
2. Ликвидация Смуты — судьба Заруцкого . 41
3. Итоги 61

II. Мятеж 1648 г. и «Соборное Уложение» 1649 г. 77

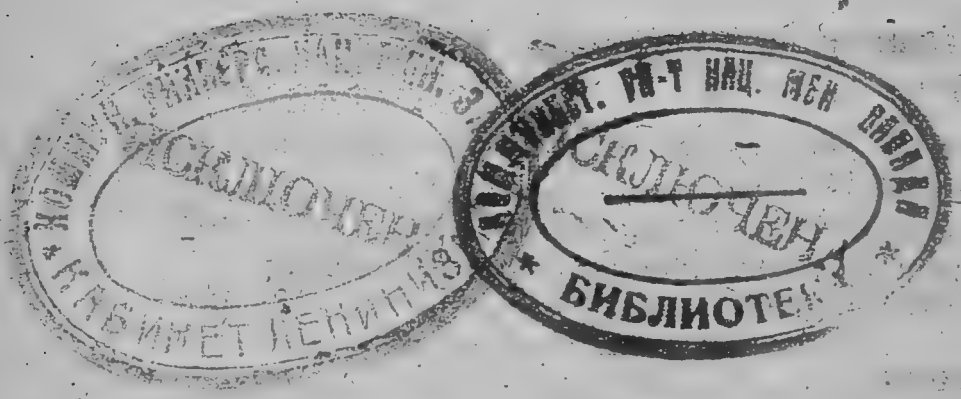
1. Развитие социальных отношений в первой половине 17 века 79
2. Восстание 1648 г. и его результаты . . . 109
3. «Уложение» и его влияние на дальнейшее развитие социального строя 132

III. Разиновщина . . . . . .

1. Шестидесятые годы на Москве и на Дону. 144
2. Бунт Стеньки Разина 174

Заключение 219

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА


ИСКЛЮЧЕН
БИБЛИОТЕКА